

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

*На правах рукописи*

**ДЕРГУНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ**

**ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО:  
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация  
на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Научный руководитель:  
доктор юридических наук, доцент  
**Суменков Сергей Юрьевич**

Саратов – 2024

## **ОГЛАВЛЕНИЕ**

|                                                                                           |                |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|----------------|
| <b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>                                                                      | <b>3</b>       |
| <br><b>ГЛАВА 1. ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО<br/>КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН .....</b>             | <br><b>22</b>  |
| 1.1. Генезис преимущественного права<br>как правового преимущества .....                  | 22             |
| 1.2. Дефиниция и признаки преимущественного права.....                                    | 39             |
| 1.3. Преимущественное право как юридический термин .....                                  | 63             |
| 1.4. Классификация преимущественного права.....                                           | 88             |
| <br><b>ГЛАВА 2. ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО:<br/>СПЕЦИФИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ .....</b> | <br><b>114</b> |
| 2.1. Целевое предназначение преимущественного права .....                                 | 114            |
| 2.2. Преимущественное право как юридическое средство .....                                | 132            |
| 2.3. Функции преимущественного права.....                                                 | 151            |
| <br><b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>                                                               | <br><b>174</b> |
| <br><b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ<br/>И ИСТОЧНИКОВ .....</b>                        | <br><b>177</b> |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы диссертационного исследования.** Каждый этап общественного развития подразумевает конституирование благ, обладающих особой ценностью именно в этот конкретный темпоральный период действительности. Для государства, как организации публичной власти, более чем необходимо учитывать тенденции устремления интересов субъектов, аккумулировать их в себе и направлять на реализацию общих, групповых и индивидуальных целей. Тем самым достигается эффективность государственного управления социумом, привносится гармонизация в распределении благ, создается требуемый баланс в конгломерате различных, зачастую противоречивых интересов. Арсенал средств, имеющихся в распоряжении государства, благодаря которым происходит консолидация многочисленных притязаний, должен быть облечен в юридически значимую официальную форму. Подобный правовой инструментарий, нивелирующий коллизионные устремления и обеспечивающий единую для всех и вместе с тем индивидуально значимую пользу, постоянно востребован и неизменно привлекает внимание, в большей степени усиливающееся в трудные, сложные моменты существования государства, поскольку характеризует социальную парадигму государства и его способность гарантировать соблюдение подлинных, а не формальных требований справедливости, равенства и гуманизма.

В числе юридических средств, ориентированных на реальное претворение указанных идеалов и одновременно на удовлетворение разновекторного спектра законных интересов, важнейшее место занимает преимущественное право. Это объясняется квинтэссенцией преимущественного права, которое подразумевает нормативно закреплённую возможность получения соответствующего блага, обозначающего и воплощающего в себе какую-либо ценность.

Изучение преимущественного права детерминирует его понимание как автономного правового преимущества с гиперболизировано выраженной инструментальной направленностью. Фиксация преимущественного права в юридических нормах позволяет оперировать им как при предоставлении блага, так и для определения тех ценностей, которые являются таковыми с точки зрения государства. Подобное интерпретирует особую востребованность преимущественного права на практике.

В то же время посредством преимущественного права может быть привнесен вред в общественные отношения и нарушен паритет разнородных интересов их участников. Возможность злоупотребления преимущественным правом обусловлена тем, что оно олицетворяет собой благо, имеющее ценность, градируемое, которое негативно сказывается на политической конъюнктуре и идеологическом воздействии.

Концентрация преимущественным правом качеств индикатора благ конкретной исторической эпохи, с одной стороны, предписывает манифестирование преимущественного права как юридического средства ранжирования этих благ; с другой стороны, потенциальная несоразмерность объективным и субъективным факторам наделения благами неизбежно отрицательно влияет на социум. Тем самым очевидная необходимость научных изысканий в проекции к преимущественному праву продиктована запросами как юридической науки, так и практики.

Актуальность проблематики преимущественного права именно для общей теории права эксплицирована потребностью в выработке его единой легальной дефиниции, отличительных признаков, критериев классификации и форм выражения, целевого и функционального предназначения, механизма реализации преимущественного права, а также отграничения от схожих правовых феноменов.

Значимость заявленной темы в ракурсе освещения именно с общетеоретических позиций объясняется также межотраслевым характером проявления преимущественного права, равно как и закрепление его в

нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства.

**Степень научной разработанности проблемы.** Роль преимущества как основания дифференциации между людьми и реального воплощения наличия блага у одних и отсутствия у других всегда привлекало внимание представителей наук гуманитарного профиля, прежде всего, философии, политологии, социологии, истории, экономики. Об этом писали отечественные и зарубежные мыслители, среди которых А.Д. Градовский, К.А. Неволин, М. Вебер, М.М. Ковалевский, А. Маслоу, Дж. С. Милль, К. Маркс, Ф. Ницше, П. Сорокин, Э. Хекшер, А. Шопенгауэр, Ф. Энгельс.

В дореволюционной юридической науке проблематику правовых преимуществ изучали Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.П. Павлов-Сильванский, Л.А. Петражицкий, Ф. Регельсбергер, К.Д. Ушинский, Л.А. Шалланд, Г.Ф. Шершеневич. Среди авторов советского, а равно современного периода можно назвать таких ученых, как В.И. Афанасьева, С.С. Алексеев, В.М. Баранов, И.С. Барзилова (Морозова), С.В. Ворошилова, А.С. Емельянов, А.В. Малько, И.Н. Сенякин, С.Ю. Суменков.

Важнейшее место в концепции о правовых преимуществах занимает докторская диссертация А.Г. Репьева, непосредственно посвященная преимуществам в российском праве<sup>1</sup>.

Различные аспекты правовых преимуществ рассматривались в публикациях отраслевого характера, прежде всего, в контексте конституционного права. Корреляцию преимуществ в праве и принципа правового равенства рассматривали В.В. Бондарь, Ю.В. Капралова, Г.Н. Комкова.

Непосредственно преимущественное право в наибольшей степени разработано в цивилистических науках, в частности, в трудовом праве,

---

<sup>1</sup> См.: Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2020.

семейном праве и, безусловно, гражданском праве, в котором особый акцент направлен на освещение преимущественного права покупки.

Наличие преимущественного права в различных, в том числе и публично-правовых отраслях, а равно объективация его в разноуровневых источниках (формах) права детерминируют освещение преимущественного права именно в общетеоретическом ракурсе. Между тем среди ученых-теоретиков, которые подвергли анализу преимущественное право, можно назвать только труды таких авторов, как А.Г. Репьев, Н.Н. Хрони, В.Ю. Туралин. Высоко оценивая их научные изыскания, стоит заметить, что они, в проекции к преимущественному праву, носят сопутствующий либо фрагментарный характер.

Указанная пробельность в теории права, актуализированная запросами практики, требует отдельного монографического исследования такого сложного и важного феномена, как преимущественное право.

**Объект исследования.** Объектом диссертационной работы выступают общественные отношения, состояние, специфика и развитие которых связаны с присутствием преимущественного права как нормативно закреплённой возможности, предусматривающей обладание социально значимым благом.

**Предмет исследования.** Предметом исследования выступает преимущественное право как закреплённая в юридических нормах возможность получения блага, имеющего соответствующую ценность, его признаки и критерии классификации, юридико-лингвистическая специфика, целевое предназначение, инструментальная направленность и функциональный потенциал.

**Цель исследования.** Целью диссертационного исследования служит формирование общетеоретических начал концепции о преимущественном праве как самостоятельном правовом преимуществе, включающей в себя его генезис, дефиницию, признаки, основания дифференциации, цели, средства и функции.

Достижению цели исследования способствует разрешение следующих **задач**:

- показать историческую ретроспективу эволюции преимущественного права, подтверждающего своеобразие преимущественного права как правового преимущества и необходимость его объективации как автономного юридического феномена;

- доказать, что преимущественное право олицетворяет собой нормативно закрепленную возможность некоторых субъектов на получение блага, обладающего определенной ценностью;

- сформулировать авторскую дефиницию преимущественного права и осветить характеризующие его признаки;

- провести юридико-лингвистический анализ преимущественного права, подтверждающего, что оно выступает как нормативный термин, отображающий отдельный сегмент правовых преимуществ;

- выявить критерии классификационного деления преимущественного права, иллюстрирующие сложность, полиформичность и разнообразие;

- разработать целевую парадигму преимущественного права, ориентированного на обеспечение участников правоотношений благом, представляющим для них соответствующую ценность;

- аргументировать восприятие преимущественного права как юридического средства, детерминирующего использование как форму его реализации, конвергентность с дозволением, имплементацию в диспозитивный метод;

- раскрыть функциональный потенциал преимущественного права, свидетельствующий о его важной роли в правовой регламентации и направленности на удовлетворение законных интересов.

**Методологическая основа исследования.** Методологический арсенал работы включает комплекс методов, благодаря которым обеспечивалось изучение предмета диссертации, достижение ее цели и разрешение задач. Магистральным методом выступил диалектический материализм,

позволивший отграничить преимущественное право как преимущество от его противоположности в виде ограничения, репрезентовать преимущественное право как благо, выявить ценностный эквивалент последнего.

Логический метод способствует установлению причинно-следственной связи между предоставляемым благом и наличием преимущественного права у субъекта, обладающего специальным статусом.

Исторический метод обеспечивает возможность проиллюстрировать объективную необходимость выделения преимущественного права как особого рода преимущества, зависимого, в том числе, от конъюнктурных факторов.

Системно-структурный метод способствует постулированию концепта о преимущественном праве как самостоятельном структурном компоненте системы правовых преимуществ.

Герменевтика как метод была задействована при оценке лексического воплощения преимущественного права в нормативном тексте.

Кибернетический метод привносит в изучение заявленной проблематики гипотезу о необходимом разнообразии жизни, обуславливающую появление преимущественного права.

Функциональный метод помогает раскрыть инструментальную природу преимущественного права и основные направления его воздействия на общественные отношения.

Сравнительно-правовой метод используется для освещения специфики наличия преимущественного права как в различных отраслях права, так и законодательства.

Формально-юридический метод необходим для дефинирования преимущественного права и отграничения его от близких по смыслу правовых феноменов.

**Теоретическая основа исследования.** Теоретический базис диссертационного исследования составляют труды представителей общей теории права, таких как С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Баранов,

А.М. Васильев, Н.А. Власенко, О.Э. Лейст, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, И.Н. Сенякин, Т.Н. Радько, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Черданцев.

Необходимость освещения отдельных аспектов проблематики исследования обусловила обращения к работам Л.Ф. Апт, С.А. Белоусова, С.В. Ворошиловой, М.Л. Давыдовой, А.В. Корнева, А.А. Малиновского, В.Ю. Панченко, Д.Е. Петрова, В.М. Сырых, В.А. Толстика, О.И. Цыбулевской.

Восприятие преимущественного права как правового преимущества детерминировало изучение трудов В.Ю. Туранина, А.Г. Репьева, С.Ю. Суменкова, Н.Н. Хрони.

Межотраслевой характер преимущественного права потребовал учета достижений отраслевых юридических наук, прежде всего, административного права, гражданского права, конституционного права, семейного права, трудового права, финансового права.

Сложная природа преимущественного права потребовала апеллирования к изысканиям не только юридических, но и иных гуманитарных наук, в частности, истории, педагогике, политологии, психологии, социологии, филологии, философии.

**Нормативно-правовая основа исследования.** Преимущественное право не может существовать без имплементации его в норму права, находящей свою объективацию в нормативном акте как основной форме современного российского права. Соответственно, нормативной базой диссертации служит законодательство Российской Федерации, включающее в себя совокупность нормативных актов различного уровня. В их число входят федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также многочисленные и разнообразные подзаконные нормативные акты, к которым относятся указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней, акты органов местного самоуправления, локальные и корпоративные акты.

Особую группу источников составляют нормативные договоры, устанавливающие преимущественное право, а также нормативные правовые акты ретроспективного характера.

**Эмпирическая основа исследования.** Эмпирическую основу диссертации составляют правоприменительные и правоинтерпретационные документы, направленные на реализацию или интерпретацию нормативных предписаний, в которых зафиксировано преимущественное право. Это распорядительные акты Президента РФ, а также распоряжения Правительства РФ и иные акты органов государственной исполнительной власти. В эмпирический фундамент работы входят также акты судебных органов всех звеньев и уровней судебной системы России, акты прокурорского реагирования, акты Центрального банка России, муниципальные акты и акты организаций, учреждений и предприятий различных форм собственности и ведомственной принадлежности.

**Научная новизна исследования.** Новизна диссертации детерминирована рассмотрением преимущественного права в качестве самостоятельного и специфичного правового преимущества.

Новшеством отличается анализ исторической эволюции преимущественного права, доказывающий неизбежность выделения преимущественного права как особой разновидности правового преимущества.

Квинтэссенцией диссертационного исследования, иллюстрирующей его новаторство, служит определение преимущественного права как нормативно закреплённой возможности получения блага, имеющего ценность. Нетривиальной новеллой работы выступает размежевание преимущественного права с субъективным правом, а равно признание преимущественного права как феномена исключительно позитивного права.

Новаторством характеризуется юридико-лингвистический анализ преимущественного права, позволивший сделать вывод о том, что преимущественное право относится к нормативным терминам.

Оригинальность присуща классификации преимущественного права, презюмирующей у него наличие таких подвидов, как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право.

Заслуживает внимания авторская позиция о соотношении дифференциации целей в праве с целевым предназначением преимущественного права.

Аргументированным представляется концепт об инструментальной природе преимущественного права, олицетворяющего разноплановые юридические средства.

Новационной является гипотеза о когерентности функциональной направленности преимущественного права, с одной стороны, и правового регулирования и правового воздействия – с другой.

**На защиту выносятся следующие основные положения:**

1. Доказывается, что преимущественное право изначально существовало в качестве правового преимущества, наряду с привилегиями, льготами, иммунитетами. В отличие от них, преимущественное право сразу не получило лексического выражения в нормативных текстах. Детерминантой выделения преимущественного права выступают как объективные, так и субъективные факторы. К первым относится наличие реального сегмента общественных отношений, одни из участников которых наделяются преимущественными правами по сравнению с другими, что служит действенным социальным индикатором. К числу субъективных аспектов вербализации преимущественного права относятся совершенствование правотворческой техники, политическая конъюнктура и идеологические установки.

2. Постулируется, что преимущественное право – это самостоятельная разновидность правовых преимуществ, подразумевающая юридически закрепленную эксклюзивную возможность отдельных субъектов претендовать, в соответствии со специальными правилами, выступающими дополнением к общим предписаниям, на нормативно оговоренное благо.

Тем самым к признакам, присущим преимущественному праву, относятся: автономность в системе правовых преимуществ; воплощение в абстрактно-нормативной модели, обозначающей закрепленную в нормах права возможность; олицетворение установленного правотворческим образом блага, имеющего ценность в соответствующем сегменте действительности; корреляция с особым порядком регламентации, выражающаяся в имплементации в специальных нормах, воплощении в специальных правилах и отражении в специальном правовом статусе; доминирование дополнения как предоставления в сверх, в расширение социально значимого блага по отношению к основному; эксклюзивность, предусматривающая определенную конкретизацию субъектов, наделенных возможностью обладания благом и в доминанте своей ее непередаваемостью иным лицам.

3. Иллюстрируется сложное соотношение между преимущественным правом и субъективным правом. Общим между ними служит то, что преимущественное право и субъективное право представляют собой нормативно зафиксированную возможность. Это качество преимущественного права коррелирует с таким правомочием субъективного права, как право-поведение. Равно существует конвергентность преимущественного права с иными правомочиями субъективного права, такими как право-требование, право-притязание, право-пользование.

Различие между преимущественным правом и субъективным правом заключается в восприятии такого компонента субъективного права, как право-поведение. Преимущественное право, в отличие от субъективного права, подразумевает исключительно возможность получения блага, в то время как субъективное право более разноректорно в выборе права на собственные действия. Субъективное право априори диспозитивно, а преимущественное право при общем превалировании диспозитивности допускает зависимость от императивно установленных нормативных предписаний, ограничивающих альтернативы вариаций поведения.

Субъективное право относится к естественному праву; преимущественное право – это во многом октроированное право, возникшее вследствие правотворчества государства либо санкционирования им соответствующей правотворческой деятельности и потому находящееся сугубо в рамках права в его нормативном понимании.

4. Аргументируется, что преимущественное право в его лексическом выражении предстает как юридический термин, который, будучи имплементирован в формально определенный источник права, предстает как нормативный термин. В качестве последнего преимущественное право отличается строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием.

Преимущественное право и правовое преимущество коррелируют друг с другом как юридический термин и правовое понятие. Как термин преимущественное право отображает отдельный сегмент понятия «правовое преимущество», воплощая собой предусмотренную возможность получения блага. Правовое преимущество как правовое понятие относится к понятиям науки права, имеющее доктринальное значение и объективируемое в соответствующих правовых терминах.

Преимущественное право характеризуется отсутствием единой легальной дефиниции, поскольку нормы, в которых оно установлено, выступают в большинстве своем как нормы-правила поведения, провозглашающие его наличие и (или) регламентирующие порядок реализации.

5. Утверждается, что важнейшим основанием градации преимущественного права, подтверждающим его когерентность с объективным правом, является его дифференциация по форме внешнего выражения на зафиксированное в правовом обычае, нормативном договоре, нормативном правовом акте с однозначным превалированием последнего. Имплементация преимущественного права в источник позитивного права

обуславливает его деление преимущественного права в зависимости от прямого, отсылочного либо бланкетного способа изложения нормы.

Корреляция преимущественного права с формой права и юридической нормой детерминирует его классификацию по соотношению системы права как содержания и системы законодательства как формы. Такая классификация позволяет сделать вывод о наличии преимущественного права как в отраслях публичного, так и частного права, а равно об отсутствии в нормах процессуального права.

Преимущественное право может дифференцироваться на необремененное условиями и обремененное условиями. Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта. Это позволяет условно стратифицировать преимущественное право на общее и специальное. Сепарация преимущественного права распространяется на субъекты, им обладающие, и на объекты, на которые оно направлено. Субъекты, обладающие преимущественным правом, предельно разнообразны; их преимущественное право может обозначаться как предписанное, приобретенное и смешанное.

Многообразием характеризуются объекты, на которые распространяется преимущественное право субъектов; отличительной чертой объектов служит отсутствие преимущественного права на бездействие.

6. Презюмируется, что преимущественное право неоднородно и разнопланово в проекции предоставления блага. Архитектонику преимущественного права помимо него составляют такие феномены, как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право, с которыми преимущественное право соотносится как целое и части.

Внеочередное право, аккумулируя в себе свойства исключения и преимущественного права, обуславливает возможность получения преимущества теми субъектами, которые не находятся в очереди на обладание благом.

Первоочередное право, напротив, неотделимо от отношений очередности, подразумевая то, что обладатель данного права, находясь в очереди, претендует на получение блага в первую очередь, по сравнению с иными участниками данных отношений.

Приоритетное право концентрирует качества преимущественного права, с одной стороны, и юридического приоритета, с другой – олицетворяя собой нормативно зафиксированное первенство на получение блага как преимущества.

Прагматизм и целевая предопределенность синтагм «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право» порождают множество их фразеологических вариаций, закрепленных в нормативном тексте.

Преимущественное право как доминантное ядро и внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право как его производные составляют конгломерат особых прав, вариативно регулирующих возможность получения блага.

7. Обосновывается, что цели преимущественного права обусловлены таким качеством, как причинность, детерминирующая их фиксацию в юридических нормах как непосредственно, так и в завуалированном порядке и обуславливающая целевую направленность на достижение запланированного результата.

Цели преимущественного права полностью соответствуют признакам правовой цели, что порождает и объясняет их дифференциацию. Магистральной (конечной) целью преимущественного права является привнесение принципов справедливости и гуманизма в регулируемое правом сферу социальной жизни.

Общеправовой целью выступает удовлетворение преимущественным правом законных интересов субъектов правоотношений, что приносит гармонизацию в многочисленные, разнообразные, зачастую коллизионные интересы и потребности.

Частной целью преимущественного права служит предоставление какого-либо социально значимого блага, которое подразумевает обладание преимущественным правом.

В одном ассоциативном ряду с общеправовой целью и частными целями находятся и специальные цели преимущественного права, имеющие значение для отрасли права либо для института права.

Специальные цели в ракурсе их иной классификации можно обозначить как цели-задачи, то есть конкретизированные ориентиры, которые индуцируют установление преимущественного права. С ними коррелирует цель-модель, которая в проекции к преимущественному праву направлена на конструирование модели правоотношений, корреспондирующей как объективным, так и субъективным факторам процессов дифференциации, нивелирующих риски наступления дисбаланса законодательства.

Цели преимущественного права относятся к истинным и реальным, что подтверждается наличием средств, необходимых для их реализации, а равно выполняемыми преимущественным правом функциями.

**8.** Декларируется, что преимущественное право как юридическое средство направлено на достижение поставленных целей, прежде всего, на удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений. Внедрение преимущественного права в правовую норму и дальнейшая объективация в соответствующей форме права позволяют утверждать о преимущественном праве как о средстве-инструменте. При этом преимущественное право находит свое выражение и как средство-правореализации, спецификой которого служит отсутствие жесткой и обязательной корреляции с актами правореализации, носящими правоустанавливающий характер.

Преимущественное право в инструментальном аспекте может оказывать прямое воздействие на участника общественных отношений самим фактом своего наличия, точнее имплементацией в норму права, что позволяет включать преимущественное право как в правовое регулирование, так и в

правовое воздействие. Это объясняет и одновременно обуславливает соответствие использования права как магистральной формы реализации преимущественного права, дозволения как важнейшего способа его осуществления, диспозитивного метода как основополагающего метода правового регулирования, задействованного там, где фигурирует преимущественное право.

Использование, дозволение, диспозитивность детерминируют правовую активность, инициативность и информированность субъекта о нормативной возможности получения значимого для него блага. Подобное не умаляет роли компетентных органов публичной власти, обязанных защищать и гарантировать нормативно зафиксированное преимущественное право.

9. Отмечается, что главной особенностью функционала преимущественного права служит его конвергенция с правовым регулированием и правовым воздействием.

Правовое регулирование индуцирует специально-юридические функции преимущественного права, которыми являются регулятивная и охранительная. Преимущественное право объективно выступает необходимым регулятором, расширяя потенциал возможностей субъекта и внедряя дополнительные правомочия или (и) секвестрируя какие-либо ограничения. Превалирующей для преимущественного права служит регулятивно-динамическая функция, хотя оно некоторым образом характеризуется и выполнением регулятивно-статической функции.

Охранительная функция выступает вторичной по сравнению с регулятивной, и обусловленной ей, функцией преимущественного права.

Общие функции преимущественного права связаны с его корреляцией с правовым воздействием, сложность которой порождает дуализм набора функций преимущественного права. Ценностно-ориентационная составляющая правового воздействия предопределяет реализацию преимущественным правом экономической, политической, идеологической,

воспитательной функций. Названные функции подразумевают ценности, олицетворяющие благо для индивида, социальной группы, общества и государства и предопределяющие ориентационную направленность поведения или (и) развития.

Информационный компонент правового воздействия обуславливает, соответственно, информационную и сопряженную с ней коммуникативную функции.

Деление функционального потенциала преимущественного права, несмотря на имеющуюся демаркацию, несколько условно, о чем свидетельствуют его прикладные функции. К таким функциям, носящим сугубо утилитарный характер, относятся стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая функции преимущественного права.

**Теоретическая значимость исследования.** Диссертация направлена на освещение преимущественного права как самостоятельного компонента системы правовых преимуществ. Тем самым происходит расширение научных знаний о правовых преимуществах, их системе и разновидностях, составляющих данную систему.

Изучение преимущественного права нивелирует пробельность в общей теории права, вызванную отсутствием определения преимущественного права, его признаков, оснований классификации, целевого и функционального предназначения. Восприятие преимущественного права как зафиксированной возможности получения блага, имеющего ценность, обуславливает анализ возможности в праве, рассмотрение сущности блага в юриспруденции, осмысление ценности как правового феномена.

Познание преимущественного права детерминирует осознание проблемных аспектов специального правового статуса субъектов, которые могут претендовать на обладание преимущественным правом, а равно специальных норм и правил, регламентирующих его наличие и порядок предоставления.

Интегрирующей составляющей, подчеркивающей теоретическую значимость исследования, служит проведенное в нем разграничение преимущественного права от иных правовых преимуществ, а равно описание отличительных признаков его подвидов: внеочередного права, первоочередного права, приоритетного права.

Предельно широкий спектр распространения преимущественного права диктует его присутствие в различных отраслях права и (или) законодательства, что привносит особую значимость трактовки преимущественного права в общетеоретическом ракурсе для отраслевых юридических наук.

**Практическая значимость исследования.** Диссертация характеризуется очевидной прагматической направленностью. Подобное объясняется, прежде всего, неразрывной взаимосвязью преимущественного права с правом в объективном смысле, априори предполагающим имплементацию преимущественного права в юридическую норму, находящую свое выражение в официально признанных формах, среди которых превалирует нормативный правовой акт. Это обусловило доминирование правотворчества в проекции к преимущественному праву, ибо оно устанавливается и манифестируется исключительно в ходе правотворческой деятельности. Соответственно, имеющиеся в работе выводы и положения могут оказаться полезными и потому востребованными субъектами правотворчества. Положительное влияние предложенных рекомендаций охватывает как юридико-технические, так и содержательные аспекты. В первом случае – это точность терминологического внедрения преимущественного права; во-втором – обозначения в качестве преимущественного права надлежащего феномена, а именно такой возможности получения блага, обладающего той или иной ценностью. Доводы, выдвинутые в диссертации, вполне могут способствовать оптимизации использования норм, декретировавших преимущественное право, в частности, затрагивающих порядок его реализации. Аналогичным

образом выдвинутые умозаключения могут позитивно повлиять на толкование того, что следует считать преимущественным правом, кому оно принадлежит и на каких условиях предоставляется.

Работа имеет также дидактическое значение, поскольку затрагивает проблемы правового равенства и специального правового регулирования. Положения диссертации находят свое применение в педагогической деятельности автора в ходе преподавания курсов «Теория государства и права» и «Проблемы теории государства и права».

Кроме того, учитывая межотраслевой характер преимущественного права, следует отметить значимость рассматриваемой тематики для учебных дисциплин, изучающих нормы конкретных отраслей права.

**Апробация результатов исследования.** Основополагающие выводы и положения по теме диссертационного исследования были отражены в 12 научных трудах автора. Из них 8 статей опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Наиболее значимые результаты были представлены в ходе выступлений на научно-практических конференциях международного уровня, среди которых: XXIV Международный научно-практический форум «Юртехнетика» «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года); Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова (г. Иркутск, октябрь–ноябрь 2022 года); Международная научно-практическая конференция «Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицина)» (г. Москва, 22–23 декабря 2022 года); VII Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, 16–19 мая 2023 года).

Диссертация подготовлена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», на заседаниях которой проходило ее обсуждение и рецензирование.

**Структура диссертации.** Структура диссертационного исследования обусловлена его логикой, целью и задачами, предопределена объектом и предметом работы. Работа включает в себя введение, две главы, первая из которых содержит четыре параграфа, а вторая – три, заключения и библиографии.

# ГЛАВА 1. ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

## 1.1. Генезис преимущественного права как правового преимущества

Словосочетание «преимущественное право» содержит в себе две основополагающие для социума категории: преимущество и право. Именно интеграция указанных лексических констант позволяет утверждать о своеобразии и относительной автономности анализируемого феномена.

При этом следует признать, что эволюционный путь преимущества является гораздо более длительным в истории человечества, нежели право.

«Правовая норма, – справедливо отмечает В.В. Трофимов, – привносится в волю законодателя извне, под воздействием факторов, которые существуют еще до того, как начинается процесс правотворчества»<sup>1</sup>.

При этом можно лишь согласиться с тем, что само понятие преимущества интуитивно понятно каждому субъекту права, вне зависимости от степени взаимодействия с юриспруденцией, поскольку имеет широкое распространение в быту граждан и имеет такие синонимы как приоритет, предпочтение, привилегия и т.д.»<sup>2</sup>.

Преимущество, согласно словарям, обозначает выгоду, превосходство над кем или над чем либо, а также привилегию<sup>3</sup>. Последнее слово имеет ключевое значение, поскольку на протяжении всего генезиса человеческого общества именно привилегией обозначалось превосходство одних субъектов

---

<sup>1</sup> Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов. 2009. С. 132.

<sup>2</sup> Карташов С.С. Преимущественные права на примере Статута Великого Княжества Литовского 1529 года в государственно-правовой истории народов Центральной и Восточной Европы // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне: матэрыялы міжнароднага навуковапрактычнага круглага стала, прысвечанага юбілею гісторыка права, доктара юрыдычных навук, прафесара Таісіі Іванаўны Доўнар. Мінск, 11 кастр. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2019. С. 339.

<sup>3</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. 1987. С. 472-473.

над другими. Неслучайно, как думается, базовым значением понятия «привилегия» служит преимущественное право<sup>1</sup>; подобного рода синонимия, отчасти справедливая для общесоциальных отношений, не подходит при юридическом оформлении названных феноменов.

Между тем базовой категорией, и об этом подробно будет сказано ниже, выступает «преимущество», разновидностью которого в том числе, служат и привилегия и преимущественное право.

Правовые преимущества возникают только после появления государства и права как особого социального регулятора общественных отношений.

«Право, - как справедливо отмечал О.Э. Лейст, - создается государством в том смысле, что норма становится правовой с момента официального признания (или создания) ее государством и определения санкций за ее нарушение. ...Государство нуждается в праве и для того, чтобы нормативно (единообразно и стабильно) решить ряд проблем управления подвластными»<sup>2</sup>.

На наш взгляд, к числу таких проблем относится и юридическое оформление преимуществ определенных субъектов. Такие преимущества, как уже было сказано, сформировались объективно, были отражены в социальных регуляторах доклассового общества – обычаях, традициях, религиозных предписаниях. Однако с возникновением государства преимущества должны были быть отражены в нормах права. Здесь произошел естественный переход от социальных норм, предусматривающих преимущества, к юридическим<sup>3</sup>.

При этом изначально подобного рода преимущества не облакаются в специальную терминологию (прежде всего связанную со словом «привилегия»), что свидетельствует о восприятии преимущественного положения некоторых лиц как вполне естественное, устоявшееся положение, освещенное обычаем или (и) религиозным канонem.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 477.

<sup>2</sup> Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 146, 148.

<sup>3</sup> См. об этом: Репьев А.Г. Социальные и правовые нормы, содержащие преимущества: от обычного права к формально-определенному // История государства и права. 2019. № 5. С. 17-22.

Религиозные нормы тесно переплетаются и во многом детерминированы с традициями и обычаями. Именно сочетание религиозного фактора с традициями и обычаями определяло социокультурный вектор развития правовой системы.

Это более чем важно, если исходить из вполне устоявшейся парадигмы состава форм (источников) права: правовой обычай, правовой прецедент, нормативный договор, нормативный правовой акт.

Правовой обычай в представленном правовом ряду, безусловно, самый первый исторически существующий источник права<sup>1</sup>. Правовой обычай изначально содержал как общие, так и специальные нормы, как единые для всех правила, так и исключения из них<sup>2</sup>.

При этом естественно, что на ранних этапах развития государственности, преимущества, получившие свое зарождение в родовой общине, были объективированы прежде всего в правовом обычае<sup>3</sup>. В этом и состоит дуалистическая природа преимуществ: «...с одной стороны, они явление естественного, обычного права, а с другой – следствие права позитивного»<sup>4</sup>.

Непосредственную объективизацию в предписаниях нормативных актов преимущества и права на них получили в законодательстве Древнего Рима. Здесь немаловажную роль сыграл в том числе религиозный элемент<sup>5</sup>, который воздействовал на все отрасли права.

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Малова О.В. Правовой обычай как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

<sup>2</sup> См.: Байдарова М.А. Исключения в праве и формы их выражения (на примере объективизации исключений в правовом обычае и судебном прецеденте)// Алтайский юридический вестник. Барнаул, 2019. № 4 (28). С. 13-18.

<sup>3</sup> См.: Репьев А.Г. Правовой обычай как источник закрепления преимуществ отдельных субъектов // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 97-102.

<sup>4</sup> Репьев А.Г. Правовые обычаи и традиции, предусматривающие отступление от равенства и являющиеся источниками закрепления правовых преимуществ // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3. 2020. С.232.

<sup>5</sup> См.: Трофимов В.В. Указ. соч. С. 140.

Право этого государства изначально предусматривало деление на *jus commune* (общее право); *jus singulare* (особенное право); *jus speciale* (право исключительное). Важной категорией специального права выступала льгота; в свою очередь оператором исключительного права выступала привилегия<sup>1</sup>.

В любом случае и льгота, и привилегия обозначали преимущества одних субъектов перед другими, но прежде всего в рамках правоотношений среди римских граждан.

Между тем само наличие римского гражданства (лат. *Civitas Romana*) априори подразумевало наличие преимущественных прав перед теми, кто им не обладал<sup>2</sup>.

Среди преимущественных прав римских граждан стоит выделить следующие: право голосовать в народном собрании; несение гражданской и военной службы; полное право собственности и заключения сделок; заключение законного брака, предоставляющий права детям, рожденным в таком браке; сохранение полного римского гражданства при переезде в полис сопоставимого статуса; иммунитет от местных правовых норм и законов; право на предъявление судебных исков; право на суд и защиту; право на обжалование судебных решений; приоритет при разрешении споров между римскими гражданами и перегринами.

Кроме того к римскому гражданину не могли быть применены пытки и телесные наказания, а также смертная казнь в случае государственной измены, что не распространялось на военнотружущих в период несения службы.

В последующем Эдикт Каракаллы или «Антонинов указ» (лат. *Constitutio Antoniniana* – «Конституция Антонина»),<sup>3</sup> изданный указом римского императора Септимия Бассиана Каракаллы в 212 году нашей эры, должен был уравнивать в правах все население страны, а как следствие разделить

---

<sup>1</sup> Ефимов В.В. Догма римского права. СПб., 1901. С. 34-36.

<sup>2</sup> См.: Дергунов А.А. Историко-правовой анализ преимущественного права как общетеоретического феномена // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 5. С. 73-86.

<sup>3</sup> Пантелеев А.Д. Жертвы глобализма: эдикт Каракаллы и положение христиан в начале III века // *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. 2006. № 5. С. 97.

часть преимущественных прав римских граждан с латинскими гражданами и переграинами, на дедитиций данный указ не распространялся.

Фактически латинские граждане и перегрины получили только право на службу в легионах регулярной армии, а наряду с приобретением данной привилегии на них дополнительно водрузили тяжкое бремя налогообложения,<sup>1</sup> что в частности и было основной целью эдикта.

Тем самым для данного исторического периода было характерно становление преимущественных прав как основного критерия разделения внутри общества через наделение преимущественными правами граждан одной категории по отношению к представителю другой категории.

При этом необходимо отметить следующее: сам термин «преимущественное право» не использовалось в римском законодательстве, однако регулятивное воздействие преимущественного права, как наличие предоставленной юридическими нормами возможности обладания преимуществами одних субъектов перед другими, имело место быть. В свою очередь нормативные термины: «привилегия», «льгота» использовались в непосредственном значении, подразумевая специальное либо исключительное положение участников правоотношений.

Таким образом, можно констатировать феномен преимущественного права, заключающий в том, что, не объективируясь непосредственно терминологически, преимущественное право выполняет регулятивную функцию, включая в себя и собственно юридические термины.

Подобного рода тенденция наблюдается и в ходе дальнейшего исторического развития, и соответственно, генезиса преимущественного права в исторических памятниках.

В частности, в нормативных актах Оттона I Великого употребляется такой термин как «инвеститура», в самом общем смысле обозначающим преимущественное право императора на незанятые (или освободившиеся)

---

<sup>1</sup>См. об этом подробнее: Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I—III вв. М., Л., 1949.

светские либо церковные владения, позволяющие их рассматривать как ленные угодья императора; одновременно преимущественное право вуалируется таким словом как «сполиация», подразумевающая лишение (отобрание) в пользу верховной власти имущества умерших лиц духовного звания<sup>1</sup>. С.С. Карташов правильно отмечает, что благодаря введенным самим Оттоном I Великим преимущественным правам, обращенным на легитимацию преимуществ императора, значительно укрепились власть последнего, что позволило говорить о так называемых «Оттоновских привилегиях». Между тем речь идет не привилегиях, ибо средневековое право (во многом понимаемое как право-привилегия), знало значение данной дефиниции, а именно о преимущественном императорском праве, во многом позволившем создать и укрепить Римскую империю германской нации<sup>2</sup>.

Аналогичным образом именно преимущественное право мужчины перед женщиной на занятие трона было положено в так называемый Салический закон, опирающийся на положения Салической правды, запрещающей наследникам женского пола наследовать земельное имущество<sup>3</sup>. Здесь также не употребляется термины «льгота» либо «привилегия», поскольку абсолютно понятно, что не может быть льготы либо привилегии при наследовании престола. Салический закон нормативно закрепляет преимущественное право мужчины на «возложение короны»<sup>4</sup>.

О преимущественных правах одного сословия (шляхты) в Великом Княжестве Литовском перед другими подробно рассуждает С.С. Карташов, с которым можно согласиться в том, что в Древнерусском государстве процессы наделения преимущественными правами определенных сословий протекали

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Карташов С.С. Указ. соч. С. 340.

<sup>2</sup> См.: Балакин В.Д. Творцы Священной Римской империи. М., 2004. С 72.

<sup>3</sup> См.: Малинин Ю.П. Салический закон о престолонаследии и концепция королевской власти во Франции XIV—XV вв. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 1996. С. 130-139.

<sup>4</sup> См. подробнее: Вьенно Э. Преимущественное право мужчины и французский дух монархии: обсуждение Салической правды и создание национального консенсуса во время последней религиозной войны XVI столетия // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2016. Т. 1. С. 212-229.

аналогичным образом, доказательством чему служат многие положения Русской правды<sup>1</sup>.

В последней также не используется словосочетание «преимущественное право», равно как и слова «льгота», «привилегия». Тем не менее анализ норм названного правового памятника позволяет сделать вывод именно о преимущественном праве – как преимуществе, право на которого нормативно закреплено.

В частности, анализируя ст. 26 Русской правды (Пространной редакции), оговаривающей возможность представителей княжеской дружины безнаказанно ударить обидчика оружием, А.В. Малько и С.Ю. Суменков делают однозначный вывод о том, что подобную возможность следует расценивать как привилегию.

С данной позицией можно согласиться, но лишь при оговорке о том, что данная лексема не использовалась в указанной статье. Соответственно, речь идет не о привилегии, имеющей уже в ту историческую эпоху достаточно четкую юридическую дефиницию. Как думается, с подобной трактовкой согласны и сами А.В. Малько и С.Ю. Суменков, которые пишут о том, что «начиная со времен Русской правды, привилегии оформлялись в основном как пожалование государем исключительных прав...»<sup>2</sup>.

Тем самым, если привилегия, исходя из латинской этимологии – исключительное право, обозначаемое именно указанным термином, то преимущественное право понимается, как уже отмечалось выше, как нормативно предоставленное преимущество.

В этом контексте стоит упомянуть Великую Ясу Чингисхана, изданную так же в рассматриваемый период времени, но территориально охватывающую другую часть континента<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Карташов С.С. Указ. соч. С. 339, 341.

<sup>2</sup> Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 41-42.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Указ. соч. С. 73-86.

Уложение Чингисхана содержит в себе нормы, которые с одной стороны декларировали равенство людей вне зависимости от материального или социального положения. Учитывая военную направленность монгольского общества, не только мужчины, но и женщины несли воинскую службу, и при задействовании первых в боевых действиях, они выполняли их обязанности. С другой стороны имели место быть исключения, а именно священнослужители всех религий, монголы не признавали главенство какой-либо отдельной религии, имели преимущество по отношению к представителям нации и освобождались от несения службы и уплаты налогов.<sup>1</sup>

Указанный иммунитет могло получить лицо, относящиеся к числу рядовых граждан, тем самым становясь известным монголам как дархан. Стоит отметить, что как институт он сформировался намного позже в XIV - XV века.

Уголовно-правовые нормы предписывали почти за все виды преступлений смертную казнь. При этом такое суровое, но распространенное в монгольском обществе наказание можно было заменить уплатой штрафа. Тут стоит отметить, что за китайца штраф был эквивалентен стоимости одного осла, а вот за мусульманина значился барыш – сорок золотых монет. Чингизидам – представителям привилегированного ханского рода за пренебрежение Ясой грозило наказание в виде заключения под стражей и депортации.

Именно в позднем Средневековье преимущественное право становится подлинно юридической категорией. В первую очередь оно используется в нормах, регулирующих имущественные отношения. «Право преимущественной покупки, - пишет У.Б. Филатова, - впервые возникло в немецком праве во времена Средневековья, когда особое влияние имела коллективная концепция»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-Москва, 1997, С. 108-130.

<sup>2</sup> Филатова У.Б. Право преимущественной покупки в европейских правовых порядках: история и современность // Правовые вопросы недвижимости. 2012. № 2. С. 30.

Большинство исследователей подчеркивают, что преимущественные права в имущественном обороте – явление, возникшее именно как производная от феодального права, с его культом коллективизма<sup>1</sup>. На этом основании некоторые ученые выражают негативное отношение к преимущественному праву, как несоответствующую романистике новеллу.<sup>2</sup>

Здесь хотелось бы отметить, что римское право в его классическом выражении связано с приматом индивидуализма; в свою очередь особый порядок владения землей в феодальной Европе обуславливал многообразие форм участия нескольких субъектов в праве собственности на один и тот же земельный надел<sup>3</sup>.

При этом римское право, начиная со времен императора Диоклетиана (244-311 гг.), признавало институт преимущественной покупки – в отношении эмфитевзиса (лат. *emphyteusis*), т.е. наследственной (вечной) аренды земельного участка. Кроме того, по мнению К.П. Победоносцева, римское право знало и иные формы преимущественного права, например, публичной продажи конкурсного имущества<sup>4</sup>.

Однако главное все же в том, что преимущественное право носит объективный характер; субъективно оно может в ходе правотворчества выражено в том либо ином законодательстве, регламентирующем соответствующую сферу общественных отношений. «В правовых требованиях, - верно замечает В.В. Трофимов, - в концентрированном виде воплощаются, прежде всего естественные закономерности жизни права»<sup>5</sup>. Естественная среда, в которой обитает человек, а также сама внутренняя

---

<sup>1</sup> См., например: Зубарева Н.В. История возникновения преимущественного права покупки // Журнал российского права. 2006. № 9 (117). С. 72-80; Никольский Н. История возникновения и развития правового регулирования преимущественных прав в имущественном обороте // История государства и права. 2006. № 11. С. 15-17.

<sup>2</sup> См.: Склавский К.И., Смирнова М.Б. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. № 10. С. 88-98.

<sup>3</sup> См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 209.

<sup>4</sup> См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. I: Вотчинные права. М., 2003. С. 403.

<sup>5</sup> Трофимов В.В. Указ. соч. С. 141.

природа человека детерминирует соционормативную регуляцию, выполняющую роль исходного начала, вокруг которого выстраивается система юридических стандартов (норм)<sup>1</sup>.

Именно «естественность» наличие преимущества у одних людей по отношению к другим, позволяет фиксировать первоначальное закрепление преимущественных прав в правовом обычае<sup>2</sup>; наглядным примером трансформации предписаний правового обычая в текст нормативного акта представляет эволюция преимущественного права приобретения земельного участка<sup>3</sup>.

Сочетание субъективного и объективного в природе преимущественного права<sup>4</sup> объясняет и некоторые общие закономерности, в числе которых проявление в первую очередь среди нормативных актов, регламентирующих имущественные правоотношения, в примерно одинаковый исторический период, хотя и в разных географических регионах мира.

В частности, в средневековом русском праве также имеется указания на преимущественное право покупки. Исследователи в качестве примера приводят, как правило, Новгородскую купчую грамоту, регламентирующую указанный аспект общественных отношений, что позволяет в очередной раз убедиться в правильности вывода о генезисе норм обычного права в право позитивное<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Там же.

<sup>2</sup> См.: Репьев А.Г. Правовые обычаи и традиции, предусматривающие отступление от равенства и являющиеся источниками закрепления правовых преимуществ. С. 231-234.

<sup>3</sup> Победоносцев К.П. Указ соч. С. 404.

<sup>4</sup> Интеграция объективных и субъективных факторов характерна и для близкой по отношению к преимущественному праву категории – «исключение в праве», которая также имеет объективные детерминанты, но нормативное оформление зависит от субъективного усмотрения субъектов правотворческого процесса.

<sup>5</sup> См., например: Бондарева Е.В., Хрущев Е.Г. Преимущественные права в российском гражданском праве XIV- нач. XXI вв: историко-правовой анализ // Ценности и нормы правовой культуры в новой правовой реальности: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященная 55-летию ЮЗГУ (Курск, 24 мая 2019 года). Курск, 2019. С. 17.

Бесспорным с историко-правовой точки зрения служит тезис о том, что одним из первых законодательных актов, нормативно устанавливающих преимущественное право, является Соборное уложение 1649 года<sup>1</sup>. Между тем внимательный анализ соответствующих норм названного правового памятника (в частности, ст.ст. 13, 14) позволяет утверждать, что общий посыл названных нормативных предписаний, безусловно, заключается в предоставлении преимущественных прав при купле-продаже наследуемой вотчины, однако самого термина «преимущественное право» в Соборном уложении 1649 года не имеется.

Равным образом концепт о преимущественных правах, но без использования этого термина, наблюдается, например, в деятельности созданной Петром I в 1719 году Берг-коллегии, руководствующейся так называемой Берг-привилегией и Берг-регламентом.

Берг-привилегия от 10 декабря 1719 года содержала целый комплекс преимущественных прав в сфере горного права. Государство гарантировало право начинающих промышленников наследования собственности на горнодобывающие заводы, а «в случае открытия месторождения получать преимущественное право на его разработку»<sup>2</sup>.

Значительный пласт преимущественных прав, укрепивших господствующее положение российского дворянства, содержалось в Манифесте от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»; что характерно, в названном документе не фигурирует слово «привилегия», поскольку речь идет именно о возведении в закон комплекса преимущественных прав дворянского сословия<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См., в частности: Леонова Л.Ю. Преимущественное право покупки: история возникновения, осуществление и защита // Законодательство. 2002. № 9. С.18-19.

<sup>2</sup> Денисова Л.Н. Становление российского горного законодательства в эпоху Петра Великого // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 19.

<sup>3</sup> См. об этом: Васильева И.В. К вопросу об авторстве текста и значении Манифеста Петра III о вольности дворянской // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 3-9.

Практически одновременно преимущественные права появляются в законодательстве, связанном с существованием купечества (Устав купеческого водоходства 1781 года)<sup>1</sup>.

Вместе с тем, утверждать о существовании правового феномена будет правильно, если в тексте нормативного акта появляется его соответствующее лексическое объективирование<sup>2</sup>.

Первое фразеологическое воплощение синтагма «преимущественное право» получила в документе, относящемся к учредительным документам, регламентирующем основы государственной власти.

Так, императрица Елизавета Петровна, получив власть в результате переворота, осуществленного солдатами одного из гвардейских полков, «столкнулась с необходимостью юридического оформления данного события, что потребовало принятия ряда законодательных актов»<sup>3</sup>. К последним относится и Манифест от 28 ноября 1741 г. «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону»<sup>4</sup>. Как представляется, само название манифеста более чем красноречиво, а использование словосочетания «преимущественное право» далеко не случайно. Как верно отмечает С.В. Ворошилова, Манифест был необходим Елизавете Петровне для легитимации своего правления<sup>5</sup>. В свою очередь «легитимация права предполагает признание субъектами правовых предписаний руководством для себя»<sup>6</sup>, так как нельзя не быть

---

<sup>1</sup> См.: Плотникова А.В., Крохина А.В., Кислова Г.С. Проблемы развития предпринимательства в России и пути их решения: историко-правовое исследование // Аграрное и земельное право. 2016. № 11. С. 87-90.

<sup>2</sup> См.: Дергунов А.А. Указ. соч. С. 73-86.

<sup>3</sup> Ворошилова С.В. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны в контексте отечественных правовых традиций // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 216.

<sup>4</sup> Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. и авт. вступ. ст. : В. А. Томсинов. М., 2009. С. 9.

<sup>5</sup> См.: Ворошилова С.В. Указ. соч. С. 217.

<sup>6</sup> Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., 2022. С. 104.

согласным с тем, что «нормы закона должны быть легитимны, то есть признаваться обществом и отдельными субъектами»<sup>1</sup>.

В этой связи излишне категоричной служит апория, согласно которой, «анализируя содержание нормативных актов, можно сделать вывод о том, что в дореволюционной России преимущественное право в основном было связано с институтом общей собственности»<sup>2</sup>.

Конечно, вполне объяснимо то, что дефиниция «преимущественное право» фиксируется прежде в нормах, регулирующих имущественный оборот; здесь оно отражает объективно существующие отношения и получает подлинно юридическое значение.

В частности, законодательная формулировка «преимущественное право» закреплена в Проекте Гражданского уложения Российской империи: Книга V «Обязательственное право» содержало среди иных особых видов продажи подраздел 4 «Продажа с условием о праве преимущественной покупки» (ст. ст. 1772-1775). Эти статьи детально регламентировали различные аспекты преимущественного права, которые могли возникнуть при продаже имущества<sup>3</sup>. Названный акт был в 1913 году представлен в Государственную Думу, однако последующие исторические потрясения (Первая мировая война и революционная смена власти в России) не позволили его принять.

С установлением Советской власти, казалось бы, тема преимущественных прав должна быть нивелирована, как противоречащая идеалу коммунистического общества. Так, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса характерное право привилегированных сословий по своей природе противоречит форме закона, поскольку проистекает из обычаев, получивших со временем отражение в законах. Однако, в своей критике привилегий и преимущественных прав они исходят из идеалистического

---

<sup>1</sup> Там же. С. 98.

<sup>2</sup> Бондарева Е.В., Хрущев Е.Г. Указ. соч. С. 18.

<sup>3</sup> См.: Зубарева Н.В. История возникновения преимущественного права покупки. С. 76.

представления об «общем праве» и «публичном разуме». «Во все времена существовали все виды свободы – в одних случаях, как особая привилегия, в других – как общее право»<sup>1</sup>. К. Маркс относится отрицательно к частным интересам членов общества, которые рассматривают право не как самостоятельный предмет и действуют за спиной права.

К. Маркс, отвергает необходимость наличия наряду с законом обычного права привилегированных, вместе с тем выступает в защиту обычного права нищеты.

Возможность реализация на практике указанных принципов в правовой сфере государства, можно рассмотреть на примере советского права, возникшего в России после Октябрьской революции 1917 года. Первые декреты советской власти декларировали, что партия и рабочий класс будут строить право совершенно иное от сложившегося до этого периода в императорской России<sup>2</sup>. В частности, изначально провозглашалась ликвидация всех сословных, национальных и религиозных привилегий. Сам этот термин «стал восприниматься как сугубо отражающий противоправные преимущества»<sup>3</sup>.

Однако, и в этом состоит определенный парадокс преимущественного права, как сугубо нормативной, без всякой политической подоплеки категории, именно в советском законодательстве эта формулировка получила свое официальное признание и широкое распространение, хотя первоначально и имели место быть определенные дискуссии, в ходе которых в том числе высказывались мнения о противоречии названной конструкции социалистического права<sup>4</sup>.

Верх взяла рационалистическая точка зрения и словосочетание «преимущественное право» было имплементировано в Гражданский кодекс РСФСР 1922 года (ст. ст. 64, 81, 85, 10, 101, 102). В последующем положения о

---

<sup>1</sup> Энгельс Ф. Анти-Дюринг 1878 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. М., 1931. С. 245.

<sup>2</sup> Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 163.

<sup>3</sup> Малько А.В., Суменков С.Ю. Указ соч. С. 45.

<sup>4</sup> Бондарева Е.В., Хрущев Е.Г. Указ. соч. С. 19.

преимущественном праве неизменно фиксировались при издании новых кодифицированных правовых актов. В частности, преимущественные права содержал также ГК РСФСР 1964 года. В данном нормативном акте помимо фиксации преимущественного права покупки (ст. ст. 120, 123), устанавливались преимущественные права в проекции к порядку отчуждения памятников истории и культуры (ст. 137/1); залогу (ст. 192); обращению взыскания залогодержателем на имущество должника (ст. 200); праву право социалистической организации на возобновление договора найма (ст. 280).

Многие аспекты, регламентирующие преимущественное право были закреплены в ГК РФ. Однако не следует считать, что преимущественные права сугубо отраслевой институт гражданского законодательства<sup>1</sup>. В частности, нельзя не сказать и о частично действующим в настоящее время Сводном законе РСФСР от 28 марта 1927 года «О реквизиции и конфискации имущества»<sup>2</sup>, в примечании № 1 к которому фигурирует имущественного права удовлетворения, преимущественное право, установленное в подлежащих случаях для железных дорог и судоходных предприятий.

Не менее показательным служит акт официального толкования – Разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР от 07 мая 1928 года о преимущественных правах начальствующего состава РККА при сокращении штатов либо рационализации аппарата<sup>3</sup>. Надо отметить, что аналогичные разъясняемым предписаниям концепты, естественно с учетом необходимой модернизации, действуют и в современный период<sup>4</sup>.

Советское законодательство, предусматривающее преимущественное право, действительно достаточно разнопланово, и вовсе не ограничивается исключительно сферой действия норм гражданского права. Так, например,

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Указ. соч. С. 73-86.

<sup>2</sup> Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

<sup>3</sup> Разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР от 07 мая 1928 г. «О разъяснении преимущественных прав лиц начальствующего состава РККА при сокращении штата и рационализации аппарата» (Протокол № 8, п. 8) // Известия НКТ СССР. 1928. № 28-29.

<sup>4</sup> См., в частности: абз. 4 п. 5 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

постановлением Всесоюзного Совета физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР от 11 марта 1931 г. был утвержден Комплекс «Готов к труду и обороне СССР», предусматривающий, в частности, преимущественное право лиц, сдавших необходимое нормативы и получивших значок ГТО на участие в спортивных соревнованиях и физкультурных праздниках различного уровня<sup>1</sup>.

В советское время, как уже отмечалось, синтагма «преимущественное право» стало находить свое активно применение в правотворческом процессе. Советское законодательство не было исключением из той апории, что на право в его нормативном понимании действуют различные факторы, среди которых превалируют актуализированные политической конъюнктурой детерминанты. Так, ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан повлек в том числе необходимость наделения преимуществами находящихся в его составе военнослужащих, работников. служащих<sup>2</sup>. В свою очередь эпохальный, без преувеличения, нормативный акт, легализовавший кооперативное движение в СССР, содержал норму, фиксирующую преимущественное право на приобретение акций кооператива его членов.

Распад Советского Союза сопровождали процессы, связанные с деградацией экономической сферы и, обусловленные этим негативными последствиями для граждан. Преимущественное право, предоставляемое некоторым субъектам, выступало как инструмент в какой то степени обеспечивающий их социальные гарантии.

С другой стороны, имплементация преимущественного права в юридические нормы отражало актуальные тенденции, в частности в экономике, как эволюционирующем базисе общественных отношений. Иллюстрацией могут служить нормативные новеллы о регламентации оборота

---

<sup>1</sup> Физкультура и спорт. 1931. № 8.

<sup>2</sup> См. об этом: абз. 3 п.п. «ж» п. 1 Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г. № 59-27 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям» (Свод законов СССР. 1989. Т. 2, I полугодие. С. 754-3 (без п.9)).

земли либо статусе государственного предприятия, также содержащие предписания о преимущественном праве.

Без преувеличения знаковым надо считать Закон СССР от 09 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»<sup>1</sup>, в ч. 4 ст. 10 которого предусматривалась возможность местных советов народных депутатов предоставлять субъектам, входящих в местное хозяйство (предприятиям объединениям, организациям, учреждениям) «преимущественное право пользования местными земельными и иными природными ресурсами, материально-техническим снабжением из местных фондов».

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить следующее.

Различия между людьми носят объективный характер и находят свое отражение в том числе в виде преимуществ одних субъектов, перед другими. Подобного рода преимущества объективируются обычаях и традициях родовой общины, выступая в качестве одного из социальных регуляторов.

Возникновение государства детерминирует появление права, как издаваемых либо санкционируемых государством юридических норм. В последних фиксируется право одних субъектов на преимущественное положение в различных аспектах жизни социума. При этом такая имплементация происходит первоначально в правовых обычаях, религиозных текстах, имеющих юридическое значения, а затем уже в текстах нормативных правовых актов.

Преимущество как многоплановая категория воплощаются в специальной терминологии, прежде всего в таких дефинициях как «привилегия», «льгота», «прерогатива»; однако преимущественное положение отдельных социальных групп, зафиксированное в нормативном предписании в доминанте своей не получали точного лексического обозначения.

---

<sup>1</sup> Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

Словосочетание «преимущество» появляется в германском законодательстве позднего Средневековья в части, регламентирующей имущественные отношения. Аналогичным образом термин «преимущество» начинает использоваться в Российской империи. При этом не следует абсолютизировать значение лексемы «преимущество» как исключительно находящегося в арсенале гражданского законодательства, подтверждением чему служат примеры ее использования в иных отраслях.

Широкое распространение дефиниция «преимущество» получает в советском законодательстве. Субъекты правотворчества, стремясь избежать слова «привилегия», начинают активно внедрять термин «преимущество», верно подразумевая под ним право на определенные блага.

Преимущество в современных российских нормативных актах повсеместно распространено, встречается в различных отраслях законодательства, обозначает специфический обособленный феномен, имеющий место быть в юридической практике и потому нуждающийся в дальнейшем теоретическом осмыслении.

## **1.2. Дефиниция и признаки преимущества**

Дефинирование преимущества должно осуществляться в проекции к логико-познавательной конструкции, в соответствии с которой преимущество представляет собой нормативно закрепленное право на преимущество, объективированное в формах позитивного права.

Центральным компонентом в феномене преимущество является преимущество. «Преимущество - это качество, свойство, обозначающее выгоду, превосходство над кем или над чем либо»<sup>1</sup>. Однако,

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М., 1987. С. 472.

если ранее преимущество рассматривалось как социальный феномен, то в контексте правовой регуляции стоит говорить о правовом преимуществе. «Правовое преимущество, - утверждает А.Г. Репьев, - это юридическая категория, характеризующаяся правомерной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающаяся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям»<sup>1</sup>.

А.Г. Репьев, разрабатывая теорию правовых преимуществ, сформулировал такую их классификацию, включающую в себя: иммунитеты; привилегии; льготы; особые правовые процедуры<sup>2</sup>.

Сама по себе представленная концепция новаторством не отличается, что признает и сам ученый, который пишет о том, что иммунитет, привилегия и льгота выступают традиционными видами правовых преимуществ<sup>3</sup>. Здесь можно не согласиться с алгоритмом приоритетности преимуществ: «иммунитет-привилегия-льгота». Как думается, более выверенной является позиция, согласно которой, привилегия есть особая разновидность правовой льготы, а иммунитет – это особая материально-процессуальная привилегия<sup>4</sup>.

Все компоненты, входящие в систему правовых преимуществ, направлены на удовлетворение законных интересов субъектов. Подобное относится и к такому преимуществу, которое обозначается юридическим термином «преимущественное право». Последнее, по мнению А.Г. Репьева, не имеет самостоятельного значения и выступает лишь разновидностью особой правовой процедуры<sup>5</sup>.

С данной апорией следует обязательно подискутировать; однако здесь хотелось бы отметить, что преимущественное право как и всякое правовое

---

<sup>1</sup> Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. С. 13.

<sup>2</sup> См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. М., 2020. С. 187.

<sup>3</sup> См., например: Репьев А.Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21-22.

<sup>4</sup> См.: Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 52, 127.

<sup>5</sup> См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. С. 311.

преимущество олицетворяет собой определенного рода благо, именно в силу того, что оно удовлетворяет тот или иной интерес.

Ценность преимущественного права как раз и состоит в том, что оно представляет собой нормативно закреплённую государством возможность получения какого-либо блага. Последнее во многом выступает конечной и непосредственной целью преимущественного права, о чем подробно будет сказано ниже<sup>1</sup>.

Возможность преимущественного права предоставить благо служит ещё одной ключевой характеристикой преимущественного права, вытекающей из дефиниции правового преимущества.

«Правовая возможность – это такая социальная возможность, которая так или иначе проявилась в правовой сфере, получила отражение (фиксацию) в праве, законах и поэтому может быть реализована не только добровольно, но и с помощью властных структур, институтов, государственных органов, правосудия...»<sup>2</sup>.

Как думается, описанные основные качества правовой возможности более чем подходят для характеристики преимущественного права. Так, оно подразумевает получение социально значимого блага и поэтому также имеет социальную природу; опосредуется правом и может существовать только тогда, когда оно закреплёно в тексте нормативного акта в форме нормативно-правового термина, имеющего самостоятельное юридическое значение<sup>3</sup>.

Нормативная фиксация и воплощение преимущественного права в строго определённой лексеме свидетельствует о правильности позиции

---

<sup>1</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций (октябрь – ноябрь 2022 г.) / отв. ред. и сост. М. Ю. Спиринов; [науч. ред. С. А. Комаров, И. А. Кузьмин]. Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 21-30

<sup>2</sup> Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. С. 43.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 116-121.

Н.И. Матузова и Н.В. Ушановой о том, что возможность и действительность – это парные категории, имеющие множество проявлений<sup>1</sup>.

В проекции к преимущественному праву первичной служит действительность, ибо олицетворяемая им возможность, появляется только с момента правотворческого объективирования. Здесь более чем справедливо утверждение, что «вне действительности нет возможности. ...Категория возможности и может быть понята только как момент действительности»<sup>2</sup>. Возможность претендовать на преимущественное право, тем более его реализовать появляется только когда оно выражено в нормативном акте.

В таком контексте преимущественное право целесообразно рассматривать как абстрактно-нормативную модель, предусматривающую нормативно закреплённую возможность на получение какого-либо блага.

При этом, безусловно, преимущественное право более чем другие правовые преимущества корреспондирует с возможностью; само слово «право» в означенном словосочетании свидетельствует об ориентации на диспозитивность. Если, например, льготами и преимуществами участники правоотношений могут быть наделены в императивном порядке<sup>3</sup>, то преимущественное право в подавляющей своей доминанте детерминировано усмотрением субъекта<sup>4</sup>.

Необходимо отметить, что существующие различия между преимущественным правом и иными разновидностями преимуществ достаточно обширны и более чем разноплановы.

От привилегии преимущественное право стратифицировано генезисом происхождения и формой выражения. Как отмечалось выше, привилегии

---

<sup>1</sup> Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Указ. соч. С. 43.

<sup>2</sup> Фурман А. Материалистическая диалектика. Основные категории и законы. М., 1969. С. 83.

<sup>3</sup> См., например: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // Сборник законов СССР. 1968. № 2.

<sup>4</sup> См. подробнее об усмотрении в праве: Никитин А.А. Феномен усмотрения в праве. Саратов, 2021.

находили и находят свое отражение в социальных нормах, возникших раньше норм права; юридическое оформление многих привилегий лишь фиксация реально сложившегося положения<sup>1</sup>. Преимущественное право существует лишь в правовых нормах, находящих свое отражение, в юридически значимых формах.

Различие между льготой и преимущественным правом коренится в круге субъектов, на которые распространяется их юридическая сила. Льготы предназначены прежде всего для социально уязвимых слоев населения, нуждающихся в социальной защите<sup>2</sup>; диапазон субъектов, которые могут обладать преимущественным правом значительно шире, охватывает более чем разноректорный субъектный состав.

Сфера действия выступает стратификационным критерием разграничения преимущественного права и иммунитета. В проекции к последнему не предусмотрено никаких преимущественных прав.

Новеллой в предложенной А.Г. Репьевым концепции правовых преимуществ можно считать также выделение особой правовой процедуры в качестве правового преимущества, равно как и ее градация.

Так, в частности, разновидностями привилегии выступает преференция, субсидия, квота, властная прерогатива; льгота включает в себя компенсации и пособия (последние в свою очередь делятся на субвенции и дотации); особая правовая процедура дифференцируется на преимущественное право и особый правовой порядок

При этом с последним концептом о том, что особая правовая процедура подразделяется на преимущественное право и особый правовой порядок нельзя согласиться<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом также: Суменков С.Ю. Привилегия как правовое преимущество // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3 (51). С. 88-96.

<sup>2</sup> См.: Морозова И.С. Основы теории правовых льгот. Саратов, 2007. С. 68-70.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 34-43.

По нашему мнению, соотношение процедуры и порядка не столь однозначно, и нуждается в дополнительном обосновании. Кроме того, и это самое главное, особый правовой порядок не всегда и необязательно подразумевает собой преимущество. Более того, особый порядок может подразумевать собой не только упрощенный, но и, напротив, усложненный порядок<sup>1</sup>, который никоим образом не олицетворяет собой правовое преимущество.

В литературе верно отмечается, что особый порядок представляет собой комплекс правил, устанавливающих специфические способы регламентации общественных отношений<sup>2</sup>. Подобное сближает особый порядок с преимущественным правом, никоим образом не позволяя их отождествлять и интегрировать.

Так, например, не предусматривает преимуществ особый порядок, действующий в уголовном судопроизводстве, регламентированный разделом X УПК РФ «Особый порядок судебного разбирательства».

Но если особая правовая процедура и особый правовой порядок имеют общую точку соприкосновения, связанную с непосредственным действием, а если точнее – реализацией права, то преимущественное право относится к несколько иному сегменту юридической действительности. Различие между ними в том, что преимущественное право относится к статике, а особая правовая процедура – к динамике<sup>3</sup>. Если все же согласиться с А.Г. Репьевым с включением особой процедуры в систему правовых преимуществ, то она обуславливает преимущество именно в процессе, в деятельности. Этого не скрывает и сам А.Г. Репьев, дефинируя особую правовую процедуру как

---

<sup>1</sup> См. об этом: Суменков С.Ю. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1 (10). С. 109.

<sup>2</sup> См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 169.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. С. 117.

специальный нормативно установленный порядок совокупного применения правил и способов, ставящих субъекта в более выгодное положение относительно других<sup>1</sup>.

Как думается, преимущественное право может быть в доминате своей осуществлено в рамках особой правовой процедуры. Например, ст. 71 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»<sup>2</sup> была дополнена ч. 11.1, устанавливающей преимущественное право поступления в некоторые образовательные учреждения детям граждан, проходящим или проходивших службу в некоторых государственных органах<sup>3</sup>. В свою очередь Указ Президента от 9 мая 2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов»<sup>4</sup> не только конкретизирует субъектов соответствующих правоотношений, но и устанавливает непосредственную процедуру реализации предоставленного им преимущественного права.

Подобного рода интеграция материальных и процессуальных (процедурных) нормативных предписаний вполне возможна и целесообразна; однако, следует еще раз подчеркнуть, она не означает полного тождества рассматриваемых разновидностей правовых преимуществ.

Между тем, надо признать, что особую правовую процедуру и преимущественное право сближает то, что оба названные преимущества нельзя воспринимать в качестве исключения из правил.

Три иные феномена, составляющие систему правовых преимуществ (льготы, привилегии, иммунитеты), подразумевают собой, как уже было сказано, одновременно как преимущество, так и исключение<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См., в частности Репьев А.Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ. С. 24-25.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 20 апреля 2021 г. № 95-ФЗ «О внесении изменения в статью 71 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 2881.

<sup>4</sup> Российская газета. 2022. 11 мая.

<sup>5</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения. С. 34-43.

Само по себе соотношение исключений и преимуществ достаточно сложное, которое А.Г. Репьев правильно предлагает рассматривать через призму единства, различия, противоречия, взаимодействия<sup>1</sup>.

Вместе с тем, хотелось бы солидаризоваться с позицией С.Ю. Суменкова, который, во-первых, считает несколько скептически оценивает тезисы А.Г. Репьева в проекции сочетания исключений и преимуществ<sup>2</sup>, а во-вторых, абсолютно верно замечает, что «не всякое правовое преимущество следует считать исключением»<sup>3</sup>.

К таким преимуществам, не являющимися исключением из правил, как уже было отмечено, относятся особая правовая процедура и преимущественное право.

На наш взгляд, вывод о том, что преимущественное право не является исключением более чем верен, служит постулирующей основой настоящего исследования.

Вместе с тем, стоит считать целесообразным освещение некоторых интегративных аспектов, доказывающих объективную (детерминированную общим понятием «преимущество») близость преимущественного права как правового преимущества и исключений-преимуществ (льгот, привилегий, иммунитетов).

Как думается, подобного рода точка соприкосновения находится прежде всего в механизме воздействия правового преимущества на общее для всех стандартизированное нормативное предписание.

Так, в приведенной выше дефиниции правового преимущества, сформулированной А.Г. Репьевым, которую в целом можно признать удачным, хотелось бы акцентировать внимание на авторской мысли о том, что

---

<sup>1</sup> См. об этом: Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. № 4. С. 392–402.

<sup>2</sup> См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 27-38.

<sup>3</sup> Там же. С. 28.

преимущество выражается в виде нормативных дополнений либо изъятий, позволяющих и обеспечивать соответствующее преимущество, достигать искомого блага, удовлетворяя в конечном итоге законные интересы обладателя преимущества.

Не оспаривая в целом предложенное определение, хотелось бы лишь заметить, что конгломерат изъятий и дополнений более чем характерен для такой категории как исключения в праве. Расширение возможностей субъектов, характерное для преимуществ, как раз и достигается посредством изъятий или дополнений.

Конечно, в проекции к направленности воздействия изъятий и дополнений не все столь очевидно. Как думается, они могут не только расширять, но и в некоторых случаях сужать правомочия участников правоотношений по сравнению с общим уровнем. Это обстоятельство учитывает И.С. Морозова, которая, в частности, пишет, что «если нормативные изъятия уменьшают объем правомочий субъектов, то они выступают уже в качестве ограничивающего правового средства»<sup>1</sup>. В свою очередь дополнения могут также имплементировать правовые ограничения, в особенности в виде дополнительных запретов либо обязанностей. Более чем красноречивой в данном отношении служит, например, название ст. 330.5 Трудового кодекса РФ: «Дополнительные обязанности работодателя при организации и проведении подземных работ».

В этой связи можно лишь согласиться с тем, что сама по себе проблема существования ограничений в праве достаточно сложная, особенно в контексте признания того факта, что «право дает ограничение даже в тех случаях, когда что-то предоставляет или наделяет правомочиями»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Морозова И.С. Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 3 (266). С. С. 197.

<sup>2</sup> Власенко Н.А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. Ежегодник. 2018. № 12. «Ограничения в праве: теория, практика, техника». С. 53.

Однако сказанное только что по поводу ограничений в праве, никак не может продуцироваться на их антагонистов – дозволения; по крайней мере в той части, которая касается инструментального воздействия изъятий и дополнений. Последние выступают неперменным условием существования такой специфической разновидности дозволений, как правовые преимущества.

Тем самым стоит еще раз акцентировать внимание на том, что дополнения или изъятия обеспечивают способность преимущества, расширять возможности субъекта на получение какого-либо юридически значимого блага, удовлетворяющего законные интересы данного субъекта.

При этом дополнения и изъятия действуют вне зависимости от того, являются ли преимущества исключениями либо нет.

В качестве доказательства высказанной апории, необходимой для понимания того, что преимущественное право также воплощается посредством изъятий либо дополнений.

Преимущественное право также может быть объективировано посредством изъятия. Так, например, трудовое законодательство регламентирует преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников (ст. 179 Трудового кодекса РФ). Как верно отмечает А.Н. Герасимов, количество работающих, их численность, структура и штатное расписание – это, по большому счету, прерогатива работодателя<sup>1</sup>. Однако законодатель ограничивает усмотрение последнего вышеуказанной нормой, которой предоставляется преимущественное право некоторым категориям субъектов, при сокращении на работе. «Отсутствие учета прав таких граждан на оставление на работе может вылиться в санкции для работодателя»<sup>2</sup>. Тем самым происходит изъятие

---

<sup>1</sup> См.: Герасимов А.Н. У кого есть преимущественное право остаться на работе // Трудовое право. 2012. № 5. С. 39.

<sup>2</sup> Оспичев И.М. Преимущественное право на оставлении на работе при сокращении: законодательное регулирование нуждается в доработке // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 41. С. 119.

некоторых субъектов из под диспозитивной возможности работодателя принять решение об их сокращении.

Равным образом преимущественное право может осуществляться и на основе юридического дополнения. Преимущественное право благодаря дополнению дает возможность предоставить (а, значит, и получить) какое-либо благо, в сверх, в дополнение к основному. В частности, как думается, не стоит отрицать, что занятие работником (сотрудником) вышестоящей должности подразумевает не только ответственность, но и выгоду, в том числе и материального плана<sup>1</sup>.

В этой связи интересным видится положение, зафиксированное в ч. 7 ст. 36 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»<sup>2</sup> устанавливает буквально следующее: «Преимущественное право на замещение должности в уголовно-исполнительной системе при прочих равных условиях предоставляется сотруднику, имеющему более высокие результаты профессиональной деятельности, квалификацию, уровень образования, большую продолжительность стажа службы (выслуги лет) в уголовно-исполнительной системе или стажа (опыта) работы по специальности, либо сотруднику, допущенному к государственной тайне на постоянной основе»<sup>3</sup>.

Здесь можно констатировать дополнение, выражающееся в установлении преимущественного права на занятие должность определенным субъектам, которое действует сверх, за пределами «прочих равных условий».

---

<sup>1</sup> См., например: ФЗ от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012 . № 53 (часть I). Ст. 7608.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532.

<sup>3</sup> Аналогичная норма, но применительно к сотрудникам ОВД имплементирована в ч. 7 ст. 36 ФЗ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020).

По мнению В.П. Грибанова, преимущественные права – это случаи, «...когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-либо особыми признаками»<sup>1</sup>.

Тем самым можно сделать вывод, что механизм осуществления преимущественного права как раз и состоит в имплементации дополнительной возможности на получение блага в нормативное предписание.

Например, более чем красноречивое предписание содержится в одном из нормативных актов Правительства РФ<sup>2</sup>. Согласно данному документу, единовременная выплата предоставляется сотрудникам в зависимости от очередности принятия их на соответствующий учет (абз. 1 п. 31). Однако абз. 2 п. 31 в дополнение устанавливает несколько категорий сотрудников (сотрудники, имеющие трех и более детей либо одного и более ребенка-инвалида, проживающих совместно; сотрудники – Герои Российской Федерации; сотрудники – ветераны боевых действий на территории Афганистана), имеют преимущественное право на получение единовременной выплаты по отношению к иным категориям сотрудников, также принятых на учет в том же году.

По нашему мнению, данное положение ярко демонстрирует действие дополнения в проекции к преимущественному праву: есть общий порядок очередности предоставления выплаты; в дополнение устанавливают категории субъектов, которые могут получить выплату (благо) вне общей очереди.

Кроме того, приведенная иллюстрация убедительно доказывает следующие опорные компоненты в общетеоретической характеристике преимущественного права: а) является специальным правилом; б)

---

<sup>1</sup> Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 295.

<sup>2</sup> Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223 // СЗ РФ. 2012. № 3. Ст. 430).

объективируется в специальной норме; в) имплементирован в специальный статус субъекта, который обладает преимущественным правом<sup>1</sup>.

Тезис о том, что преимущества стратифицируются на исключения и правила, был уже озвучен выше. Речь идет именно о специальном правиле, которое обладает определенной спецификой. Преимущественное право как специальное правило как раз и не предусматривает иного, по сравнению, с общим варианта регуляции, в отличии от преимуществ-исключений. А.Ф. Черданцев в проекции к последним справедливо замечал, что «исключительные нормы ...регламентируют отношения существенно иным образом, зачастую противоположным»<sup>2</sup>. Более того, преимущественное право как специальное правило тоже может иметь исключения (ч. 1 ст. 15 Водного кодекса РФ).

Как специальное правило преимущественное право действует параллельно, дополнительно по отношению к общему. В частности, законодательные требования по отношению к личности опекуна или попечителя зафиксированы в ст. 35 ГК РФ, а также, если опекунство или попечительство устанавливаются над несовершеннолетними – ст. 146 Семейного кодекса РФ. Уточняющим нормативным актом служит Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»<sup>3</sup>, содержащий ст. 10 «Порядок определения лиц, имеющих право быть опекунами или попечителями». В свою очередь ч. 5 ст. 10 названного закона содержит перечень лиц (близких родственников) которые имеют пред всеми иными субъектами преимущественное право осуществлять опеку либо попечительство.

В этой связи закономерным представляется доказанный выше довод о том, что преимущественное право в доминанте своей предстает как дополнение. Как верно отмечал И.Н. Сенякин, «если конкурируют

---

<sup>1</sup> Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права. С. 21-30.

<sup>2</sup> Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (теория и практика). М., 1979. С. 74.

<sup>3</sup> СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

генеральное установление и специальная норма-дополнение или уточнение, то они действуют параллельно»<sup>1</sup>.

Здесь действует тот принцип, о котором пишет Н.А. Власенко: *lex speciali derogat legi generali* (специальный закон отменяет действие общего)<sup>2</sup>. Соответственно, состязательность между общим и специальным правилом однозначно должно заканчиваться превалированием последнего.

Однако, и в этом определенный парадокс преимущественного права, оно как специальное правило, не находится в коллизии с общим предписанием, поскольку не противоречит, а дополняет его; конкуренция в свою очередь не дает основания считать, что специальное правило нивелирует действие общего, поскольку подобное не соответствует пониманию процесса дифференциации в праве<sup>3</sup>.

Восприятие преимущественного права в качестве специального правила детерминирует имплементацию его в специальной норме права. Это более чем закономерно, так как эти нормы «при регламентации общественных отношений регулируют те их стороны, которые составляют в их отношениях своеобразное, нетипичное, особенное. Специально для этого они и создаются»<sup>4</sup>. Последние характеристики как раз и относятся к преимущественному праву, как специфической законодательно закрепленной возможности на получение блага. Тем самым создаются, а затем и объективируются нормы, являющиеся специальными в соотношении с общими генеральными установлениями. В итоге может получиться достаточно сложная и в содержательном и в юридико-техническом плане конструкция, детерминирующая «выделение специальных норм – закономерное развитие специализации законодательства...»<sup>5</sup>. В качестве примера можно привести весьма объемную ст. 15 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ

---

<sup>1</sup> Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Саратов, 1993. С. 64.

<sup>2</sup> См.: Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 90.

<sup>3</sup> Сенякин И.Н. Указ. соч. С. 64.

<sup>4</sup> Там же. С. 32.

<sup>5</sup> Там же. С. 33.

«О хозяйственных партнерствах»<sup>1</sup>, регламентирующую отношения, связанные с преимущественным правом покупки доли в складочном капитале партнерства участниками партнерства и партнерством<sup>2</sup>.

Между тем рассуждения о преимущественном праве как о специальном правиле, объективированном в специальную юридическую норму, неизбежно обуславливает вопрос о корреляции преимущественного права и специального правового статуса.

Преимущественное право как разновидность правовых преимуществ характеризует специальный статус лица, в некоторых случаях императивно, по факту принадлежности к той или иной социальной страте. Так, например, согласно абз. 3 п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ: «Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами»<sup>3</sup>.

При этом преимущественное право не может обуславливать появление особой социальной группы, поскольку оно выступает не детерминантой, а атрибутивным компонентом специального статуса. Так, в приведенном выше примере о государственных служащих основанием выделения их специального статуса является особая устойчивая правовая связь с государством, выражающаяся в нахождении на государственной службе. В свою очередь преимущественное право лишь сопровождает правовое положение государственного служащего, существенно дифференцируясь в зависимости от конкретики в проекции осуществляемой служебной деятельности. Комплекс преимущественных прав в зависимости от этого весьма разнороден, что вполне объяснимо, ибо «...само понятие "специальный правовой статус" далеко не однозначно. В структуре каждого специального

---

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7058.

<sup>2</sup> См. об этом, например: Чупрунов И.С. Преимущественное право покупки доли (акций) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021.

<sup>3</sup> Эта нормативное предписание находит свое развитие в ч. 1 ст. 44 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598), в тексте которой также фигурирует термин «преимущественное право».

статуса можно выделять "основной" специальный статус и его неопределенно большое множество подвидов»<sup>1</sup>.

Сказанное вовсе не означает нивелирования преимущественного права и снижения его значимости. Наша принципиальная позиция заключается в том, что преимущественное право занимает собственное особое место в системе правовых преимуществ. Общим качеством с ними у преимущественного права выступает как раз то, что оно предусматривает нормативно закрепленную возможность (в подавляющем своем большинстве) на получение блага.

При этом, в отличие от льгот, привилегий и иммунитетов, которые, что уже освещалось выше, относятся к исключениям из правил, преимущественное право олицетворяет собой специальное правило.

Соответственно, если преимущественное право закреплено в специальной норме, то преимущества-исключения могут выражаться как в специальных, так и в исключительных нормах. Преимущественное право, имплементированное в специальную норму, является компонентом специального статуса лица, причем таким компонентом, который входит в структуру прав субъекта, имеющего названный статус. Здесь наблюдается единство преимущественного права с льготами и иммунитетами, также характеризующими специальный статус, и некоторое расхождение с привилегиями, которые могут быть в составе как специального, так и в некоторых случаях индивидуального статуса<sup>2</sup>.

Преимущественное право осуществляется посредством таких способов как изъятия и дополнения, при этом последние, и в этом специфика преимущественного права преобладают как в количественном, так и в качественном (содержательном) отношении.

Отдельного аспекта заслуживает продолжение обсуждения соотношения преимущественного права и особой правовой процедуры.

---

<sup>1</sup> Малько А.В., Суменков С.Ю. Указ соч. С. 57.

<sup>2</sup> См.: Суменков С.Ю. Привилегия как правовое преимущество. С. 92.

Понимание последней, предложенное А.Г. Репьевым, уже излагалась выше. Однако, на наш взгляд, заслуживает внимания дефиниция собственно преимущественного права, также сформулированная данным ученым. ««Преимущественное право, - пишет он, - способ реализации особой правовой процедуры, обусловленной необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающий дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по приоритетному, внеочередному, предпочтительному получению благ, реализации прав и законных интересов»<sup>1</sup>.

Предложенную дефиницию, как думается, нельзя считать совершенной, чего не скрывает и сам А.Г. Репьев, который, в частности, отмечает, что он не ставил цели дать исчерпывающую характеристику такому феномену как преимущественное право<sup>2</sup>.

Так, непонятно, почему А.Г. Репьев называет преимущественное право способом реализации, заключающейся опять же в реализации прав и законных интересов. Более того, подобная трактовка неудачна прежде всего вследствие того, что она: 1) отводит преимущественному праву исключительно роль дополнительной процессуальной гарантии или организационной меры, отрицая тем самым воплощения в преимущественном праве непосредственно какого-либо блага; 2) отказывает преимущественному праву в возможности существования в качестве автономного подвида правового преимущества; 3) механически отождествляет преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритет.

По поводу первого универсума, можно заметить, что взаимосвязь преимущественного права и блага, как думается, органична и вполне очевидна. Преимущественное право, как уже было сказано, предусматривает

---

<sup>1</sup> Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 18.

<sup>2</sup> Там же.

возможность получения блага, и в этом смысле само олицетворяет благо для его обладателя.

Второй универсум, заключающийся в том, что преимущественное право лишь способ реализации особой правовой процедуры также уже был проанализирован выше, но лишь в контексте существования особого правового порядка. Поэтому необходимо обязательно уточнить, что помимо особого порядка законодательство может предусматривать первоочередной порядок, приоритетный порядок, исключительный порядок; теоретически можно предположить и наличие внеочередного порядка, хотя непосредственно данное словосочетание не встречается в текстах правовых актов, представляя в несколько видоизмененной словесной форме.

Все эти разновидности порядка как раз и составляют содержание особой правовой процедуры. Как думается, это тем более очевидно, ибо сама по себе правовая процедура предполагает особый законодательно закрепленный порядок<sup>1</sup>. В свою очередь не бесспорна, но заслуживает внимания позиция П.П. Ланга, считающего, что особое производство, как нормативно установленный особый порядок, интегрирует правовые процедуры, регуляция которых не может осуществляться только по общим правилам в силу различных факторов, в том числе присутствия в правоотношениях особого субъекта, а также экстраординарности самих таких отношений<sup>2</sup>.

По нашему мнению, уже озвученному выше, преимущественное право как раз и реализуется в особой правовой процедуре, специфика которой (разновидность порядка) зависит от конкретной составляющей правоотношений<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом: Лазарева О.В. Правовая процедура. Саратов, 2004. С. 37.

<sup>2</sup> См.: Ланг П.П. Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 10.

<sup>3</sup> См., например: Ст. 19(1) «Особенности реализации преимущественного права муниципального образования на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения» Областного закона Ростовской области от 22 июля 2003 г. № 19-ЗС «О регулировании земельных отношений в Ростовской области» (Наше время. 2003. 30 июля).

Третий универсум, детерминированный анализом дефинитивных характеристик преимущественного права, сформулированных А.Г. Репьевым, связан с синонимией преимущественного права с первоочередностью, внеочередностью, приоритетностью, предпочтительностью.

На наш взгляд, здесь целесообразно выделить следующие дихотомические составляющие: «первоочередность-внеочередность»; «приоритетность-предпочтительность».

Что касается соотношения первой синтагмы, надо признать, что входящие в нее лексические единицы нетождественны, что привносит различие и между производными от них первоочередным правом и внеочередным правом, что в большинстве случаев понимается субъектом правотворчества<sup>1</sup>.

Первоочередное право и внеочередное право, реализуемые соответственно в первоочередном или внеочередном порядке, являются обособленными разновидностями преимущественного права.

Здесь хотелось заметить, что преимущественное право не всегда связано лишь с отношениями очередности; в частности, «преимущественные права в семейном праве обозначают не только первоочередность в порядке осуществления... но и принадлежность субъекту особых правомочий»<sup>2</sup>.

В качестве иного примера можно привести положения Закона Мурманской области от 14 января 2003 года № 380-01-ЗМО «О северном оленеводстве Мурманской области»<sup>3</sup>, где во главу ставятся именно не очередь, а цели, которые и объясняют присутствия преимущественного права (ст. 5). Этот же нормативный акт подробно (по пунктам) перечисляет научные

---

<sup>1</sup> См.: Ст. 13.2. «Случаи предоставления земельных участков, гражданам имеющим право на первоочередное или внеочередное приобретение земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов или в собственность бесплатно» Закона Московской области от 7 июня 1996 г. № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области» (Народная газета. 1996. 9 июля).

<sup>2</sup> Ковалева М.Л. Преимущественные права в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

<sup>3</sup> Мурманский вестник. 2003. 17 янв.

разработки, которым «в случае проведения научных исследований в области северного оленеводства за счет бюджетных средств отдается приоритет» (ч. 2 ст. 15).

Упоминание о приоритете обуславливает уместность обращения к дихотомии «приоритетность-предпочтительность».

Как видится, приоритетность выступает детерминантой такого феномена как приоритет. Он является особой разновидностью преимущества, соответственно, правовой приоритет входит в систему правовых преимуществ<sup>1</sup>. А.Г. Репьев попытался дать характеристику правовому приоритету, достаточно сумбурно, на наш взгляд, сравнивая его с преимущественным правом, с одной стороны<sup>2</sup>, и правовым паритетом, с другой<sup>3</sup>. В соотношении с последним А.Г. Репьев усматривает парность, в связи с чем более чем выверенной представляется позиция Н.А. Власенко, предостерегающего от слишком вольного наделения статусом парности тех или иных правовых явлений<sup>4</sup>.

Правовое преимущество и правовой приоритет в трактовке А.Г. Репьева соотносятся следующим образом: а) правовой приоритет выступает формой проявления преимущественного права; б) правовой приоритет – подвид преимущественного права, оказывающийся одновременно и видом и способом реализации особой правовой процедуры, являющейся в свою очередь типом правового преимущества<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Репьев А.Г. Приоритеты права и приоритеты в праве // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : Сборник докладов VIII Московского юридического форума «XIX Международная научно-практическая конференция: Кутафинские чтения. Москва, 08–10 апреля 2021 года» в 5 ч. М., 2021. Ч. 1. С. 37-41.

<sup>2</sup> См.: Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве. С. 14-20.

<sup>3</sup> См.: Репьев А.Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 7-15.

<sup>4</sup> См.: Власенко Н.А. Антиинновационные тенденции в современной юридической науке // Юридическая техника. 2021. № 15: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». С. 53-54.

<sup>5</sup> См.: Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве. С. 16.

Здесь хотелось бы отметить, что разница между формой проявления (объективированием во внешнем реальном мире) и подвидом (отдельной группе внутри вида), то есть разновидностью применительно к классификационным процессам достаточно очевидна. Кроме того, добавляя критику восприятия преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры, хотелось бы заметить, что подобная трактовка неудачна прежде всего вследствие того, что она противоречит устоявшемуся в теории права восприятию способа правового регулирования<sup>1</sup>; оставляет за приоритетом роль разновидности способа реализации.

Нельзя согласиться и с наделением приоритета качеств, присущих, по мнению А.Г. Репьева, преимущественному праву: внеочередность и первоочередность<sup>2</sup>.

При этом, надо признать, что А.Г. Репьев абсолютно прав, когда пишет о том, что приоритет реализуется в приоритетном порядке и обладает ярко выраженной инструментальной составляющей<sup>3</sup>. Приоритет – важное юридическое средство<sup>4</sup>, в том числе и поэтому занимающее особое место в системе правовых преимуществ, нуждающееся в отдельных теоретических изысканиях.

В свою очередь интересна вторая лексическая единица рассматриваемой дихотомии: «предпочтительность». Согласно словарям, слово в том числе обозначает «признать преимущество кого-чего-н.»<sup>5</sup>. В таком аспекте можно

---

<sup>1</sup> См., в частности: Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, 2010.

<sup>2</sup> См.: Репьев А.Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование содержательных и технико-юридических позиций). С. 10.

<sup>3</sup> См.: Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве. С. 16; Его же. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование содержательных и технико-юридических позиций). С. 9.

<sup>4</sup> См.: Чиркаев С.А. Приоритет как средство правового регулирования наследственных отношений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 169-172.

<sup>5</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. С. 471.

признать некоторую обоснованность использования данного термина при описании преимущественного права<sup>1</sup>.

Вместе с тем «предпочтительность» не отражает в полной мере характеристику преимущественного права. Во-первых, предпочтительность – это оценка «со стороны», в частности – субъекта правотворчества. Последний, фиксируя преимущественное право тех или иных лиц, действительно, оказывает им предпочтение. Подобное может вызвать отрицательную реакцию социума, связанную, в лучшем случае, с обвинениями в волюнтаризме. Неслучайно, как думается, в законодательстве невозможно найти нормативный акт, в тексте которого созвучно бы фигурировали термины «преимущественное право» и «предпочтение» в их взаимодействии<sup>2</sup>.

Между тем, преимущественное право связано с процессами правообразования и имеет, как и всякое преимущество, объективные детерминанты<sup>3</sup>.

Кроме того, не следует забывать и другом значении слова «предпочтение»: «признать лучшим в сравнении с другим»<sup>4</sup>. Эта синтагма может пониматься без привязки с преимуществами, в буквальном смысле, причем как в позитивном<sup>5</sup>, так и негативном аспекте, причем с разграничением преимущества и предпочтения<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. С. 313.

<sup>2</sup> В подавляющем большинстве нормативных актов, языковая единица «предпочтение» и производные от нее слова фиксируются так называемых технико-юридических предписаниях (см., например: Государственный стандарт СССР ГОСТ 8032-84 «Предпочтительные числа и ряды предпочтительных чисел» (утв. постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 9 августа 1984 г. № 2828 // База нормативной документации: URL: [www.complexdoc.ru](http://www.complexdoc.ru) (дата обращения: 12.06.2022)).

<sup>3</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Историко-правовой анализ генезиса преимущественного права как общетеоретического феномена // Genesis: исторические исследования. 2022. № 5. С.73-86.

<sup>4</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 471.

<sup>5</sup> См.: ч. 2 ст. 12.2. ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448)

<sup>6</sup> Так, ч. 6 ст. 96 ФЗ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007) устанавливает следующее: «Форма соглашения о мониторинге утверждается контрольным (надзорным) органом и не может предусматривать преимущества для отдельных контролируемых лиц или оказание предпочтения отдельным контролируемым лицам».

Тем самым можно констатировать определенную неточность «предпочтения» как дефинирующего признака преимущественного права.

По нашему мнению, более выверенным в данном отношении представляется слово «эксклюзивность». В лексическом плане оно обозначает «исключительность, отборность, элитарность», а его производное «эксклюзивный (от англ. *exclusive* исключительный; единственный; распространяемый на определенный круг лиц)<sup>1</sup>. Последнее значение во многом служит квинтэссенцией преимущественного права как нормативно закрепленной возможности на получение блага, которая предоставляется не всем, а лишь отдельным категориям субъектов, диапазон которых установлен специальной нормой права. Такие субъекты, характеризующиеся наличием специального статуса, являются эксклюзивными обладателями преимущественного права.

Эксклюзивность преимущественного права подтверждается тем, что в доминанте своей его нельзя передать иным участникам правоотношений. В частности, п. 4 ст. 250 ГК РФ прямо устанавливает: «Уступка преимущественного права покупки доли не допускается». Подобного рода запрет необходим для того, чтобы не допустить обход требований закона о реализации преимущественного права покупки<sup>2</sup>.

Точное установление субъектного состава лиц, которым определена возможность претендовать на преимущественное право, обуславливает позицию ряда авторов о том, что преимущественные права персонифицированы<sup>3</sup>. Подобное утверждение, конечно, несколько безапелляционно, прежде всего в силу градации специального и индивидуального статуса.

---

<sup>1</sup> См.: Словарь синонимов русского языка / под ред. Б.В. Иванова. М., 1985. С. 650.

<sup>2</sup> См. об этом, например: Глушкова Е.А. Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 9.

<sup>3</sup> См.: Бондаренко Н.Л., Капитанова А.А. Понятие и правовая природа преимущественных прав (на материалах Республики Беларусь) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 77.

Вместе с тем, можно признать, что граница между специальным и индивидуальным статусом бывает несколько условна, в том числе и в проекции к преимущественному праву. Так, например, выше приводилось нормативное предписание, закрепленное в Семейном кодексе РФ (абз. 3 п. 1 ст. 63), согласно которому родители имеют преимущественное право обучение и воспитание своих детей. Как думается, определение родителей как носителей преимущественного права априори предполагает индивидуализацию. В таком аспекте преимущественное право также можно охарактеризовать как эксклюзивное<sup>1</sup>.

Таким образом, подводя итогу всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Преимущественное право – это автономный компонент системы правовых преимуществ.

Преимущественное право подразумевает собой юридически закрепленную возможность на получение определенными субъектами какого-либо заранее нормативно оговоренного блага.

Преимущественное право находит отражение в специальных нормах, представляющих собой специальные правила, которые в доминанте своей являются дополнением к общим правилам.

Преимущественное право характеризует специальный статус лиц, им обладающих, являясь для таких лиц эксклюзивным правомочием.

Преимущественное право – это самостоятельная разновидность правовых преимуществ, подразумевающая юридически закрепленную эксклюзивную возможность отдельных субъектов претендовать, в соответствии со специальными правилами, выступающими дополнением к общим предписаниям на нормативно оговоренное благо.

---

<sup>1</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения. С. 34-43.

### 1.3. Преимущественное право как юридический термин

В тоже время в контексте внешнего выражения вызывает интерес лексическое отображение преимущественного права в проекции к синтагме «преимущество» и «правовое преимущество». Подобное объясняется тем, что любое правовое явление, как и право в целом характеризуется таким свойством как институционность. Как справедливо отмечал М.И. Байтин, один из аспектов институционности права состоит в том, что образующие право нормы, создающиеся либо санкционируемые государством, объективируются в определенных знаковых системах<sup>1</sup>.

«Текст права – знаковый феномен, система созданных культурой знаков»<sup>2</sup>. «В текстах права официально (нормативно, в нормах права) фиксируются воля и интересы нормодателя, воплощаясь затем в общественную практику. ...Правовые нормы, закрепленные в тексте права, - основа правового регулирования, строго говоря – его начало»<sup>3</sup>.

В контексте юридиико-лингвистического анализа преимущественного права несложно заметить, что словами, составляющими рассматриваемую синтагму, выступают, как уже много раз говорилось, «преимущество» и «право». Именно эти слова наиболее верно характеризуют сущность, обуславливающую наличие у какого-либо субъекта юридически закреплённого преимущества одних субъектов перед другими.

Таким образом, преимущественное право позволяет интегрировать в себе две языковые единицы: «преимущество» и «право», показывая в нормативном тексте зафиксированную возможность обладания преимуществом<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 66.

<sup>2</sup> Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995. С. 64.

<sup>3</sup> Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 118.

<sup>4</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 117.

Преимущественное право тем самым представляет собой юридически значимое словосочетание, способствующее аккумулярованию в себе сущностные качества составляющих его слов.

Восприятие преимущественного права в качестве словосочетания, получающего объективирование в нормативном тексте, закономерно обуславливает необходимость корреляции данного словосочетания с такими феноменами как правовое понятие, нормативный правовой термин, легальная дефиниция.

Центральным компонентом здесь является правовое понятие, значение которых в праве трудно переоценить<sup>1</sup>.

Как думается, преимущественное право не может претендовать на роль понятия; эта миссия принадлежит лексическому обороту «правовое преимущество».

Подобное объясняется несколькими факторами. В первую очередь необходимо учитывать стратификацию правовых понятий «на "понятия права", выраженные в текстах законов и иных нормативных правовых актов и "понятия науки права". Последние отражены в научных источниках (монографиях, научно-практических комментариях к законам и т.д.)»<sup>2</sup>. Естественно, что чисто фразеологически подобного рода понятия могут совпадать. Так, С.Ю. Суменков пишет о понятии «исключение в праве», априори воспринимая его сугубо как научное понятие, которое «прямо не употребляется ни в процессе правотворчества, ни в текстах правоприменительных актов»<sup>3</sup>; однако затем ученый изменил свое мнение, отметив достаточно редкие случаи использования понятия «исключение в праве» в качестве нормативно-правовой единицы<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 34; Кашанина Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 38.

<sup>2</sup> Власенко Н.А. Указ. соч. С. 196.

<sup>3</sup> Суменков С.Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 72.

<sup>4</sup> Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 135.

«Понятия права» и «понятия науки права» могут не совпадать, несмотря на их омонимию. В таком случае для субъектов правоотношений «юридически обязательным является понятие права»<sup>1</sup>.

Качественной иной вариацией сочетания указанных разновидностей правовых понятий служит ситуация, при которой можно констатировать наличие научных понятий, не находящих своей непосредственной фиксации в правовых нормах. К таким понятиям, иногда называемыми понятиями юридической науки, относится и лексема «правовое преимущество».

Мониторинг российских нормативных правовых актов позволяет однозначно утверждать о том, что данное понятие не нашло в них своего лингвистического отображения. Тем самым можно с уверенностью констатировать, что понятие «правовое преимущество» не закреплено в нормативном тексте законодательства современной России.

При этом синтагма «правовое преимущество» не может считаться сугубо умозрительным, идеальным и тем более не относящимся к реальности понятием. Оно обозначает и подразумевает собой феномен, имеющий место быть в правовых отношениях, но не нашедший в правотворческих и правоприменительных актах своего словесного выражения.

Правовое преимущество как базовое теоретическое понятие позволяет провести стратификацию зафиксированных в нормах права преимуществ, выделив различные их разновидности, составляющие систему официально формализованных преимуществ, среди которых преимущественное право, и в этом наша принципиальная позиция, занимает собственное автономное место<sup>2</sup>.

Как думается, более целесообразным будет восприятие понятия «правовое преимущество» как целого, от которого стратифицируются преимущественное право, льгота, привилегия, иммунитет, особая правовая

---

<sup>1</sup> Власенко Н.А. Указ. соч. С. 196.

<sup>2</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 34-43.

процедура как части. Последние играют роль юридических, а точнее нормативно-правовых терминов, в которых и находит свое отражение правовое понятие. Указанное понятие – «правовое преимущество» служит той самой детерминантой, посредством которой происходит имплементация исходящих от нее компонентов (иммунитета, привилегии, льготы, особой правовой процедуры, преимущественного права) в юридические нормы. При этом все названные правовые феномены обладают определенными общими качествами (в первую очередь возможности обладания преимуществом), экстраполированными базовым понятием – правовое преимущество<sup>1</sup>. Здесь можно утверждать, что содержание правового преимущества как понятия соответствует требованию учета его объема, который составляет «совокупность предметов (объектов) обладающих его признаками»<sup>2</sup>.

Подобного рода конструкцию (понятие, объективируемое в терминах) предлагает С.Ю. Суменков в проекции к исключениям в сфере правового регулирования<sup>3</sup>. В развитие данного концепта Н.А. Плахтий в качестве примера подобного рода нормативного термина, приводит самый атипичный, с одной стороны, элемент терминосистемы исключений, а, с другой, отличающийся наибольшей аккумулятивностью характерных свойств понятия «исключение в праве» - исключительный случай<sup>4</sup>.

Преимущественное право, как уже многократно отмечалось, к исключениям из правил не относится; однако, по нашему мнению, применительно к преимуществам, имеющим место быть в праве, по аналогии с исключениями также можно вести речь о существовании терминосистемы,

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Градация понятия, термина, дефиниции, категории: юрико-лингвистический анализ на примере синтагмы «преимущественное право» // Язык. Право. Общество : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16-19 мая 2023 г.) / под общ. ред. О.В. Барабаш; редкол.: О.В. Барабаш, Н.А. Павлова, С.С. Пашковская. Пенза: Изд-во: ПГУ, 2023. С. 122-125.

<sup>2</sup> Власенко Н.А. Указ. соч. С. 195.

<sup>3</sup> См., в частности: Суменков С.Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения. С. 71-83.

<sup>4</sup> См.: Плахтий Н.А. Исключительный случай и нормативно-правовой термин // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 74-77.

ядром которой служит базовое общетеоретическое понятие «правовое преимущество», отражаемое в соответствующих нормативно-правовых терминах.

Такая терминосистема более чем соответствует предложенным В.Ю. Тураниным признакам правовой терминосистемы, среди которых выделяются следующие: связь терминов с юридическим языком; множественность юридических терминов, структурная упорядоченность элементов системы, взаимосвязь и взаимозависимость юридических терминов, цикличность в развитии самой системы<sup>1</sup>.

Последний признак в частности проявляется в том, что в разные временные периоды начинает доминировать тот либо иной термин.

Как представляется, множественность юридических терминов, составляющих систему правовых преимуществ достаточно очевидна; ее составляют, как уже многократно отмечалось: преимущества-исключения (льгота, привилегия, иммунитет); преимущественное право; с некоторыми оговорками – особая правовая процедура, а также юридический приоритет.

Что касается структурной упорядоченности элементов системы правовых преимуществ, то она, как думается, достаточно очевидна. Названные выше элементы данной системы составляют ее стержень, выступая в ипостаси фундаментальной основы юридически закрепленных правовых преимуществ.

Нормативная фиксация разновидностей правовых преимуществ позволяет с уверенностью констатировать связь терминов системы с юридическим языком, что является, исходя из позиции В.Ю. Туранина, первым признаком юридической терминологической системы.

Приведенные в качестве доказательства ее наличия умозаключения дают возможность утверждать о воплощенной в законодательстве системе правовых преимуществ. «Составной частью юридической терминологической

---

<sup>1</sup> См.: Туранин В.Ю. Структурирование юридической терминологической системы // Современное право. 2013. № 2. С. 20.

системы (подсистемой), - пишет В.Ю. Туранин, - является законодательная терминологическая система»<sup>1</sup>.

В проекции к проблематике настоящего исследования, стоит привести следующую апорию: преимущественное право детерминировано понятием «правовое преимущество», подразумевая собой реальный сегмент правовой действительности; преимущественное право является одним из основных и, соответственно, автономных элементов системы правовых преимуществ, имея при этом собственные подвиды; нормативная фиксация и юридическая оформленность преимущественного права позволяют определять его в качестве юридического (нормативно-правового) термина.

Последний постулат нуждается, на наш взгляд, в дополнительном иллюстрировании. Так, «юридический термин – слово (или словосочетание), точно обозначающее соответствующее юридическое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения»<sup>2</sup>.

К свойствам, характеризующими юридический термин, относятся следующие: точность обозначения соответствующего правового понятия; однозначность восприятия в рамках юридического языка; наличие определения»<sup>3</sup>.

В частности, преимущественное право точно обозначает понятие правовое преимущество. В проекции к последнему оно выступает как нормативно зафиксированная возможность получения какого-либо блага; причем такой возможности, которая в доминанте своей подчеркнута недоступна иным субъектам<sup>4</sup>. Например, согласно ч. 2 ст. 86 ГК РФ: «При

---

<sup>1</sup> Туранин В.Ю. Структурирование юридической терминологической системы. С. 21.

<sup>2</sup> Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования. М., 2010. С. 43.

<sup>3</sup> Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. С. 10.

<sup>4</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право: формы нормативного объективирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 13-15.

ликвидации товарищества на вере, в том числе в случае банкротства, вкладчики имеют преимущественное перед полными товарищами право на получение вкладов из имущества товарищества, оставшегося после удовлетворения требований его кредиторов».

Что касается однозначности восприятия термина в рамках юридического языка, то, конечно, тяжело утверждать именно об «однозначности» в проекции к такому сложному, многоаспектному и неоднозначному феномену. Синтагма «преимущественное право» стало общеупотребительной, используемой в различных сферах жизни социума, не утрачивая при этом смыслового значения. Однако обязательная правотворческая имплементация термина в текст нормативного источника позволяет констатировать четкость восприятия термина «преимущественное право» субъектами правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной деятельности.

Закрепление термина «преимущественное право» в нормативный текст не только детерминировало его обозначение в качестве нормативно-правового термина, но и обусловило, конечно, с определенными дефектами, достаточно точное объективирование и использование данного термина.

Преимущественное право в названном аспекте – это нормативно-правовой термин, отличающийся строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием, занимающим свое собственное автономное место, как в системе правовых преимуществ, так и нормативном и правоприменительном материале.

Подобного рода констатация дает основание не соглашаться с тем, что, например, преимущественное право отождествляется с привилегией<sup>1</sup> либо оценивается как способ предоставления правовой льготы<sup>2</sup>. К сожалению, подобного рода выводы иногда находят свое подтверждение в

---

<sup>1</sup> См.: Онина А.А. Категории преимущественных прав: толкование и сравнительный анализ законодательства Латвии, Грузии, Украины и Белоруссии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 6. С. 88.

<sup>2</sup> См.: Глушкова Е.А. Преимущественное гражданское право и правовая льгота: проблемы соотношения // Современное право. 2016. №11. С. 23.

правоприменительной практике<sup>1</sup>, что лишь детерминирует противоречивость последней, ибо, например, Верховный Суд РФ предельно четко стратифицирует привилегии и преимущественные права<sup>2</sup>.

Иным примером такого разграничения служит позиция Уполномоченного по правам человека в РФ, отмечающего, в частности: «Дифференциация очень широкое понятие, включающее в данном случае набор льгот, привилегий и преимущественных прав, которые предоставляются лицам определенных профессий, уязвимым социальным и даже этническим группам и т.д.»<sup>3</sup>.

В законодательстве также можно заметить, хотя и относительно в небольшом количестве в силу достаточно редкого использования термина «привилегия», демаркацию последнего с преимущественным правом; что же касается взаимосвязи льгот и преимущественных прав, то, исходя из нормативных положений, именно льготы обуславливают возникновение преимущественных прав, а не наоборот<sup>4</sup>.

При этом надо сказать, что зачастую в нормативных актах не содержится точной дифференциации терминологии, обозначающей скоррелированность

---

<sup>1</sup> См., в частности: «Участники закупки должны находиться в равных соревновательных условиях, в то время как преимущественное право является некой привилегией, отклоняющейся от принципа равенства» (Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17 февраля 2021 г. № 04АП-6982/2020 по делу № А19-5768/2020 // СПС «Гарант»).

<sup>2</sup> См. Определение Верховного Суда РФ от 01 апреля 2015 г. по делу № 310-ЭС14-5919, А62-1635/2014 // СПС «Гарант».

<sup>3</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 03 марта 2011 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год» // Российская газета. 2011. 13 мая.

<sup>4</sup> См.: Приложение № 4 «Перечень льготных категорий граждан, имеющих преимущественное право при предоставлении места в ДОУ (после федеральных льготников)» к административному регламенту по предоставлению муниципальной услуги «Прием заявлений, постановка на учет и зачисление детей в образовательные организации, реализующие основную образовательную программу дошкольного образования (детские сады), расположенные на территории Кадошкинского муниципального района Республики Мордовия» (утв. Постановлением Администрации Кадошкинского муниципального района Республики Мордовия от 5 октября 2015 г. № 326-П // Официальный сайт администрации Кадошкинского муниципального района республики Мордовия. URL: <http://kadoshkino-m.ru> (дата обращения 15.10.2022)).

компонентов системы правовых преимуществ вообще, и преимущественного права, в частности.

Показательным примером, по нашему мнению, служит следующий заголовок одного из приложений к муниципальному административному регламенту, также относящегося к сфере регуляции приема детей в образовательные учреждения различного уровня: «Перечень документов, предоставляемых родителями (законными представителями), имеющими право на льготное или преимущественное устройство детей в образовательные учреждения, реализующие основную общеобразовательную программу дошкольного образования»<sup>1</sup>.

Кроме того, что в указанном приложении не разграничиваются заявленные субъектом муниципального правотворчества «право на льготное или преимущественное устройство детей», само прилагательное «льготное» фигурирует лишь в двух начальных элемента перечня, который предстает в виде таблицы, определяющей категории детей, «имеющих право на льготное или преимущественное устройство детей в ОУ» и перечень документов, подтверждающих данное право.

Здесь интересно то, что дети, имеющие право на льготное или преимущественное устройство в ОУ стратифицируются, исходя из логики должностных лиц органа местного самоуправления на: а) детей, имеющих право на первоочередное устройство в ОУ по месту жительства; б) детей, имеющие право на устройство в ОУ в установленный законом срок; в) детей, имеющих право на внеочередное устройство в ОУ; г) детей, имеющих право на преимущественное устройство в ОУ.

---

<sup>1</sup> Приложение № 13к Административному регламенту предоставления муниципальной услуги по приему заявлений, постановке на электронный учет детей в целях предоставления мест в образовательных учреждениях Каменск-Уральского городского округа, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, ведению такого учета, выдаче путевок и зачислению детей в данные образовательные учреждения Каменск-Уральского городского округа (утв. Приказом Органа местного самоуправления «Управление образования города Каменска-Уральского» Свердловской области от 5 апреля 2016 г. № 111 // Официальный сайт ОМС «Управление образования города Каменска-Уральского». URL: <http://obr-ku.ru> (дата обращения 15.10.2022)).

Анализ представленного нормативного ранжирования детей обуславливает несколько ремарок. Так, все же непонятно, где графа, в которой зафиксированы дети, имеющие «право на льготное устройство в ОУ»; почему льготой обозначено только внеочередное право детей граждан, подвергнувшихся воздействию радиации вследствие предельно точно прописанных технологических катастроф; отчего в Перечне детей, имеющих льготное или преимущественное право на зачисление в дошкольные ОУ, фигурируют также дети, имеющие право на устройство в ОУ в установленный законом срок; на основании чего происходит градация первоочередного права на устройство в ОУ детей на проживающих и, соответственно, не проживающих на территории нахождения последнего; вследствие чего первоочередное, внеочередное и отчасти преимущественное право детей на устройство в дошкольные муниципальные ОУ происходит в корреляции с федеральным законодательством<sup>1</sup>, а, а частности, преимущественное право детей врачей, работающих в государственных учреждениях здравоохранения, расположенных на территории городского округа Каменск-Уральского, определяется исключительно нормативным актом органа местного самоуправления<sup>2</sup>. Данный нормативный акт содержит также парадоксальное положение, о том, что «под преимущественным устройством в МОУ в настоящем Положении понимается предоставление места в МОУ после устройства в них детей граждан, обладающих в соответствии с законодательством правом на внеочередное и (или) предоставление для их детей места в МОУ».

---

<sup>1</sup> См., например: о первоочередном порядке предоставления мест в дошкольных образовательных организациях по месту жительства детям сотрудников полиции (ч. 6. ст. 46 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900); о внеочередном порядке предоставления места в дошкольных образовательных организациях детям прокуроров (п. 5 ст. 44 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366).

<sup>2</sup> Приказ Органа местного самоуправления «Управление образования города Каменска-Уральского» Свердловской области от 16 июля 2018 г. № 164 «О внесении изменений в некоторые приказы начальника Управления образования» // Каменский рабочий. 2018. 17 июля.

Высказанная апория не только вступает в коллизию с базовым федеральным законом<sup>1</sup>, регламентирующим отношения в сфере образования, но и теоретически неверна, подменяя, по сути, сопоставление целого и части.

Наша принципиальная позиция заключается в том, что «целым», базовым выступает именно преимущественное право, а внеочередное право и первоочередное право (в различных лингвистических вариациях) являются его разновидностями. Об этом подробно будет сказано ниже, здесь хотелось лишь подчеркнуть, что именно преимущественное право подразумевает собой преимущество, которое может быть предоставлено в первую очередь либо вне очереди<sup>2</sup>.

Терминологическая точность необходима прежде всего в теоретических изысканиях, так как именно положения юридической науки (в идеале) служат детерминантой закрепления соответствующих лексем в нормативных текстах. Соответственно, стоит еще раз подчеркнуть недопустимость отождествления преимущественного права с льготой, привилегией, особой правовой процедурой и иными синтагмами, содержащими слово «право».

В этой связи закономерно возникает вопрос о необходимости дефинирования термина «преимущественное право». Как думается, речь прежде всего идет о легальной дефиниции, а не о дефинициях, разрабатываемых представителями юридической науки. По нашему мнению, здесь вполне уместна аналогия с приведенной выше точкой зрения Н.А. Власенко о существовании «понятий права» и «понятий науки права», не всегда и не во всем совпадающих между собой.

---

<sup>1</sup> ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598)) вообще не содержит таких прилагательных как «внеочередное» или «первоочередное» во взаимосвязи с зачислением в государственные либо муниципальные образовательные учреждения различных видов и типов, в том числе и в проекции к дошкольным образовательным учреждениям. В тексте названного закона относительно данных аспектов везде фигурирует термин «преимущественное право».

<sup>2</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право: единство, различие, взаимосвязь // Вестник СГЮА. 2023. № 3 (152). С. 54-63.

Позиция Л.Ф. Апт заключается в том, что «легальные дефиниции – это определения, данные законодателем, иными правотворческими органами, судами в принимаемых ими правовых актах, вынесенных в пределах компетенции этих органов»<sup>1</sup>.

В проекции к данному выводу стоит подчеркнуть, что легальные дефиниции могут быть как в актах официального толкования<sup>2</sup>, так и в законодательных актах<sup>3</sup>. Соответственно, в проекции к преимущественному праву, его дефиниции могут содержаться как в правоинтерпретационных<sup>4</sup>, так и нормативных актах<sup>5</sup>. Только последние могут оцениваться в качестве нормативных дефиниций.

Положение таких дефиниций, как представляется, отличается некоторым дуализмом. С одной стороны, они, как и всякое легальное определение, должны раскрывать содержание понятия и устанавливать значение терминов<sup>6</sup>, применительно к рассматриваемой проблематике – правового преимущества и преимущественного права. С другой стороны, нормативные дефиниции представляют собой юридические нормы, обозначаемые как дефинитивные нормы права<sup>7</sup>.

Эти нормы относятся к исходным (отправным, учредительным) и содержат определения правовых понятий и категорий<sup>8</sup>. «Дефинитивные

---

<sup>1</sup> Апт Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М., 2010. С. 33.

<sup>2</sup> См., в частности: Левит В.О. Дефиниции в актах официального толкования норм права (доктрина, практика, техника) : автореф. дис. канд юрид. наук. Владимир, 2012.

<sup>3</sup> См. об этом: Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

<sup>4</sup> См., например: Письмо Министерства экономического развития РФ от 13 декабря 2011 г. № Д23-5132 «По вопросу о преимущественном праве субъекта Российской Федерации или муниципального образования на покупку земельного участка» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

<sup>5</sup> См.: ст. 15 «Преимущественное право водопользователя на заключение договора водопользования на новый срок» Водного кодекса РФ.

<sup>6</sup> См.: Апт Л.Ф. Указ. соч. С. 16.

<sup>7</sup> См. об этом: Егоров А.В. Дефинитивная норма права : автореф. дис. ... канд юрид. наук СПб., 2000.

<sup>8</sup> См.: Байтин М.И. Нормы права // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 213.

нормы, - писал М.И. Байтин, - выполняют главным образом познавательную, эвристическую и ориентационную функции в механизме правового регулирования, придавая законодательству ясность и определенность, способствуя его единообразному и четкому применению»<sup>1</sup>. По мнению ученого, отсутствие таких норм снижает эффективность действия норм-правил поведения и приводит к коллизиям в правоприменительной практике<sup>2</sup>.

Традиционной точкой зрения является восприятие легальной дефиниции, имплементированной в текст нормативного акта, именно в качестве нормы права<sup>3</sup>. В этой связи нормативная дефиниция «преимущественное право» должна носить абстрактный, обобщающий (гиперболизированный тем, что дефинитивная норма априори относится к общим нормам) характер.

Разносторонность и многоаспектность преимущественного права детерминируют необходимую конкретизацию его дефиниции, заключающуюся в адаптировании последней как к сфере отношений, регулируемых соответствующей отраслью или (и) институтом, так и применительно к определенной схематической ситуации, в которой также фигурирует преимущественное право. Как образно замечает Н.А. Власенко, конкретизация представляет собой «мостик» между неопределенностью и определенностью права<sup>4</sup>.

Так, например, достаточно общее (абстрактное) определение содержится в ст. 250 ГК РФ «Преимущественное право покупки». Оно затем детализируется в зависимости от стратификации как объектов, так и субъектов такой покупки. В частности, в развитие указанной статьи ГК РФ, можно

---

<sup>1</sup> Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 244.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 244-245.

<sup>3</sup> Бабаев В.К. Понятие юридической нормы // Нормы советского права (проблемы теории) / Под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 91.

<sup>4</sup> См.: Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. В.М. Баранова. 2008. С. 60.

назвать преимущественное право покупки отчуждаемой комнаты (ч. 6 ст. 42 Жилищного кодекса РФ); приобретения акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции; доли в складочном капитале партнерства участниками партнерства и партнерством; приобретения арендуемого имущества и т.д.

Здесь надо также понимать, что не все нормы, содержащие словосочетание «преимущественное право» обязательно выступают именно как дефинитивные. Некоторые содержат порядок и условия реализации преимущественного права и скорее являются нормами-правилами поведения, непосредственно регулирующими общественные отношения<sup>1</sup>.

По нашему мнению, взаимосвязь и взаимозависимость абстрактности и конкретности детерминирует: а) нереальность буквальной регламентации каждого отдельного казуса (этому объективно препятствует должная абстрактность нормы); б) невозможность закрепления в норме абсолютно абстрактной, предельно обобщенной дефиниции, ибо это противоречит самой регулятивной природе права, в которой наряду с нормами-правилами поведения, участвуют и исходные (отправные, учредительные) нормы, в том числе и нормы-дефиниции)<sup>2</sup>.

«Представляется, - верно пишет А.В. Корнев, - что конфликт обобщенности (абстрактности) и конкретности заложен в самой природе права. Невозможно создавать правовые нормы, которые учитывали бы все детали. С другой стороны, детализация, по-иному конкретизация, также создает известные проблемы»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Легальная дефиниция «преимущественное право»: функциональность наличия и наличие функционала // История государства и права. 2023. № 12. С. 48-55.

<sup>2</sup> См. об этом: Байтин М.И. Сущность и понятие советского права // Нормы советского права (проблемы теории) / Под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. С. 23-24.

<sup>3</sup> Корнев А.В. Конкретизация права: постановка проблемы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. В.М. Баранова. 2008. С. 143-144.

При этом сложно не согласится с ученым в том, что отсутствие дефиниции надо воспринимать как пробел или квалифицированное молчание<sup>1</sup>.

Как думается, разработка и предложение максимально общих (абстрактных) понятий (а на их основе и дефиниций) – это прямая и непосредственная задача юридической науки, в частности общей теории права<sup>2</sup>.

Принцип научности правотворчества как раз и состоит в том числе в предложении той или иной дефиниции, имплементации ее в правотворчество, а затем уже реализация в правоприменении и разъяснении в ходе правоинтерпретации.

Безусловно, подобное относится и к выработке дефиниции преимущественного права, в силу объективно существующей многочисленности употребления данного термина в действующем законодательстве, и, соответственно, применения на практике<sup>3</sup>.

Также, на наш взгляд, именно общая теория права способна дать ответ на вопрос о возможности обозначения преимущественного права в качестве категории. Последняя представляет собой «научное понятие, выражающее собой наиболее общие свойства и связи явлений действительности»<sup>4</sup>.

А.М. Васильев характеризовал правовые категории как «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом»<sup>5</sup>.

По мнению ученого, к сугубо правовым категориям относятся, в частности, норма права, система права, форма (источники) права,

---

<sup>1</sup> Речь, в частности, идет об отсутствии дефиниции «имущественный иск» (См.: Корнев А.В. Указ. соч. С. 144).

<sup>2</sup> См. об этом подробнее: Васильев А.М. Категории теории права (К разраб. понятийной системы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Легальная дефиниция «преимущественное право»: функциональность наличия и наличие функционала. С. 48-55.

<sup>4</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 219.

<sup>5</sup> См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 87.

социалистическая законность, осуществление права, правоотношение, правопорядок<sup>1</sup>. Как думается, выверенность данного понятийного ряда не вызывает сомнения, что однако не означает закрытости его характера. В качестве правовых категорий можно включать и иные фундаментальные научные понятия, такие, например, как деликтоспособность, добросовестность, законные интересы, публичный интерес, правовой прогресс, свобода, субъективное право и др.

Подобного рода иллюстрация наглядно подтверждает мысль А.М. Васильева о том, что юридические категории, и в этом их специфика, получают свое закрепление в законе<sup>2</sup>. В этом и есть сочетание науки и практики, когда правовая категория эволюционирует в категорию права, а понятия общей теории права имплементируются в отраслевое законодательство.

В свою очередь категории права – «компоненты правовой нормативной структуры, инструмент правового регулирования»<sup>3</sup>. Среди категорий права можно выделить весьма разноплановые и разновекторные феномены, относящиеся в том числе к различным отраслям права.

Конечно, не все компоненты правовой жизни стоит и можно обозначать в качестве категорий. Представляется, что вероятно, научное понятие «правовое преимущество» и достигло уровня правовой категории; данный вопрос не входит в сферу разрешения настоящего исследования. Что же касается преимущественного права, то по нашему мнению, оно не стало пока категорией права (законодательной категорией<sup>4</sup>).

В тоже время, как уже доказано, преимущественное право нельзя характеризовать как понятие юридической науки, а А.М. Васильев подчеркивает эволюционность трансформации правовой категории в

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 150-182.

<sup>2</sup> См. Там же. С. 92.

<sup>3</sup> Там же. С. 91.

<sup>4</sup> По нашему мнению, в трактовке А.М. Васильева, категория права синонимична законодательной категории, поскольку первая и становится категорией права, будучи включенной в состав нормативно-правового акта.

категорию права. «Объективируясь в праве, – писал ученый, – соответствующие понятия выходят за пределы чисто научных представлений, получая более широкую общественно-юридическую значимость. Такая объективизация выступает как момент перехода правовых категорий в категории права...»<sup>1</sup>.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что наличие вариаций легальных дефиниций преимущественного права, закрепленных соответственно в нормативном тексте, не превращает данное словосочетание в категорию права.

На настоящий момент преимущественное право все же целесообразней воспринимать именно как нормативный термин, посредством которого в право имплементируется легальная дефиниция.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос о том, какое же именно значение вкладывается в слово «право» в проекции к синтагме «преимущественное право».

Так, в соответствующем лингвистическом ряду можно выделить следующие лексемы: право в объективном смысле; субъективное право; преимущественное право.

Право в объективном смысле (объективное право, право в нормативном понимании) определяется исключительно как совокупность общеобязательных формально-определенных юридических норм, издаваемых либо санкционируемых государством, выражающих государственную волю общества и охраняемых от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения, являющихся властным регулятором общественных отношений<sup>2</sup>.

Как думается, преимущественное право полностью отвечает указанным характеристикам.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 92.

<sup>2</sup> См. об этом: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 80.

В частности, преимущественное право фиксируется в юридических нормах, которые выражаются либо в форме нормативных актов (изданных государством), либо в иных формах права (например, в коллективном договоре, как нормативном договоре, и тогда речь идет о санкционировании); подобного рода нормы права общеобязательны и охраняются государством; отражает экономические, социальные, культурные и иные интересы и притязания различных страт населения<sup>1</sup>. Властно-регулятивная природа преимущественного права подтверждается соответствием последнего доводам А.М. Васильева относительно характеристик категорий права, в частности, выполнения роли юридического средства и государственного масштаба оценки поведения людей<sup>2</sup>.

Таким образом, преимущественное право – органический компонент права в объективном смысле, необходимый для надлежащей регламентации общественных отношений.

Антиподом права в объективном смысле выступает субъективное право. Последнее представляет собой, как писал Н.И. Матузов, систему наличных прав и свобод субъектов, их конкретные правомочия, вытекающие из нормативных актов или принадлежащие им от рождения и зависящие в известных пределах от их воли и сознания, особенно в процессе использования<sup>3</sup>.

Надо отметить, что по мнению многих ученых, в особенности представителей цивилистического направления в юридической науке, преимущественное право предстает как субъективное право<sup>4</sup>.

Действительно, если принять во внимание, что субстанцией является юридически обеспеченная возможность, то как уже отмечалось,

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 60-61.

<sup>2</sup> См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. С. 92.

<sup>3</sup> См.: Матузов Н.И. О понятиях права в объективном и субъективном смысле // Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 82.

<sup>4</sup> См. об этом, например: Кубарь И.П. Категория преимущественных прав в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13. .

преимущественное право во многом олицетворяет собой нормативно закреплённую возможность на получение блага.

В зависимости от содержания возможности, положенной в основу субъективного права, Н.И. Матузов стратифицировал последнее на право-поведение, право-требование, право-притязание, право-пользование<sup>1</sup>.

Как представляется, в контексте определения того, является ли преимущественное право субъективным правом, будет целесообразным провести сопоставление природы преимущественного права с правомочиями, составляющими содержание субъективного права<sup>2</sup>. Подобного рода попытка, не тождественная полностью с корреляцией поведению, требованию, притязанию, пользованию, была осуществлена Е.А. Глушковой, применительно к гражданским правоотношениям<sup>3</sup>; при этом вывод исследователя более чем однозначен – «...преимущественные права являются субъективными гражданскими правами»<sup>4</sup>.

Итак, право-пользование как возможность положительного поведения самого уполномоченного, то есть право на собственные действия – соответствует преимущественному праву, которое в доминанте своей имеет диспозитивный характер, выступая как нормативно предоставленная возможность.

Вместе с тем, из этого положения могут быть исключения, заключающиеся в том, что не всегда преимущественное право, а точнее его реализация, зависит сугубо от воли его потенциального обладателя. Например, ч. 2 ст. 27 ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»<sup>5</sup> устанавливает буквально следующее: «Преимущественным

---

<sup>1</sup> См.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 84.

<sup>2</sup> Характеристика структурных элементов, положенных в основу возможности, составляющей субъективное право, проводится из классической, на наш взгляд, концепции, разработанной Н.И. Матузовым (См., в частности: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 67-92).

<sup>3</sup> См.: Глушкова Е.А. К вопросу о правовой природе преимущественных гражданских прав как субъективных прав // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 85-86.

<sup>4</sup> Там же. С. 86.

<sup>5</sup> СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке». Как думается, наличие названного преимущественного права у гражданина, претендующего на назначение на должность судьи военного суда, есть категорический императив, от которого он не вправе отказаться и которое, при соблюдении всех иных квалификационных требований должно быть реализовано<sup>1</sup>.

Право-требование, то есть право на чужие действия, заключающиеся в возможности требовать соответствующего положительного поведения правообязанного лица.

В проекции к данному элементу некоторые ученые высказывают определенного рода сомнения<sup>2</sup>. Действительно, конструкция «преимущественная обязанность» не объективирована в законодательстве, представая в качестве умозрительного довода, что подтверждают сами сторонники ее существования<sup>3</sup>.

Здесь также надо отметить позицию Л.В. Кузнецовой, считающей, что в некоторых гражданских правоотношениях, преимущественному праву не корреспондирует соответствующая юридическая обязанность<sup>4</sup>.

Характерно, что в качестве обязательного примера казуса, при котором преимущественному праву не коррелирует обязанность, называется ст. 621 ГК РФ «Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих // Евразийский юридический журнал. 2021. №2 (153). С. 52

<sup>2</sup> Дергунов А.А. Преимущественное право и субъективное право: попытка осознания различий // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицина) : Международная научно-практическая конференция, 22-23 декабря 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. А. И. Клименко]. М., 2023. С. 194-198.

<sup>3</sup> См. об этом: Репьев А.Г., Сенякин И.Н. Законодательная категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 164-179.

<sup>4</sup> См.: Кузнецова Л.В. Преимущественное право: понятие и правовая природа // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 48-49.

новый срок». Считается, что у арендодателя нет обязанности заключить договор с прежним арендатором – обладателем преимущественного права. При этом не совсем понятно, почему игнорируется абз. 3 п. 1 ст. 621 ГК РФ, согласно которому, если «арендодатель отказал арендатору в заключении договора на новый срок, но в течение года со дня истечения срока договора с ним заключил договор аренды с другим лицом, арендатор вправе по своему выбору потребовать в суде перевода на себя прав и обязанностей по заключенному договору и возмещения убытков, причиненных отказом возобновить с ним договор аренды, либо только возмещения таких убытков».

Как представляется, здесь подразумевается обязанность арендодателя заключить договор с субъектом, у которого имеется преимущественное право на такое заключение<sup>1</sup>.

Надо отметить, что в некоторых ситуациях управомоченному лицу – обладателю преимущественного права не только непосредственно противостоит правообязанное лицо<sup>2</sup>, но и один тот же участник правоотношения выступает и как управомоченный и как правообязанный. Так, в контексте к преимущественному праву стоит привести преимущественное право родителей на обучение и воспитание своих детей (абз. 2 п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ), коррелирующее с обязанностью родителей воспитывать своих детей и обеспечивать получением ими общего образования (абз. 1 п. 1, п. 2 Семейного кодекса РФ).

Хотелось бы также отметить, что если преимущественное право обозначено законодателем именно как право, то и для него действителен концепт единства прав и обязанностей, согласно которому каждому праву прямо либо косвенно противостоит обязанность и наоборот<sup>3</sup>. Как думается,

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Богданова Е.Е. Преимущественное право на заключение гражданско-правового договора // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 209-210.

<sup>2</sup> Яркой иллюстрацией служит ст. 179 ТК РФ.

<sup>3</sup> См., в частности: Наритс Р.Х. Принцип единства прав, свобод и обязанностей граждан в условиях совершенствования социалистического общества : автореф. дис. ... канд. юрид. М., 1987.

уместным примером здесь констатация такого феномена как «приоритетная обязанность»<sup>1</sup>.

Право-притязание, как возможность прибегнуть к мерам государственного принуждения в случае неисполнения противостоящей стороной своей обязанности – напрямую детерминировано самими наличием подобной обязанности. Ее неисполнение обеспечивается правом на обращение за защитой в компетентные государственные органы. Из материалов судебной практики уже приводились примеры реагирования государства на нарушения преимущественного права; перечень этих примеров можно бесконечно расширять<sup>2</sup>, что лишь свидетельствует о существовании права-притязания применительно к преимущественному праву.

Право-пользование, то есть возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом более чем подходит для характеристики преимущественного права, априори определяемого как нормативно закреплённая возможность пользоваться каким-либо благом.

Тем самым можно было бы сделать вывод о том, что преимущественное право представляет собой специфическую разновидность субъективного права<sup>3</sup>.

Однако, и это наша принципиальная позиция, преимущественное право не является субъективным правом. То исключение в первом правовом правомочии, обусловленное поразительным многообразием жизни, служит детерминатой, подрывающей стройность фаланги доводов об органичной имплементации преимущественного права в конгломерат субъективных прав.

---

<sup>1</sup> См., например: Хрони Н.Н. Приоритетные обязанности субъектов общественных отношений по законодательству Республики Казахстан // Академическая мысль. 2021. № 3 (16). С. 113-118.

<sup>2</sup> См., например: абз. 2 п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 8 апр.

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право и субъективное право: попытка осознания различий. С. 194-198.

Н.И. Матузов неоднократно и настойчиво подчеркивал, что характерной чертой субъективного права является зависимость от сознания и воли индивида, особенно в плане его использования<sup>1</sup>. Приведенный пример, с преимущественным правом претендента на должность судьи военного суда – далеко не единичен<sup>2</sup>, заставляет сомневаться в обоснованности преимущественного права сугубо на волевом решении его обладателя. Подобного рода сомнение вызывает вопрос о естественном характере преимущественного права.

Субъективные права относятся к естественным правам<sup>3</sup>; отрицая обязательную коллизионность последних с позитивным (объективным) правом, надо согласиться с тем, что естественные (а значит и субъективные) права «не от власти и не от закона, а от природы»<sup>4</sup>, присущи индивиду от рождения<sup>5</sup>, обусловлены его волей и сознанием.

Помимо последнего аргумента, из которого, как уже говорилось, тоже есть весьма красноречивые исключения, преимущественное право никак не может претендовать на обозначение в качестве естественного, а значит и субъективного. Оно не принадлежит участнику правоотношений от рождения, а связано с его правоспособностью, то есть с потенциальной, нормативно предусмотренной возможностью осуществлять данное право. Подобное положение объясняется тем, что если субъективное право носит естественный, природный характер, то преимущественное право, появляется только при фиксации в нормах объективного права<sup>6</sup>.

Если право на преимущества еще можно считать естественным, то преимущественное право – это во многом октроированное право, возникшее

---

<sup>1</sup> См., в частности: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 69, 77, 78, 82.

<sup>2</sup> См., также: п. 6. ст. 10 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

<sup>3</sup> См.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 70.

<sup>4</sup> Там же. С. 82.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> См. об этом: Дергунов А.А. Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих. С. 52.

вследствие правотворчества государства либо санкционирования им соответствующей правотворческой деятельности<sup>1</sup>.

Тем самым, резюмируя, можно сказать, что преимущественное право присутствует лишь в нормах, находящих свое отражение, в юридически значимых формах. Вне рамок нормативного текста преимущественного права не существует.

В качестве компонента объективного права преимущественное право, как не всегда имеющее дефинитивный характер, его, по нашему мнению, целесообразно охарактеризовать как нормативно-правовое предписание (НПП).

С.Ю. Суменков, опираясь на труды классиков общей теории права, охарактеризовал исключение как НПП, применив к последнему следующие характеристики: а) оно представляет собой государственно-властное веление; б) объективируется в тексте официального источника<sup>2</sup>.

Вместе с тем, как думается, целесообразно было бы внести следующие уточнения: а) преимущественное право, может выступать не только как государственное веление, но и быть результатом санкционированного правотворчества<sup>3</sup>; б) преимущественное право как НПП может доминировать над нормой права, располагаясь, в зависимости от способа, в отсылочных либо бланкетных нормах.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить следующее.

Преимущественное право воплощается в лексеме, образованной из слов преимущество и право. Тем самым оно позволяет интегрировать в себе две

---

<sup>1</sup> См. об этом: Дергунов А.А. Преимущественное право и субъективное право: попытка осознания различий. С. 194-198

<sup>2</sup> См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 39.

<sup>3</sup> Именно подобного рода критическое замечание, связанное с игнорированием полисубъектности правотворческого процесса, содержится в отзыве В.В. Субочева на автореферат докторской диссертации С.Ю. Суменкова (Официальный сайт «ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/review/26-10-2016-1o1.pdf>) (дата обращения 25.09.2022).

языковые единицы, способствуя аккумуляции в себе сущностных качеств составляющих его слов.

Данное словосочетание, будучи имплементировано в текст права, приобретает юридическое значение, подразумевая зафиксированную возможность обладания преимуществом.

Обозначение преимущественного права как лексического оборота детерминирует его корреляцию таким феноменом как правовое преимущество. Последнее олицетворяет собой правовое понятие, имеющее сугубо доктринальное значение, обозначаемое в юридической науке как «понятие науки права».

Преимущественное право не является правовым понятием, относящимся к юридической доктрине либо практике. При этом можно констатировать наличие терминосистемы правовых преимуществ, ядром которой как раз и выступает правовое преимущество, как исключительно научное, но не сугубо умозрительное понятие.

Преимущественное право включено терминосистему правовых преимуществ, что позволяет рассматривать преимущественное право в качестве нормативно-правового (юридического) термина. В таком аспекте, преимущественное право отличается строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием, отражает определенный сегмент понятия правового преимущества, воплощая собой предусмотренную возможность получения имущественного либо неимущественного блага. Преимущественное право как специфический юридический термин занимает свое собственное автономное место, как в системе правовых преимуществ, так и в правовых актах нормативного и правоприменительного ракурса.

Внедрение преимущественного права в текст нормативного источника обуславливает позиционирование его в качестве легальной дефиниции. Некоторые нормы, содержащие лексему преимущественное право, действительно обладают дефинитивным характером, настолько, насколько это позволяет сочетание в праве абстрактного и конкретного. Другие нормы,

также оперирующие названным термином, выступают как нормы-правила поведения, в большинстве своем регламентирующие порядок реализации предоставленного преимущественного права.

Воплощение в преимущественном праве нормативно закреплённой возможности порождает вопрос о том, можно ли определять его в качестве субъективного права. Несмотря на определённые нюансы (в частности, отсутствие в законодательстве конструкции преимущественной обязанности, непосредственно противостоящей преимущественному праву), надо признать наличие множества точек соприкосновения преимущественного права и субъективного права в проекции к составляющим последнее правомочиям. Однако отсутствие полной зависимости реализации преимущественного права от сознания и воли индивида служит причиной сомнения обозначения преимущественного права как субъективного, усугубляющегося недопустимостью восприятия преимущественного права как естественного, принадлежащему индивиду априори, вне зависимости от присутствия в объективном праве.

Преимущественное право – органичный и неотъемлемый компонент объективного права, презюмируемый как нормативно-правовое предписание, то есть как надлежаще оформленное властное веление правотворческого субъекта, изложенное в юридических нормах посредством доминирования бланкетного или отсылочного способа.

#### **1.4. Классификация преимущественного права**

Преимущественное право представляет собой достаточно распространённый и весьма разнообразный юридический феномен, имеющий широкую и многогранную сферу регламентирующего воздействия. Это обуславливает необходимость классификации преимущественного права в целях его упорядоченности и оптимизации.

Прежде всего, исходя из того, что преимущественное право находится в симфонии с правом в объективном смысле, существует только при воплощении в его формах, можно предложить первое классификационное основание градации преимущественного права, обусловленной формой его внешнего выражения.

Подобное объясняется тем, что составляющие право нормы издаются или санкционируются государством в строго определенной форме.

Традиционно выделяются такие общепризнанные формы права как НПА (далее – *НПА*), договор с нормативным содержанием, прецедент, правовой обычай. В качестве формы (источника права в юридическом смысле) некоторые авторы называют также юридическую доктрину.

Тем самым, в зависимости от закрепления преимущественного права как содержания в какой-либо форме права можно стратифицировать его на преимущественное право, нормативно выраженное в НПА; нормативном договоре; прецеденте; правом обычая; правовой доктрине.

Несмотря на многочисленные дискуссии, стоит все же солидаризоваться с тем, что правовая система России входит в романо-германскую правовую семью, в котором (и это общепризнано) доминирующей формой права выступает НПА<sup>1</sup>. Сообразно этому, именно в НПА концентрируются юридические феномены. В данной связи правильно отмечается, что НПА представляет, например, базовую форму воплощений исключений в праве.

По аналогии, а также исходя из корреляции преимущественного права с позитивным правом, стоит предположить, что преимущественное право объективируется прежде всего в НПА.

Таким образом, при классификации преимущественного права, в зависимости от нахождения в форме права, первым критериальным основанием служит внешнее выражение преимущественного права в НПА.

---

<sup>1</sup> См., например: Толстик В.А. Иерархия источников российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002; и др.

Здесь необходимо учитывать то, что НПА представляют собой достаточно большую совокупность актов; они представляют собой разнородный и разноуровневый конгломерат, разделенный на две большие группы: законы и подзаконные НПА.

Закон, обладающий высшей юридической силой, играет ведущую роль среди НПА. Ориентируясь на многообразие законов, можно сформулировать градацию преимущественного права, закрепленного в законах на основании: а) юридической силы: в федеральных конституционных законах и федеральных законах; б) территориальной сферы действия: в законах РФ и законах субъектов РФ; в) по степени систематизации: кодифицированных законах и обычных законах.

Преимущественное право, установленное в законах, как актах высшей юридической силы, имеет руководящее значение для предписаний, содержащихся в иных формах права, а также подзаконных НПА.

Подзаконные НПА более чем многочисленны и разнообразны; их можно дифференцировать в зависимости от субъектов их издающих и, соответственно, юридической силы, установленное в них преимущественное право следует классифицировать на содержащееся в: а) указах и распоряжениях Президента РФ; в) постановлениях Правительства РФ; нормативных актах федеральных органов государственной власти; г) нормативных актах органов государственной власти субъектов РФ; д) муниципальных нормативных актах; е) локальных НПА.

Как думается, классификация в зависимости от названия подзаконных НПА нецелесообразна, ибо на настоящий момент нет нормативного указания, строго регламентирующего обозначение таких актов.

В тоже время, исходя из разноректорности форм (источников права в юридическом смысле), логично предположить, что в российской правовой системе преимущественное право может объективироваться в таких дополнительных по отношению к НПА источниках как нормативный договор и правовой обычай.

В качестве примера закрепления преимущественного права в различных видах нормативных договоров, следует привести его фиксацию в коллективном договоре<sup>1</sup>, который, по нашему мнению, верно обозначать именно в качестве договора с нормативным содержанием, и в международных договорах и соглашениях<sup>2</sup>.

Гипотетически преимущественное право может быть зафиксировано и в правовом обычае, с учетом его признания как источника права, а равно исторически первой формы фиксации преимуществ вообще и преимущественного права<sup>3</sup> в частности.

Надо отметить, что прямого санкционирования обычая, содержащего преимущественное право, в российском законодательстве не имеется. Однако не стоит отрицать потенциального проявления подобного. Так, ст. 1169 ГК РФ предусматривает преимущественное право наследника, который проживал совместно с наследодателем на предметы обычной домашней обстановки и обихода при разделе наследства. В свою очередь в коррелирующем с данной нормой п. 53 Постановления Пленума Верховного суда от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»<sup>4</sup>, говорится, что в случае отсутствия согласия между наследниками между наследниками по вопросу о включении имущества в состав таких предметов, их спор разрешается в том числе исходя из местных обычаев. Здесь можно констатировать «применение

---

<sup>1</sup> Так, например, п. 3.2.10 Коллективного договора, действующего в ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» (URL: [https://www.syktu.ru/sveden/document/Kol\\_dorovor\\_29.12.2021.pdf](https://www.syktu.ru/sveden/document/Kol_dorovor_29.12.2021.pdf) (дата обращения 09.03.2023 г.)) предусматривает преимущественное право некоторых категорий работников университета на оставление на работе при сокращении численности или штата.

<sup>2</sup> См: ФЗ от 5 февраля 2018 г. № 5-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о продаже Правительству Финляндской Республики помещений в г. Санкт-Петербурге» (СЗ РФ. 2018. № 7. Ст. 965): «В случае продажи Финляндской Стороной Помещений Российская Сторона имеет преимущественное право на их приобретение. Продажа Помещений третьему лицу возможна в случае, если Российская Сторона откажется от преимущественного права на приобретение Помещений на условиях предложения третьему лицу».

<sup>3</sup> См.: Дергунов А.А. Историко-правовой анализ преимущественного права как общетеоретического феномена // Genesis: исторические исследования. 2022. № 5. С. 73-86.

<sup>4</sup> Российская газета. 2012. 6 июня.

субъектами интегрированной юриспруденции обычаев в силу предписаний, содержащихся в нормативных правовых актах...»<sup>1</sup>.

Судебный акт в данном случае подтверждает возможность обычая отражать преимущественное право.

При этом, надо особо подчеркнуть, что прецедент (судебный либо административный) не может быть источником позитивного права, устанавливающим какое-либо преимущественное право. Не отрицая однозначно наличие нормотворческой функции судебной власти, хотелось бы подчеркнуть, что прецедент, в частности, судебный в отдельности, ни судебная практика, также понимаемая как источник права, не может устанавливать нормативные предписания, внедряющие преимущественное право. Это специальное правило, которое затрагивает принцип равенства прав и свобод граждан, и потому не подлежит правотворческому оформлению со стороны высших судебных органов, полномочия которых проецируются на применение и толкование такого правила<sup>2</sup>.

Классификация преимущественного права по формам объективирования неизбежно обуславливает вопрос о классификации его по содержанию.

По нашему мнению, здесь действует классический концепт общей теории права о том, что система права является системой содержания права; система законодательства олицетворяет собой систему НПА и выступает системой форм права<sup>3</sup>.

Соотношение между отраслями, составляющими систему права и систему законодательства вариативно<sup>4</sup>; в зависимости от него может классифицироваться и преимущественное право.

---

<sup>1</sup> Малышкин А.В. Интегрированная юриспруденция: теория и практика. М., 2023. С. 196.

<sup>2</sup> Дергунов А.А. Преимущественное право: формы нормативного объективирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 13-15.

<sup>3</sup> См.: Петров Д.Е. Отрасль права. Саратов, 2004. С. 19.

<sup>4</sup> См.: Сенякин И.Н. Система права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2 «Право» / под ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 581.

В частности, может существовать отрасль законодательства, которая не коррелирует никакой отрасли права<sup>1</sup>; возможна ситуация, когда отрасль права есть, но нет отрасли законодательства<sup>2</sup>; отрасль права совпадает с отраслью законодательства (как содержание и форма).

Последняя формулировка предполагает прежде всего градацию преимущественного права в зависимости от принадлежности к той или иной отрасли права<sup>3</sup>. Соответственно можно выделить преимущественное право, закрепленное в нормах конституционного, гражданского, административного, трудового, семейного, земельного, жилищного, финансового, уголовно-исполнительного права.

В контексте данной классификации можно выделить градацию преимущественного права, содержащегося в отраслях публичного и частного права; равным образом отметить, что данный термин присутствует только в отраслях материального права<sup>4</sup>. Здесь, как думается, следует еще раз оговориться, что реализация норм, содержащих преимущественное право, безусловно, происходит в определенном процессуальном порядке в рамках соответствующих процедур. «В этой ситуации правореализационное отношение является единственной процессуальной формой для процесса и процедуры»<sup>5</sup>. Однако сам факт принадлежности преимущественного права сугубо к материальным отраслям в известной мере преюдициален и

---

<sup>1</sup> Например, ст. 15 Водного кодекса РФ предусматривает преимущественное право водопользователя на заключение нового договора водопользования.

<sup>2</sup> Примером может выступать финансовое право, нормы которого объективируются в разновекторных правовых актах, безусловно, нуждающихся в систематизации; преимущественные права в правоотношениях, регулируемых финансовым правом, также рассредоточены по данным актам. См.: п. 5 ст. 12 ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018).

<sup>3</sup> По нашему мнению, при освещении отраслей права, в состав которых входят нормы, устанавливающие какое либо преимущественное право, в обязательном порядке к таким отраслям надо относить и отрасли, прямо не коррелирующие с соответствующей отраслью законодательства, например, как только что было сказано, финансовое право.

<sup>4</sup> Равным образом, синтагма «преимущественное право» отсутствует и в процессуальном законодательстве, в частности в АПК РФ, КАС РФ.

<sup>5</sup> Архипова Е.Ю. Интеграционный процесс как проявление частного права. Саратов, 2022. С. 71.

иллюстрирует некорректность дефинирования преимущественного права через призму особой правовой процедуры.

Нормы, включающие в себя лексему «преимущественное право», объективируются в определенных нормативных актах, достаточно часто имеющих кодифицированный характер. Например, такие нормы гражданского права концентрируются в ГК РФ, Семейном кодексе РФ, Трудовом кодексе РФ, Земельном кодексе РФ, Жилищном кодексе РФ.

Подобное вовсе не означает доминирования именно кодифицированных НПА при фиксации юридических норм, оперирующих словосочетанием «преимущественное право». Нормы некоторых отраслей вообще не отражают преимущественное право в кодексах, уставах, началах и прочих аналогичных систематизированных формах. Сказанное, в частности, относится к предписаниям конституционного, административного, финансового, уголовно-исполнительного права.

Однако, как думается, более интересной является ситуация с преимущественным правом, характерная для обеих модификаций имплементации соответствующих юридических норм. Речь идет о том, что предписание, закрепляющее преимущественное право, рассредоточивается по другим нормам, размещенным в этом либо ином НПА.

Надо отметить, что отсылочный способ изложения преимущественного права, можно предположить в большей степени теоретически; мониторинг нормативных актов крайне редко позволяет проиллюстрировать данную апорию конкретными нормативными примерами.

В свою очередь более чем доминирует бланкетный способ изложения юридических норм, внедряющих преимущественное право в нормативные тексты. В качестве примера стоит привести преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников.

Базовое предписание об этом преимущественном праве установлено в ст. 179 Трудового кодекса РФ. Оно находит свою дальнейшую детализацию в отношении граждан, получивших или перенесшие лучевую болезнь, другие

заболевания, а также инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы<sup>1</sup>; граждан, уволенных с военной службы и членов их семей; одиноких матерей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву<sup>2</sup>; граждан, получившим суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения, превышающую 25 сЗв<sup>3</sup> и т.д.

Тем самым можно предложить такую градацию преимущественного права как общее (базовое) и специальное. «Если общее предписание, - писал И.Н. Сенякин, - призвано регламентировать родовое отношение в целом, то специальное – лишь определенную совокупность его элементов, сторон, входящих в вид или подвид данных отношений»<sup>4</sup>. При этом основания выделения специфических разновидностей преимущественного права весьма разнообразны, о чем подробно будет сказано ниже.

Здесь же хотелось бы акцентировать внимание на том, что преимущественное право устанавливается не только в НПА, но и в иной форме права, являющейся дополнительной для российской правовой системы. В частности, абз. 3 ст. 179 Трудового кодекса РФ прямо предусматривает, что анализируемое преимущественное право может предусматриваться для других категорий работников, перечисленных в коллективном договоре либо в соглашениях, играющих роль договора с нормативным содержанием. По нашему мнению, высказанная апория коррелирует с тезисом о том, что одним из основных критериев стратификации преимущественного права выступает деление по основным и дополнительным формам права.

Многоаспектность и разновекторность иллюстрируемого преимущественного права детерминирует восприятие некоторых

---

<sup>1</sup>См.: п. 7. ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-І «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 21. Ст. 699).

<sup>2</sup> См., соответственно: п. 6 ст. 10, абз. 4 п. 5 ст. 23, абз. 11 п. 5 ст. 23ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – ФЗ № 76) (СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

<sup>3</sup> См.: п.п. 10 ст. 2 ФЗ т 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» (СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 128).

<sup>4</sup> Сенякин И.С. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 43.

разновидностей как института права. К последним, помимо преимущественного права оставления на работе можно отнести, пожалуй, наиболее известный институт, который уже освещался выше – преимущественное право покупки, а также некоторые иные совокупности норм, регулирующих родственную группу общественных отношений (например, институт преимущественного права родителей на обучение и воспитание своих детей).

Отнесение норм названных институтов в нормативных источниках, относящихся к различным отраслям права, что обуславливает вопрос об обозначении их в именно качестве комплексных правовых институтов. «Комплексные правовые образования, - верно пишет Д.Е. Петров, - следует именовать межотраслевыми (комплексными) правовыми институтами. ... Сам признак "комплексность" означает принадлежность нормативного образования к нескольким различным отраслям права»<sup>1</sup>.

В частности, преимущественное право покупки встречается в таких кодифицированных актах как ГК РФ, Жилищный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ. Как уже отмечалось, генеральное значение имеет норма, закрепленная в ст. 252 ГК РФ. Об этом недвусмысленно свидетельствуют положения ч. 6 ст. 42 Жилищного кодекса РФ и п. 3 ст. 35 Земельного кодекса РФ. Здесь, как думается, речь идет о таком способе унификации НПА как *«уподобление институтов»*<sup>2</sup>.

Упоминание о способе правового регулирования позволяет обратиться к классификации преимущественного права в зависимости от очень близкого к способу, но одновременно абсолютно самостоятельному феномену – методу правового регулирования<sup>3</sup>. В зависимости от последнего, преимущественное право можно классифицировать как императивное, диспозитивное,

---

<sup>1</sup> Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 39, 40.

<sup>2</sup> Там же. С. 42.

<sup>3</sup> См., в частности: Петров Д.Е. Единство и различие метода и способа правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 3 (60). С. 18-22.

поощрительное, рекомендательное, которое объективировано в соответствующих юридических нормах.

При этом надо исходить из того, что преимущественное право как властное веление имплементированное в норму права априори обладает качеством императивности, распространяющееся на адресатов этой нормы<sup>1</sup>. Например, более чем императивным служит нормативное требование о том, что «работодатель обязан определить круг лиц, имеющих преимущественное право на оставление на работе»<sup>2</sup>.

В тоже время, исходя из того, что преимущественным правом принадлежит сугубо его обладателям, основанием градации между императивным и диспозитивным характером преимущественного права, по нашему мнению, служит потенциальная возможность его принятия либо отказа.

В таком ракурсе, выступает уже обозначенное и проанализированное выше, преимущественное право на назначение на должность судьи военного суда гражданина, имеющего воинское звание офицера (ч. 2 ст. 27 ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»)<sup>3</sup>.

Диспозитивность преимущественного права коррелирует с таким юридическим феноменом как отказ. Если уступка преимущественного права законодательно недопустима, то нормативно установленный отказ от полагающегося преимущественного права является важнейшим индикатором диспозитивности последнего. Допустимость принятия (и реализации) преимущественного права и, напротив, отказ от этих действий как раз и олицетворяет диспозитивный метод правового регулирования, поскольку главную роль здесь играет именно дозволение воспользоваться

---

<sup>1</sup> Совершенно справедливо отмечается, что «основу содержания категории "императивность" составляет именно требование, веление обязательного характера, , обеспеченное принудительным элементом...» (Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование). М., 2020. С. 7).

<sup>2</sup> См.: п. 3 Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства (утв. Приказом Федеральной службы по труду и занятости от 11 ноября 2022 г. № 253 // СПС «Гарант»).

<sup>3</sup> СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

преимущественным правом либо нет. Надо отметить, что отказ от преимущественного права требует соответствующего документального оформления, что лишний раз обуславливает актуальность и необходимость отдельного изучения данного вопроса, что и будет сделано в соответствующих разделах настоящего исследования<sup>1</sup>.

При этом хотелось бы отметить, что доминирование диспозитивного метода в проекции к преимущественному праву объясняется подразумеваемой им потенциальной вероятностью получения блага.

В подобном и состоит квинтэссенция преимущественного права, реализуемого в поощрительном методе. Здесь стоит констатировать двойственность преимущественного права.

С одной стороны, преимущественное право может представлять как поощрение<sup>2</sup>, в отличии, например, от исключений, которыми поощрениями не являются. С другой стороны преимущественное право выступает основанием получения поощрения; в этом случае, что интересно, преимущественное право, обеспечивая получение поощрения, само возникает вследствие поощрения<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> В качестве подтверждения высказанного умозаключения, хотелось бы привести, как пример, п. 5 ст. 2 ФЗ от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (СЗ РФ. 1998. № 13. Ст.1463): «При отказе от преимущественного права покупки драгоценных металлов и драгоценных камней подведомственное уполномоченному федеральному органу исполнительной власти государственное учреждение или указанные в абзаце третьем настоящего пункта органы обязаны направить уведомление об отказе от преимущественного права покупки драгоценных металлов и драгоценных камней в течение десяти рабочих дней со дня получения предложения о покупке».

<sup>2</sup> См., например: «Дочерние общества ОАО "РЖД" вправе устанавливать иные преимущественные права (меры поощрения) для работников бухгалтерии, показавших высокий уровень знаний» (п. 6 Типового положения о порядке повышения квалификации работников, ответственных за ведение бухгалтерского и налогового учета в дочерних обществах ОАО «РЖД» (утв. Распоряжением ОАО «РЖД» от 27 декабря 2012 г. № 2711р // СПС «Гарант»).

<sup>3</sup> См.: абз. 2 п. 2 Положения о Благодарственном письме Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края (Приложение № 2 к Решению Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края от 16 июня 2022 г. № 831 «О наградах Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края» // Местное время. 2022. 28 июня): «Преимущественное право на поощрение Благодарственным письмом имеют лица, награжденные Почетными грамотами и другими видами поощрений отраслевых ведомств либо имеющие трудовой стаж в данной организации не менее трех лет».

В свою очередь преимущественное право не выступает в качестве рекомендации, хотя и фиксируется в рекомендательных нормах и задействовано при реализации рекомендательного метода, наиболее часто выражаясь в договорах с нормативным содержанием.

Нормативная природа преимущественного права детерминирует регламентацию его наличия и реализации. Соответствующие нормативные положения составляют достаточно сложный комплекс, интегрируя в себе различные способы изложения юридических предписаний<sup>1</sup>. В данной связи можно предложить градацию преимущественного права на находящегося в статике и динамике.

Обладание, и, в особенности, реализация преимущественного права может быть дополнена рядом условий. В зависимости от этого выделяют преимущественное право не обремененное условиями и обремененное условиями.

Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта. В частности, более чем интересным представляется нормативное предписание, согласно которому, преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников предоставляется матерям-одиночкам военнослужащих, которые проходят военную службу по призыву<sup>2</sup>. Здесь можно констатировать целый конгломерат как предписанных, так и достигаемых факторов, детерминирующих наличие преимущественного права.

В свою очередь преимущественное право, может зависеть как от одного (например, ч. 1 ст. 131 Жилищного кодекса РФ<sup>3</sup>), так и от нескольких условий<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Показательным в этом отношении выступает содержание ч. 4 ст. 4 ФЗ от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3126).

<sup>2</sup> См.: абз. 9. п. 5 ст. 23 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 23. Ст. 2331).

<sup>3</sup> Так, согласно указанной норме, «в случае смерти члена жилищного кооператива преимущественное право на вступление в члены жилищного кооператива имеет его супруг при условии, что этот супруг имеет право на часть пая».

<sup>4</sup> Так, реализация преимущественного права, закрепленного в ст. 3 ФЗ от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества,

Примечательно, и приведенные примеры это подтверждают, условия могут быть связаны с преимущественным правом на обладание какого-либо блага или с реализацией самого преимущественного права.

Здесь представляется необходимым уточнить, что преимущественное право всегда коррелирует с определенными условиями, поскольку оно непосредственно связано со специальным статусом, может быть причиной наделением таким статусом и всегда служит критерием отграничения от общего статуса<sup>1</sup>.

Речь тем самым идет о вспомогательных уже по отношению к специальным условиям, связанных с преимущественным правом. Как было отмечено выше, специальный статус может подразделяться на подвиды.

Тем самым, и такая дифференциация уже была анонсирована выше, можно предложить деление преимущественного права на общее и специальное. Так, например, специальное преимущественное право на зачисление в военные образовательные организации имеют дети Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы<sup>2</sup>. Это право является специальным относительно преимущественного права тех категорий граждан, которое закреплено, в частности, в п. 11 ст. 71 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»<sup>3</sup> (далее – *Закон об образовании*).

Классификация, основанная на наличии преимущественного права в зависимости от специального статуса и его разновидностей, обуславливает

---

находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2008. № 30 (часть I). Ст. 3615), возможна при соблюдении условий, перечисленных в пунктах 1, 1.1, 2, 4, 5 указанной статьи.

<sup>1</sup> См. об этом, в частности: Дергунов А.А. Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 51-54.

<sup>2</sup> См.: п. 4 ст. 8 Закона РФ от 15 января 1993 г. № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» (Российская газета. 1993. 10 февр.).

<sup>3</sup> СЗ РФ. 2012 г. № 53 (часть I). Ст. 7598.

стратификацию преимущественного права в зависимости от субъектов, которые оно предназначено

Обладатели преимущественного права более чем разнообразны. Ими могут быть международные организации, иностранные государства, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования; в качестве гипотезы резонно предположить, что преимущественным правом теоретически могут обладать и иные публично-правовые образования, например, федеральные территории. Преимущественное право может принадлежать государственным и (или) муниципальным органам либо учреждениям, юридическим лицам, в том числе и международным компаниям и корпорациям.

Спектр преимущественных прав, которые принадлежат физическим лицам, без преувеличения, огромен и гиперболизировано многообразен. Связано это прежде всего с диапазоном специального статуса, который, как только что отмечалось выше, может подразделяться на предельно широкое количество подвидов.

Надо отметить, что в отдельных случаях преимущественное право может коррелировать с гражданством России, то есть принадлежать исключительно гражданам РФ (ч. 1.1. ст. 88 Закона об образовании). Но даже в этом случае, по нашему мнению, можно констатировать масштаб специального статуса, который, например, связан с преимущественным правом граждан России обучаться в специализированном структурном образовательном подразделении загранучреждения МИД РФ<sup>1</sup>.

Специальный статус традиционно стратифицируется на предписанный и приобретенный. Превалирует, безусловно, последний, поскольку наличие специального статуса субъекта (а значит и преимущественного права) в современных условиях так или иначе зависит от индивида (его усилий, рода

---

<sup>1</sup> В данном казусе вопрос о возможности обучения принимается решением руководителя загранучреждения, согласованным с центральным аппаратом МИД РФ. Тем самым можно предложить классификацию преимущественного права, реализация которого: а) зависит от усмотрения компетентного субъекта; б) не зависит от подобного рода усмотрения.

занятий, действий, поведения, достижений и т.п.). Так, например, военнослужащим, имеющим ученую степень и достигшим предельного возраста пребывания на военной службе, предоставляется преимущественное право при заключении с ними контракта о прохождении военной службы (п. 9 ст. 38 ФЗ № 76).

Вместе с тем, не стоит исключать и присутствие преимущественного права в структуре предписанного специального статуса физического лица.

Многоаспектность преимущественного права субъектов – физических лиц, доказывается и наличием так называемого смешанного статуса.

Таким образом, наличие преимущественного права у субъектов зависит от специального статуса, который в свою очередь более чем разнообразен и сам подвержен стратификации.

Классификация преимущественного права по субъектам (а равно и по обладателям) предполагает антагонистическую дифференциацию по объектам. Последняя позволяет сделать интересный вывод о том, что преимущественное право распространяется не на предметы материального мира, а на деяния, точнее – действия, ибо, как показывает анализ российского законодательства не может быть преимущественного права на бездействие.

Спектр преимущественных прав на соответствующие действия предельно широк. Преимущественное право может быть связано с действиями в сфере конституционных правоотношений (право на зачисление в образовательные учреждения всех видов и типов); в социальном сегменте (право на получение путевок в санатории и санаторно-курортное лечение); в сфере действия норм трудового права (право на поступление на работу и на оставление на работе; на занятие определенной должности); в секторе административных правовых отношений; в отношениях, регламентируемых земельным правом; правоотношениях, возникновение, развитие и существование которых обусловлено нормами семейного и, безусловно, гражданского права.

Как уже отмечалось, разновекторность действий, связанных с наличием преимущественного права более чем многогранна<sup>1</sup>. Здесь можно с уверенностью констатировать, что преимущественное право более чем универсально, его эмиссия проникает как на фундаментальные важнейшие действия (на воспитание и обучение детей, на оставление на работе, на покупку и т.п.), так и на весьма узконаправленные (в частности, преимущественное право пассажира нижней полки в поезде дальнего следования на размещение ручной клади на нижнем месте<sup>2</sup>) и более чем специфические (например, преимущественное право на занятие северным домашним оленеводством и промыслом диких северных оленей<sup>3</sup>).

Подобного рода разнообразие детерминирует классификацию преимущественного права в зависимости от лингвистического выражения в нормах права (как содержания) и источнике права (как форме).

Так, исходя из данного основания классификации, можно выделить множество разновидностей преимущественного права, по разному находящих свое вербальное объективирование.

Здесь прежде всего необходимо назвать синтагму «преимущественное право»; она полностью лексически созвучна с одноименным нормативным термином, максимально адекватно отражая его сущность и специфику. Именно поэтому, по нашему мнению, указанное словосочетание должно доминировать при словесном облечении преимущественного права в юридически значимой форме. Как положительный момент, стоит отметить превалирование анализируемой лексики в нормативных предписаниях российского законодательства.

---

<sup>1</sup> См. об этом: Дергунов А.А. Преимущественное право: формы нормативного объективирования. С. 13-15.

<sup>2</sup> См.: п. 175 Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом (утв. Приказом Министерства транспорта РФ от 5 сентября 2022 г. № 352 // Официальный интернет-портал правовой информации.URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.10.2022)).

<sup>3</sup> См.: ст. 10 Закона Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 г. 3 № 179-І «О северном домашнем оленеводстве» (Якутские ведомости. 1997. 26 июля).

Выверенность нормативного термина «преимущественное право» индуцирует и отсутствие, например, таких законодательных формулировок как «преимущественные меры», «преимущественные обстоятельства», «преимущественный порядок», либо крайне редкое и отличающееся негативной тональностью выражение «преимущественные условия»<sup>1</sup>.

Тем самым точность языковой единицы «преимущественное право» нивелирует иную терминологию, что влечет ее абсорбирование в орбиту преимущественного права<sup>2</sup>.

В свою очередь необходимость правовой дифференциации регулирования общественных отношений обуславливает появление таких производных от преимущественного права фразеологических оборотов как «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право».

Совпадающим свойством названной триады прав, одновременно объясняющим детерминированность их от преимущественного права и общность с ним, служит то, все они подразумевают как преимущество нормативно закрепленную возможность получения какого-либо блага перед иными субъектами.

Вместе с тем, выделение внеочередного права, первоочередного права, приоритетного права как автономных разновидностей преимущественного права позволяет утверждать об их определенной специфичности. Последнее касается, прежде всего, внеочередного и первоочередного права, играющих, по нашему мнению, магистральную роль в рассматриваемой конгломерации.

И внеочередное право и первоочередное право, как следует уже из самой семантики этих прилагательных, непосредственно связаны с отношениями

---

<sup>1</sup> См., в частности: ч. 2 ст. 46 ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652).

<sup>2</sup> При этом не стоит воспринимать рассмотренную выше разновидность преимущественного права, связанного с выполнением какого-либо условия (условий) в качестве синонима преимущественных условий. Равным образом словесный оборот «порядок реализации преимущественного права» никоим образом не тождественен «преимущественному порядку», который, как уже было отмечено, не наличествует в нормативно значимом тексте.

очереди. Тем самым предоставление преимущества коррелирует с очередностью его получения; последнее не приемлемо для преимущественного права, не зависящего от корреляции с очередью. В частности, как думается, ни о какой очереди не может идти речи в контексте преимущественного права родителей на обучение и воспитание своих детей (ст. 63 Семейного кодекса РФ).

Однако, как было уже сказано выше, преимущественное право всегда олицетворяет собой преимущество одних перед другими; но не всегда такое преимущество на обладание благом имеет прямое отношение именно к очереди субъектов, находящихся в ней и ожидающих возможности обретения данного блага

В проекции к очереди проявляется основное различие между внеочередным правом и первоочередным правом.

Внеочередное право обуславливает возможность получения преимущества теми субъектами, которые не находятся в очереди. Например, в п. 2 Инструкции об организации санаторно-курортного обеспечения в органах федеральной службы безопасности<sup>1</sup> (далее – *Инструкция*) перечислены категории граждан, которые имеют право на лечение и санаторно-курортный отдых в санаториях и домах отдыха ФСБ России. При этом часть граждан из названных категорий обладает первоочередным (п. 4 Инструкции) либо преимущественным (п. 5 Инструкции) правом на получение путевок в подведомственные санатории и дома отдыха. Но п. 6 Инструкции предусматривает внеочередное право военнослужащих ФСБ РФ получивших увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы, после госпитального лечения получить путевку соответствующее санаторно-курортное учреждение<sup>2</sup>. Казалось бы, подобное особо подчеркивает изолированность внеочередного права от

---

<sup>1</sup> Инструкция об организации санаторно-курортного обеспечения в органах федеральной службы безопасности (утв. Приказом ФСБ РФ от 22 ноября 2012 г. № 589 // Российская газета. 2012. 24 декабря).

<sup>2</sup> Иллюстрируемое внеочередное право основывается на предписаниях ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

очереди; однако данное умозаключение более чем ошибочно. «Так, - пишет С.Ю. Суменков, - нельзя вести речь о внеочередности безотносительно к понятию очередности – ведь если нет очереди, то соответственно нельзя ничего приобрести вне этой очереди. Само словосочетание "вне очереди" предполагает наличие очереди...»<sup>1</sup>. Данный аспект несколько сближает внеочередное право с исключением из правил, так как, по мнению ученого, если очередь – это правило, то внеочередность –исключение из него<sup>2</sup>.

Указанная апория совершенно справедлива в проекции к такому феномену как «внеочередность», но, наш взгляд, внеочередное право все же следует считать разновидностью преимущественного права, а значит не исключения, а специального правила. Смысловой доминантой в термине «внеочередное право» выступает не внеочередность, а право – нормативно закрепленная возможность получения преимущества по особому, отличному от общего алгоритму<sup>3</sup>.

Разграничение между внеочередным и первоочередным правом заключается тем самым в проекции к очереди, в которую не входят претенденты на внеочередное право и без которой немислимо заявка на первоочередное право. Так, например, согласно пп. 8 п. ст. 15 ФЗ от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»<sup>4</sup>, участники ВОВ имеют внеочередное право на установку квартирного телефона; а ветераны боевых действий, в соответствии с пп. 3.1 ст. 16 указанного закона, обладают первоочередным правом на названное благо. Здесь наглядно проявляется обусловленность внеочередности либо первоочередности предоставления блага различностью подвидов специального статуса, предопределяющей причастность к очереди.

---

<sup>1</sup> Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 97.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См. в качестве иллюстрации: Приказ Министерства образования и науки Забайкальского края от 25 января 2023 г. № 49 «О дополнительной мере социальной поддержки отдельной категории граждан в виде предоставления внеочередного права на перевод ребенка в другую, наиболее приближенную к месту жительства семьи государственную общеобразовательную организацию» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7501202301260002> (дата обращения 01.06.2023 г.).

<sup>4</sup> СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

Первоочередное право самым тесным образом связано с отношениями очередности, подразумевая то, что обладатель данного права, находясь в очереди, претендует на получение блага в первую очередь, по сравнению с иными участниками данных отношений. В подобном праве и заключается его преимущество перед ними, а равно объяснение того, почему предоставление блага воспринимается как разновидность преимущественного права.

С первоочередным правом аффилированно приоритетное право. Этот термин имеет место быть в нормативных актах различного уровня<sup>1</sup>, анализ которых иллюстрирует производность приоритетного права от преимущественного. Так, например, нормативные предписания, содержащиеся в п. 31 «Выкуп арендованного имущества, приоритетное право на приобретение арендуемого имущества» Положения о порядке и условиях приватизации муниципального имущества города Грозного<sup>2</sup>, исходят и основываются именно на преимущественном праве<sup>3</sup>. Тем самым, исходя из озвученной выше позиции о соотношении преимущественного права с субъективным правом, нельзя согласиться с С.А. Чиркаевым однозначно воспринимающим приоритетное право как субъективное<sup>4</sup>.

При этом стоит признать правоту указанного ученого, который, в контексте рассуждений о противостоящей приоритетному праву обязанности,

---

<sup>1</sup> См., например: ч. 2 ст. 7 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724); Приложение № 2 «Перечень организаций, пользующихся приоритетным правом участия в общественных работах» к Постановлению Главы муниципального образования «Луховицкий район» Московской области от 12 марта 2004 г. № 285 (Луховицкие вести. 2004. 20 марта).

<sup>2</sup> Решение Грозненской городской Думы Чеченской Республики от 2 октября 2018 г. № 66 // Официальный сайт Грозненской Городской Думы. URL: <http://grozgorduma.ru> (дата обращения 01.06.2023 г.).

<sup>3</sup> В частности, в пп. 1 п. 31 сказано, что приватизация муниципального имущества, находящегося в аренде у субъектов малого и среднего предпринимательства, производится с учетом приоритетного права арендатора на приобретение приватизированного имущества в соответствии в том числе с ФЗ от 22 июля 2008 года № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2008 г. № 30 (часть I). Ст. 3615). Непосредственно в названном законе имеется ст. «Преимущественное право на приобретение арендуемого имущества».

<sup>4</sup> См.: Чиркаев С.А. Формы реализации юридического приоритета: теория и практика // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1 (91). С. 251-252.

верно пишет о том, что «понятие "приоритетная обязанность" весьма абстрактно»<sup>1</sup>. Это действительно так, поскольку ни в одном нормативном акте Российской Федерации не встречается данного словосочетания. Пытаясь обосновать наличие приоритетной обязанности, Н.Н. Хрони пишет о его упоминании в правоприменительных актах, либо в доктринальных источниках<sup>2</sup>. Единичность подобного рода примеров детерминирует корреляцию приоритетной обязанности не с приоритетным правом, а с преимущественным правом<sup>3</sup>.

С этим, конечно, можно согласиться, но лишь при условии признания того, что приоритетное право занимает подчиненное в проекции к преимущественному праву положение, выступая в качестве специфической разновидности первоочередного права. В названном контексте можно сформулировать следующую триаду: преимущественное право-первоочередное право-приоритетное право.

Единство первоочередного и приоритетного права заключается в примате на завладение благом; различие – в том, что значение приоритетного права вызвано не столько отношениями очередности, сколько тем, что качество первичности априори имплементировано в него таким базовым компонентом системы правовых преимуществ как юридический приоритет<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 249.

<sup>2</sup> См.: Хрони Н.Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2023. С. 15.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 17-19.

<sup>4</sup> Различие между первоочередностью и приоритетностью ярко иллюстрируется в нормативных предписаниях, содержащихся в Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 //официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201712060038>) (дата обращения 01.06.2023 г.)). Так, согласно абз. 3 п. 24 указанного Положения, «при планировании очередности проведения защит диссертаций диссертационным советом недопустимо приоритетное рассмотрение диссертаций соискателей ученых степеней, выполнявших диссертационные исследования в организации, на базе которой создан диссертационный совет». При этом, в соответствии с абз. 4 данного пункта, «первоочередному рассмотрению подлежат диссертации, направляемые Минобрнауки России на дополнительное заключение, апелляции по вопросам присуждения ученых степеней в части нарушения порядка представления к защите и защиты диссертаций, заявления о лишении ученой степени».

Тем самым приоритетное право характеризуется синтезом качеств преимущественного права (как базового правомочия по отношению к первоочередному праву) и юридического приоритета, олицетворяя собой нормативно зафиксированное первенство на получение блага как преимущества.

Надо отметить, что лексемы «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право», в отличие от гегемона «преимущественное право» имеют множество фразеологических вариаций, закрепленных в нормативном тексте. Речь прежде всего идет о различного рода «порядках», что уже иллюстрировалось выше, а также о мерах, либо иных многочисленных и разнообразных синтагмах («вне очереди», «право вне очереди», «в первую очередь», «приоритетные условия» и т.п.<sup>1</sup>). Подобное многообразие вызвано одновременно необходимостью дифференциации общественных отношений и сугубо практической направленностью подвидов преимущественного права<sup>2</sup>.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Классификация преимущественного права доказывает реальное присутствие данного феномена в нормативной регуляции общественных отношений, иллюстрируя его полиморфию и наличие в реальных сегментах последней.

Важнейшим основанием градации преимущественного права, подтверждающим его когерентность с объективным правом, является дифференциация по форме внешнего выражения на преимущественное право, зафиксированное в нормативном правовом акте, нормативном договоре; правовом обычае.

---

<sup>1</sup> Особенной полиморфией отличается приоритетное право, предусматривающее первенство соответствующих субъектов, объектов, направлений, мероприятий и т.д.

<sup>2</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право: единство, различие, взаимосвязь // Вестник СГЮА. 2023. № 3 (152). С. 54-63.

Основополагающей формой права служит нормативный правовой акт, в котором закрепляется соответствующее преимущественное право. Многообразие нормативных актов дает возможность стратифицировать последнее на преимущественное право закрепленное в различных видов законов и подзаконных актов.

Преимущественное право, воплощенное в нормативном договоре направленно на детализацию либо дополнение того преимущественного права, установленного в нормативном правовом акте, являясь вспомогательным по отношению к последнему.

Преимущественное право потенциально может быть объективировано в правом обычае, и с учетом корреляции преимущественного права с принципом правового равенства и специфики правовой системы России не содержится, соответственно, в прецеденте и юридической доктрине.

В свою очередь взаимосвязь преимущественного права и номы права, имплементированной в источник позитивного права, обуславливает деление преимущественного права в зависимости от прямого, отсылочного либо бланкетного способа изложения нормы, содержащей преимущественное право в нормативном правовом акте либо договоре с нормативным содержанием. Достаточно распространенный бланкетный способ изложения применим как для источников права одного вида (например, нормативных актов, так и для их корреляции с нормативными договорами).

Достаточно редко встречающийся отсылочный способ предполагает внедрение преимущественного права в различных структурных элементах одного источника.

Прямой способ направлен на непосредственное изложение преимущественного права в соответствующей форме.

Взаимобусловленность юридической нормы и источника объективного права в проекции к преимущественному праву детерминирует его классификацию в зависимости от соотношения системы права как содержания и системы законодательства как формы. Так, выделяют преимущественное

право, закрепленное в отрасли законодательства, которой не коррелирует отрасль права; преимущественное право, объектированное в норме отрасли права, не имеющей отдельной отрасли законодательства; преимущественное право, внедренное в норму отрасли права, которой соответствует отрасль законодательства.

Предложенная классификация позволяет сделать вывод о наличии преимущественного права как в отраслях публичного, так и частного права, а равно об отсутствии данного феномена в нормах процессуального права, что еще раз подчеркивает неверность рассмотрения преимущественного права сквозь призму особой правовой процедуры. В свою очередь разноречивость и бланкетность некоторых сгруппированных норм, предусматривающих преимущественное право, дают возможность определять их совокупность в контексте преимущественного права как комплексный институт.

Преимущественное право может дифференцироваться в зависимости от метода правового регулирования на императивное, диспозитивное, рекомендательное и поощрительное. Такая классификация приемлема, но только с учетом изначальной императивности преимущественного права<sup>1</sup>.

Диспозитивность преимущественного права проявляется в возможности его принятия либо отказа.

Наличие такого основания предопределяет деление преимущественного права на не обремененное условиями и обремененное условиями. Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта.

Концепт об условиях, сопровождающих преимущественное право, обоснован тогда, когда речь идет о вспомогательных уже по отношению к специальным условиям, связанных с преимущественным правом.

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право как общеправовой феномен: многообразие классификационных оснований // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 118-122.

Между тем такая градация позволяет стратифицировать преимущественное право на общее и специальное, что обосновывает взаимосвязь преимущественного права именно со специальным правовым статусом субъекта и одновременно, допустимость подразделения его на бесконечно большое количество разновидностей последнего.

Непременная интеграция специального статуса и его подвидов с преимущественным правом детерминирует сепарацию преимущественного права на субъекты, им обладающие и на объекты, на которое оно направлено. Субъекты, в отношении которых предусмотрено наличие преимущественного права, гиперболизировано разнообразны; в зависимости от оснований наделения специальным статусом их преимущественное право может обозначаться как предписанное, приобретенное и смешанное.

Многообразием характеризуются и объекты, на которые распространяется преимущественное право субъектов; отличительной чертой таких объектов служит отсутствие преимущественного права на бездействие.

Важнейшей классификацией преимущественного права выступает деление его в зависимости от лингвистического выражения в нормах права (как содержанию) и источнике права (как форме). По такому основанию можно выделить собственно преимущественное право и такие его разновидности как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право.

Внеочередное право, аккумулируя в себе свойства исключения и преимущественного права, обуславливает возможность получения преимущества теми субъектами, которые не находятся в очереди на предоставление блага.

Первоочередное право, напротив, неотделимо от отношений очередности, подразумевая то, что обладатель данного права, находясь в очереди, претендует на получение блага в первую очередь, по сравнению с иными участниками данных отношений.

Приоритетное право концентрирует качества преимущественного права, с одной стороны, и юридического приоритета, с другой, олицетворяя собой

нормативно зафиксированное первенство на получение блага как преимущества.

Прагматизм и целевая предопределенность синтагм «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право» порождает множество их фразеологических вариаций, закрепленных в нормативном тексте<sup>1</sup>.

Все это позволяет сделать вывод о наличии реально существующей в праве автономной системы регуляции, центром которой служит преимущественное право.

Тем самым классификация преимущественного права не должна носить сугубо описательного характера, а способствовать анализу этого реально существующего феномена, выполняющего особые функции в нормативном регулировании, направленные на достижение соответствующих целей.

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право: единство, различие, взаимосвязь. С. 54-63.

## **ГЛАВА 2. ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО: СПЕЦИФИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ**

### **2.1. Целевое предназначение преимущественного права**

Цель олицетворяет «то, к чему стремятся, что надо осуществить»<sup>1</sup>. По семантическому значению аналогами цели выступают такие лексемы как «назначение», «идеал». Можно предположить, что синонимичными лексеме «цель» служат лексические единицы «итог», «ориентир», «результат».

О том, что в праве в обязательном порядке присутствует цель, характеризующаяся в качестве неотъемлемого компонентом правового регулирования, является достаточно распространенной и апробированной точкой зрения<sup>2</sup>.

Право, как полагал Р. ф. Иеринг, абсолютно невысказуемо без целеполагания, ибо «цѣль есть творческая сила всего права, что нѣтъ правового положенія, которое не было бы обязано своимъ происхожденіемъ какой либо цѣли»<sup>3</sup>.

В данном контексте уместно будет заметить, что, с одной стороны, необходимость закрепления преимущественного права, его регламентации и реализации, детерминирует формализацию нормативного предписания в соответствующем акте правотворчества. Тем самым преимущественное право взаимосвязано с должным выполнением государственной функции, и НПА издается для выполнения государственной функции, заключающейся именно в реализации преимущественного права.

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка : Ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М., 1957. С. 713.

<sup>2</sup> См.: Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970.

<sup>3</sup> Иеринг Р.-ф. Цѣль в правѣ / переводъ В.Р. Лицкаго, Н.В. Муравьева, Н.Ф. Дерюжинскаго, под редакц. В.Р. Лицкаго. Первый томъ. Санкт-Петербургъ, 1881. С. 11.

С другой стороны, официальная объективация преимущественного права может быть направлена на обеспечение достижения какой-либо цели. Подобного рода апория в некоторых случаях прямо отражается в названиях соответствующих правовых документах<sup>1</sup>, подчеркивая как непосредственно целевую ориентированность преимущественного права на разрешение цели, так и магистральную роль преимущественного права в данном процессе.

Как думается, обе названные тенденции не только не противоречат друг другу, но и органичны в своем единстве, олицетворяя различные аспекты обозначения цели преимущественного права в юридическом тексте.

При этом надо отметить, что факторы, обусловившие нормативную формализацию преимущественного права, выступают в качестве реальных детерминант существования последнего. Причина, воспринимаемая как основание, предлог для каких-нибудь действий<sup>2</sup>, играет важную роль в правовом регулировании, вызывая бесконечную цепь причин и следствий<sup>3</sup>. Соотношение между причиной и следствием более чем однозначное: причина всегда предшествует следствию<sup>4</sup>.

Диалектика такова, что именно наличие причины порождает возникновение следствия<sup>5</sup>; в проекции к преимущественному праву подобное обозначает, что именно оно является следствием. Есть причина – ей и корреспондирует преимущественное право. Подобное характерно для большинства юридических явлений, в том числе и неоднозначного свойства.

Здесь, необходимо солидаризоваться с Е.Н. Кониной, считающей, что следствие зависит не только от причины, но и от того явления, на которое действие направлено<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Решение Воронежской областной Думы от 30 марта 2011 г. № 9-V-ОД «Об обращении Воронежской областной Думы в органы местного самоуправления муниципальных образований Воронежской области с целью обеспечения преимущественного права на зачисление в муниципальные дошкольные образовательные учреждения детей медицинских и фармацевтических работников» // СПС «Гарант».

<sup>2</sup> См., например: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 490.

<sup>3</sup> См. об этом: Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 2003. С. 91.

<sup>4</sup> См.: Кониная Е.Н. К вопросу о причинности в праве // E-Scio. 2021. № 3 (54). С. 410.

<sup>5</sup> См.: Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. Л., 1988. С. 135.

<sup>6</sup> См.: Кониная Е.Н. Указ. соч. С. 410-411.

По нашему мнению, к такому явлению как раз и надо причислять цель в праве. Триада «причина – следствие – цель» в правовой сфере более чем взаимообусловлены, составляя базис эффективного действия права. «Дѣйствовать и дѣйствовать ради какой либо цѣли – значить одно и то же; дѣяніе безъ цѣли такая же безсмыслица, какъ слѣдствіе безъ причины»<sup>1</sup>. Именно Р. ф. Иеринг предложил оригинальную концепцию восприятия причины того или иного деяния как иносказательной формы его цели<sup>2</sup>.

В таком контексте можно назвать одну из важнейших причин обязательности юридической фиксации цели преимущественного права, априори подразумевающей ее разъяснение.

Конечно, нельзя лимитировать причину фиксации преимущественного права только в аспекте необходимости закрепления цели последнего. Причин нормативного оформления преимущественного права колоссально много: это факторы объективного и субъективного свойства, детерминированные, как уже было сказано, законом необходимого разнообразия жизни. Они находят свое яркое отражение и максимальную концентрацию в целях преимущественного права. Тем самым реально существующие причины служат детерминантами целевой направленности преимущественного права.

При этом цель в праве обладает определенной спецификой, имманентной праву как особому регулятору общественных отношений. А.В. Малько и К.В. Шундилов достаточно точно выделили отличительные черты цели в праве<sup>3</sup>. Наша принципиальная позиция состоит в том, что на цели преимущественного права также распространяются признаки цели в праве, естественно, с учетом определенной самобытности целевого предназначения самого преимущественного права.

Таким образом, исходя из базовых признаков права, можно представить следующий алгоритм, характеризующий цель преимущественного права.

---

<sup>1</sup> Иеринг Р.-ф. Указ. соч. С. 9.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 10.

<sup>3</sup> См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 43.

Преимущественное право устанавливается в качестве модели общественных отношений, устанавливаемой либо санкционируемой государством. В названном контексте моделирование особенно перспективно, ибо природа модели предопределена не только объективной реальностью (объективными условиями существования), но и субъективными условиями, специальными средствами, которые имеются у субъекта в наличии на момент создания соответствующей модели. Последняя нужна как раз для гармонизации социальных отношений, ибо не только игнорирование дифференциации, но и ее чрезмерное усиление способно повлечь дисбаланс развития социума<sup>1</sup>.

Дисбаланс может быть характерен и для правовой сферы<sup>2</sup>, равно как для нее присуща и дифференциация<sup>3</sup>, проявляющаяся в различных отраслях права<sup>4</sup> и законодательства<sup>5</sup>.

Таким образом, следует признать наличие двух антагонистических, но взаимообусловленных тенденций: дифференциации, детерминированной комплексом объективных и субъективных оснований, и дисбалансом юридической регуляции, вызванной процессами дифференциации.

Для нивелирования указанной коллизии нужна модель, гипотетически позволяющая сочетать в правовом регулировании дифференциацию и сбалансированность.

---

<sup>1</sup> См. об этом: Этингер Е.В. Усиление социально-экономической дифференциации как фактор дисбалансированности социального развития России : автореф. дис. канд. экон. наук. М., 2006; Белоусов С.А., Суменков С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 3-7.

<sup>2</sup> См., в частности: Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Саратов, 2015.

<sup>3</sup> См.: Петров Д.Е. К вопросу о понятии и функциях дифференциации в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 80-85; Его же. К вопросу о причинах и предпосылках дифференциации структурных элементов системы права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 119-127.

<sup>4</sup> См. об этом, например: Скачкова Г.С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциации его норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

<sup>5</sup> См., например: Петров Д.Е. Процессы дифференциации и интеграции в экологическом и природоресурсном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 77-80.

Подобного рода моделей у субъекта правотворчества, как думается, может быть множество. Конкретно преимущественное право используется государством для создания модели отношений, в которых дифференциация проецируется на возможность получения каких-либо благ. Цель преимущественного права заключается в конструировании модели правоотношений, корреспондирующей как объективным, так и субъективным факторам процессов дифференциации, нивелирующие риски наступления дисбаланса законодательства.

В качестве примера можно привести преимущественное право родителей перед иными лицами на обучение и воспитание своих детей. Это преимущественное право нашло свою фиксацию в абз. 2 п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ. Данное право оптимально иллюстрирует модель правоотношений, интегрирующих как объективные факторы, так и субъективные условия, что, как уже было сказано, служит залогом перспективности моделирования. В частности, как пишет Н.С. Шерстнева, «природа принципов российского семейного права проявляется в единстве двух аспектов – объективного и субъективного»<sup>1</sup>.

Объективность выражается, прежде всего, в социально-экономических реалиях, а равно правовой политике государства<sup>2</sup>. Действительно, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей, обеспечение преемственности поколений служит одной из задач государственной политики<sup>3</sup>. Последние основываются на конституционных положениях, в частности на ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 38, п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, и принятых в их развитие нормах семейного законодательства.

Субъективность проявляется в том, что результаты правотворческой деятельности определяют направленность поведения участников

---

<sup>1</sup> Шерстнева Н.С. Принципы российского семейного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 11-12.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 12.

<sup>3</sup> См.: пп. «в» п. 24 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

семейных правоотношений<sup>1</sup>. Подобное подкреплено важнейшим влиянием родителей на формирование жизненной парадигмы у своих детей<sup>2</sup>, а также естественной дифференциацией половозрастных ролей в семье<sup>3</sup>.

Государство, провозгласив приоритет семейного воспитания детей, создает желаемую модель обучения и воспитания детей своими родителями, посредством правотворческого закрепления преимущественного права последних на осуществление указанных действий. Данная модель, аккумулирующая как объективные, так и субъективные факторы, связанные с родительством<sup>4</sup>, учитывает дифференциацию членов социума в процессе позитивного воздействия на несовершеннолетних.

Упоминание о приоритете детерминирует обращение к вопросу о том, может ли быть приоритет целью установления преимущественного права. В более широком плане этот постулат затрагивает дилемму о соотношении приоритета и преимущественного права.

Здесь, прежде всего, нужно отметить, что наличие преимущественного права порождает и соответствующую обязанность, именуемую, как уже отмечалось, в качестве преимущественной обязанности<sup>5</sup>. Н.Н. Хрони проводит корреляцию приоритетной обязанности с преимущественным правом<sup>6</sup>, что можно считать правильным лишь при условии восприятия

---

<sup>1</sup> См.: Шерстнева Н.С. Указ. соч. С. 12.

<sup>2</sup> См., например: Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.

<sup>3</sup> См. об этом подробно: Бурняшев М.Г. Социально-психологические аспекты полоролевой дифференциации и системной интеграции семьи : автореф. дис. канд. психол. наук. Ярославль, 2003.

<sup>4</sup> См., в частности: Глезденева О.В. Модели родительства и факторы их формирования в современной России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007; Захарова Е.И. Родительство как возрастно-психологический феномен : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017.

<sup>5</sup> См.: Репьев А.Г., Сенякин И.Н. Правовая категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 164-179.

<sup>6</sup> См.: Хрони Н.Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 17-19.

преимущественного права как доминанты в проекции, в частности, к приоритетному праву<sup>1</sup>.

В любом случае, необходимо специально подчеркнуть, что преимущественное право и юридический приоритет – автономные и самостоятельные компоненты системы правовых преимуществ.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что при оценке взаимосвязи преимущественного права и приоритета, превалирующей детерминантой в данном тандеме может выступать именно приоритет. Предельно четко об этом говорится в региональном нормативном акте, посвященном регулированию одной из программ ипотечного жилищного кредитования. В частности, относительно списков граждан, участвующих в данной программе и претендующих на покупку жилья в ипотеку, установлено буквально следующее: «Списки формируются на основании заявлений граждан, в соответствии с социально-экономическими приоритетами, дающими преимущественное право на приобретение жилья»<sup>2</sup>. Подобного рода приоритеты, обозначаемые как приоритеты в общесоциальном (широком смысле), олицетворяют правовые ориентиры развития общества и государства<sup>3</sup>. По мнению К.В. Шундикова, такие ориентиры непосредственно коррелируют с общественно значимыми интересами<sup>4</sup>. Именно поэтому, преимущественное право, находясь в диалектическом единстве с юридическим приоритетом, не означающего однако их полного тождества, направлено на удовлетворение законных интересов многочисленных и разнообразных субъектов правоотношений.

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право: единство, различие, взаимосвязь // Вестник СГЮА. 2023. № 3 (152). С. 58-59, 61.

<sup>2</sup> См.: п. 3.3 Программы ипотечного жилищного кредитования Смоленской области на 1999-2001 годы (утв. Постановлением главы администрации Смоленской области от 10 ноября 1999 г. № 826 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/939375736> (дата обращения 01.09.2023)).

<sup>3</sup> См. об этом: Чиркаев С.А. Приоритет в праве: вопросы дефинирования и смыслового восприятия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4. С. 108-117.

<sup>4</sup> См. об этом: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. Саратов, 2001. С. 20.

Высказанная апория совпадает с ключевой чертой правовой цели, исходя из характеристики последней, предложенной А.В. Малько и К.В. Шундиковым, и заключается в отражении ей наиболее важных государственных и общественных интересов.

Тем самым стоит констатировать, что моделирование общественных отношений, необходимое для учета объективно-субъективных факторов дифференциации и протекции баланса нормативной регуляции, не является ни самоцелью, ни моноцелью преимущественного права. Удовлетворение законных интересов также эксплицировано в арсенал целей преимущественного права.

Как думается, ограниченной выступает трактовка, в соответствии с которой принимаются во внимание только законные интересы государства и общества, собственно и отражающие правовые цели<sup>1</sup>. По нашему мнению, здесь безосновательно игнорируются интересы индивидов, ибо нельзя не признать правоту того, что ведущую регулятивную роль выполняют интересы, диалектически неотделимые от триады «личность—общество—государство»<sup>2</sup>.

Тем самым преимущественное право нацелено в доминанте своей на удовлетворение интересов, интегрирующих в себе притязания членов указанной триады. Стоит заметить, что интересы означенной триады, при всей их многоплановости, не всегда и не обязательно находятся в острой коллизии между собой. В.В. Субочев правильно пишет о том, что государство не может устранить абсолютно все противоречия, поскольку многие из них обусловлены объективными детерминантами; но государство, выполняя свою регулятивную функцию, способно синтезировать интересы отдельных индивидов и общества в целом, нивелировать социальные конфликты, защитить наиболее уязвимые и, напротив, сохранить устоявшиеся и развить

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 20, 21.

<sup>2</sup> См.: Субочев В.В. Законные интересы. М., 2008. С. 7.

перспективные интересы, добиться консенсуса между личностью, обществом и государством<sup>1</sup>.

Таким образом, социальные притязания находят свое формальное выражение в источниках права; в них же государство закрепляет инструментарий, целью которого является удовлетворение этих притязаний.

Здесь хотелось бы отметить, что преимущественное право, как и всякое правовое преимущество, олицетворяет собой определенного рода благо, именно в силу того, что оно удовлетворяет тот или иной интерес<sup>2</sup>.

Конечно, понятие «благо» не стоит однозначно связывать лишь с удовлетворением интересов, что, по большому счету соответствует позиции Г. Гегеля. Более чем выверенной в данном контексте представляется позиция Ю.Ю. Ветютнева: «представление о благе как о предмете, способном удовлетворять потребности человека, является вполне достаточным в качестве промежуточной рабочей версии, необходимой для круга юридически охраняемых благ»<sup>3</sup>.

Вопрос заключается в том, что если притязания и интересы можно, хотя и несколько условно воспринимать как синонимы, то потребности и интересы отождествлять не вполне корректно.

Тем самым можно предложить следующий алгоритм: интерес – это детерминанта удовлетворения потребностей, что олицетворяет собой обладание (получение) блага<sup>4</sup>. Право, как явление социальной действительности, а соответственно, и подразумеваемые правом преимущества непосредственно направлены на интерес, так как если потребность – это и биологическая и социальная категория, то сфера «действия интереса лежит только в социальном, в связи с чем, интерес всегда

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 9-10.

<sup>2</sup> См., в частности: Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова: материалы конференций (октябрь – ноябрь 2022 г.) / отв. ред. и сост. М.Ю. Спирин; [науч. ред. С.А. Комаров, И.А. Кузьмин]. Иркутск, 2023. С. 22.

<sup>3</sup> Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М, 2013. С. 109.

<sup>4</sup> См.: Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права. С. 23.

социален»<sup>1</sup>. Конечно, грань между биологическими и социальными факторами на практике достаточно тонкая, поскольку сложно не согласиться с тем, что «признание за человеком места в социальной среде не означает исчезновения природных качеств, оказывающих прямое влияние на его действия»<sup>2</sup>. В частности, неоднократно проанализированное выше законодательное предписание о том, что родители имеют преимущественное право обучение и воспитание своих детей, содержит как биологические, так и социальные мотивации, безусловно, с доминированием последних<sup>3</sup>.

Право нацелено на интерес и потому, что «потребность представляет собой явление психическое и не может быть зафиксировано юридически»<sup>4</sup>. К тому же надо учитывать, что обладателем преимущественного права может быть и государство, которое в силу общесоциальной составляющей своей сущности стремится к обеспечению удовлетворения наиболее широкого спектра благ. В последнем заключается целевое предназначение преимущественного права как нормативного продукта генерального субъекта правотворчества – государства<sup>5</sup>. «С точки зрения права, – пишет Ю.Ю. Ветютнев, – критерием блага является причастность к социальному единству; благами могут считаться лишь социально полезные явления...»<sup>6</sup>. Выражая согласие с высказанной позицией, хотелось бы заметить, что индивидуальные интересы и потребности в доминате своей не всегда и не обязательно находятся в конфликте с тем, что государство посредством права обозначает как общее благо. Как думается, в возможности сочетания индивидуальных, групповых и общих интересов и находит свое реальное подтверждение концепт о праве, в его современном нормативном понимании, как государственной воле общества.

---

<sup>1</sup> Субочев В.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>2</sup> Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 62.

<sup>3</sup> См., например: Кузнецова Л.В. Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России: автореф. дис. ...д-ра пед. наук. М, 2006. С. 13.

<sup>4</sup> Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 111.

<sup>5</sup> См.: Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права. С. 23.

<sup>6</sup> Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 114.

Так, например, в соответствии со ст. 5 Закона Мурманской области от 14 января 2003 года № 380-01-ЗМО «О северном оленеводстве Мурманской области»<sup>1</sup> (далее – Закон № 380-01-ЗМО) предусмотрено преимущественное право коренных малочисленных народов Севера на занятие северным оленеводством. При этом цели подобного преимущественного права более чем четко прописаны в указанном предписании: защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов Севера. Подобные цели, безусловно, отвечают интересам индивидов, относящихся к представителям коренных малочисленных народов, и ведущих, как определено в законе, традиционную хозяйственную деятельность в местах традиционного проживания. Как думается, названные цели преимущественного права отражают интересы не только отдельных представителей коренных малочисленных народов, их общин, но и коренных малочисленных народов России в целом, ибо, в контексте сказанного, какое-либо деление категорически неуместно.

Необходимость поддержки традиционного северного оленеводства достаточно очевидна; это как раз и обуславливает целевое внедрение преимущественного права в региональное законодательство, равно и конкретные меры, в том числе с указанием ответственного органа исполнительной власти Мурманской области, по реализации соответствующих нормативных установок<sup>2</sup>.

Как думается, юридико-техническая и содержательная оптимальность анализируемого положения Закона № 380-01-ЗМО позволяет сделать вывод о реальной возможности достижения сочетаемости интересов отдельного человека, социальных групп, общества и государства. Это демонстрирует

---

<sup>1</sup> Мурманский вестник. 2003. 17 янв.

<sup>2</sup> См.: п. 6 Плана мероприятий по реализации в 2016-2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Мурманской области (утв. Постановлением Правительства Мурманской области от 30 ноября 2016 года № 596-ПП // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5100201612020011> (дата обращения 19.04.2022)).

верность вывода о праве в его нормативном понимании как государственной воле общества, способной аккумулировать различные и разнообразные интересы, а равно о консенсуальных возможностях преимущественного права как неотъемлемого компонента права в объективном смысле.

Именно безусловная зависимость преимущественного права от последнего позволяет скоррелировать его целевую направленность с общеобязательной нормативностью, которая, в трактовке А.В. Малько и К.В. Шундикова, выступает в качестве очередной характеристики цели в праве. Об органической имплементации преимущественного права в объективное право говорилось уже неоднократно<sup>1</sup>; соответственно, и цели преимущественного права априори не могут не характеризоваться общеобязательностью, обеспечиваемой возможностью применения мер государственного принуждения. В таком контексте преимущественное право имманентно императивно, а его целевая направленность гарантируется репрессивными возможностями государственного аппарата.

Целевые установки преимущественного права выражаются в специфических юридических средствах своего определения и реализации<sup>2</sup>. В данной связи перспективным представляется освещение инструментального аспекта преимущественного права. Безусловно, соотношение преимущественного права и юридических средств заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь лишь хотелось заметить, преимущественное право олицетворяет собой и цель, и средство правовой регламентации.

Как думается, в этом нет ничего парадоксального, ибо, как верно пишет К.В. Шундилов, «на практике идет постоянный "круговорот" целей и средств, нередко можно наблюдать их "взаимопереходы"...»<sup>3</sup>. Справедливо отмечается, что средства права – это форма его объективации, а цель в свою очередь – неотъемлемый элемент содержания средства<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Преимущественное право: формы нормативного объективирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 13-15.

<sup>2</sup> См., например, об этом признаке цели в праве: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С. 46.

<sup>3</sup> Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. С. 49.

<sup>4</sup> Там же. С. 48.

Нормативное объективирование преимущественного права подразумевает собой постановку юридически значимой цели. Одновременно закрепление преимущественного права в норме, выраженной официально признанной форме, служит генератором появления средства, направленного на разрешение установленной цели. В проекции к данной апории следует констатировать очевидную омонимичность словосочетания «преимущественное право», обозначающего как цель, так и средство.

Таким образом, субъект правотворчества, фиксируя преимущественное право, тем самым определяет цель, для достижения которой и происходит наделение преимущественным правом в соответствующем сегменте правоотношений; с другой стороны, появление подобной нормы, в которую облечено преимущественное право, служит средством реализации данной цели. Так, например, ст. 179 Трудового кодекса РФ устанавливает преимущественное право работников при оставлении на работе при сокращении численности или штата работников. Непосредственной целью данного предписания служит оставление того или иного субъекта на работе. Презюмируя консенсус между работодателем и работниками, можно предположить, что подобного рода оставление и является целью как работодателя, стремящегося оставить работника с более высокой производительностью труда и квалификацией, так и самого такого работника, а также и государства, всесторонне стремящегося к повышению производительности труда. С другой стороны, анализируемая норма служит средством названной триады интересантов (государство, работодатель, работник), с помощью которого и достигаются обозначенные цели.

При этом инструментальная составляющая преимущественного права заключается и в том, что единообразная практическая реализация цели последнего обеспечивается государственной властью<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Данный признак является заключительным в характеристике целей в праве, предложенной А.В. Малько, К.В. Шундиковым.

Таким образом, можно констатировать полное соответствие целей преимущественного права тому алгоритму, который, как уже неоднократно отмечалось, разработали А.В. Малько и К.В. Шундилов. Цели преимущественного права органично корреспондируют целям права. Аналогичное корреспондирование характерно и для классификации целей в праве, а точнее предлагаемых оснований последней<sup>1</sup>.

Магистральными целями преимущественного права выступают справедливость и гуманизм регулируемых правом общественных отношений. Как думается, подобная цель присуща всякому юридическому феномену, находящему свою реализацию в правовой регламентации. Справедливость и гуманизм можно оценить как конечную правовую цель, то есть как итог комплексного воздействия права на социум<sup>2</sup>.

Как думается, перспектива достижения справедливости и (или) гуманизма настолько идеальная цель преимущественного права в силу сложности, многоаспектности и неоднозначности восприятия самих понятий справедливости и гуманизма. Однако идеальность в проекции к преимущественному праву не означает идеализма; нельзя согласиться с К.В. Шундиловым в том, что такая цель может быть достигнута только теоретически<sup>3</sup>. В частности, реализация преимущественного права работника на оставление на работе означает непосредственную имплементацию справедливости в трудовые правоотношения, поскольку оно распространяется на работника с более высокой производительностью труда и квалификацией (ст. 179 Трудового кодекса РФ).

Равным образом обеспечивается и принцип гуманизма. Его ярким проявлением, по нашему мнению, служит преимущественное право ребенка на нахождение и проживание в семье среди родственников. Это не просто декларация со стороны государства, а нормативно закреплённая обязанность

---

<sup>1</sup> См. об этом, в частности: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. С. 23-30.

<sup>2</sup> См.: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. С. 25.

<sup>3</sup> См.: Там же. С.25-26.

по обеспечению реализации данного преимущественного права государственных органов и учреждений, а равно их служащих<sup>1</sup>.

Некоторым парадоксом выступает и то, что магистральные цели, стоящие перед преимущественным правом, проецируются не только на государство и общество, но направлены на конкретных людей (в частности, высококвалифицированного работника, оставленного на работе при сокращении должностей; ребенка-сироту, определенного в семью родственников и т.п.). Тем самым цель преимущественного права может носить сугубо индивидуальный характер, относясь к так называемым индивидуальным правовым целям, играя значимую роль в индивидуальном правовом регулировании.

Вместе с тем, упомянутая выше способность преимущественного права как компонента объективного права отражать и аккумулировать интересы индивидов, их групп, классов, слоев, а также социума и государства в целом безусловно выступает общеправовой целью. Именно такая цель преимущественного права: сочетание и удовлетворение индивидуальных, групповых и общих интересов корреспондирует сущности права в его нормативном понимании.

В свою очередь частной целью преимущественного права служит предоставление соответствующему субъекту того или иного блага, которое многоаспектно и разнопланово, и коррелирует с преимущественным правом как нормативно закреплённой возможности его получения.

---

<sup>1</sup> В частности, в трудовые функции специалиста органа опеки и попечительства входят такие трудовые действия как обеспечение реализации преимущественного права передачи ребенка на воспитание в семью родственников (п. 3.2.2. профессионального стандарта «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 ноября 2013 г. № 680н // Российская газета. 2014. 17 янв.); учреждения органа опеки и попечительства организуют поиск родственников детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с целью соблюдения их преимущественного права принять детей на воспитание в свои семьи (п. 8 ст. 8 Приложение № 1 к Рекомендациям по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних в субъекте Российской Федерации (Письмо Министерства образования и науки РФ от 25 июня 2007 г. № АФ-226/06 «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» // Вестник образования. 2007. № 16).

Констатация общеправовой и частной цели позволяет предположить и наличие ее специальной разновидности (отраслевой цели либо цели правового института)<sup>1</sup>. Как думается, преимущественное право покупки имеет значение для всего гражданско-правового регулирования, имея целью надлежащее обеспечение ключевых для него права собственности и других вещных прав.

По нашему мнению, частные и, в доминанте своей, специальные цели относятся к так называемым целям-задачам, то есть более конкретизированным модельным образам, учитывающим средства их достижения<sup>2</sup>.

В то же время, как уже было сказано, преимущественное право предполагает и существование цели-модели несколько абстрактного характера.

Обязательное наличие блага, на которое направлено преимущественное право, позволяет оценивать цель последнего как предметную, поскольку в ней субъект правотворчества нормативно предваряет достижение определенного результата – получения блага. Предметная цель преимущественного права коррелирует с функциональной целью, ибо достижение правотворчески определенного блага возможно в ходе осуществления социально полезной деятельности. К функциональности преимущественного права, и об этом подробно будет сказано ниже, относится и цель-мотив, стимулирующая участников соответствующих правоотношений возможностью получения блага.

Более чем важной служит проецирование целей преимущественного права на такие целевые пары как реальные и нереальные правовые цели, а также истинные и ложные цели.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что цели преимущественного права, бесспорно, относятся к реальным целям. Анализ действующего законодательства доказывает, что для достижения целей,

---

<sup>1</sup> См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С. 53.

<sup>2</sup> См.: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. С. 26.

стоящих перед преимущественным правом, в арсенале правового регулирования наличествуют средства, которые могут быть задействованы при ее реализации. Подобное не только выступает характеристикой цели как реальной, но и во многом объясняет диалектическую взаимосвязь целей и средств в праве.

В идеале реальная правовая цель соответствует истинной правовой цели. Последняя – это исторически назревшая цель, т.е. цель, которая отвечает объективным закономерностям генезиса общества на соответствующем историческом этапе. Абсолютного тождества между реальной и истинной целью не всегда возможно добиться, ибо истинность и реальность цели не всегда совпадают. Так, цель может быть истинной, но не реальной, поскольку отсутствуют необходимые юридические средства ее обеспечения; также может констатироваться иная ситуация, при которой цель реальна, но не истинна, ибо реальная имплементация такой цели в правоотношения противоречит закономерностям общественного развития.

С удовлетворением можно отметить, что цели преимущественного права в доминанте своей смогли избежать подобного диссонанса. Целевые установки названного феномена и истинны, и реальны. Как думается, подобное утверждение основывается на том, что преимущественное право как компонент права в его нормативном понимании олицетворяет государственную волю общества. К тому же преимущественное право выполняет важнейшие функции и, как отмечалось, подкреплено инструментальной основой, проецируемой на его цели.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, стоит обозначить некоторые ключевые выводы.

Цели преимущественного права находят свою фиксацию в юридических нормах, выражающихся в формах права, прежде всего, в нормативных актах. Такие цели обозначаются как непосредственно, так и в завуалированном порядке.

Цель преимущественного права обусловлена таким качеством как причинность. Именно реально существующая причина детерминирует правотворческую имплементацию преимущественного права, имеющего целевую направленность на достижение запланируемого результата.

Цели преимущественного права полностью соответствуют признакам правовой цели. Последняя предполагает моделирование преимущественным правом состояния общественных отношений, желаемого государством; удовлетворения путем предоставления благ законных интересов участников этих отношений; общеобязательную нормативность преимущественного права; наличие арсенала юридических средств, позволяющих достигать заявленную цель; гарантированность единообразия практической реализации преимущественного права.

Характеристики правовой цели, коррелирующие с целями преимущественного права, во многом объясняют их стратификацию.

Магистральной (конечной) целью преимущественного права является привнесение принципов справедливости и гуманизма в регулируемую правом сферу социальной жизни.

Общеправовой целью выступает удовлетворение преимущественным правом законных интересов субъектов правоотношений. Преимущественное право может концентрировать в себе государственные, общественные, групповые и индивидуальные интересы. Такая аккумуляция не является самоцелью, а привносит гармонизацию в различные и зачастую противоречивые, многочисленные и разнообразные интересы и потребности.

Частной целью преимущественного права, связанной с непосредственным удовлетворением законных интересов, служит предоставление какого-либо социально значимого блага, олицетворяет которое как раз преимущественное право.

В одном ассоциативном ряду с общеправовой целью и частными целями находятся и специальные цели преимущественного права, имеющие значение для отрасли права либо для института права.

Специальные цели в ракурсе их иной классификации можно обозначить как цели-задачи, то есть конкретизированные ориентиры. С ними коррелирует цель-модель, которая в проекции к преимущественному праву направлена на конструирование модели правоотношений, корреспондирующей как объективным, так и субъективным факторам процессов дифференциации, нивелирующие риски наступления дисбаланса законодательства.

Цели преимущественного права относятся к истинным и реальным, что подтверждается наличием средств, необходимых для их реализации, а равно выполняемыми преимущественным правом функциями.

## **2.2. Преимущественное право как юридическое средство**

Субъект правотворчества, нормативно объективируя преимущественное право, не только устанавливает цели правового регулирования, но и подразумевает инструментальный характер рассматриваемого феномена.

Именно с помощью преимущественного права происходит достижение целей регулирования правом общественных отношений вообще, и самого преимущественного права, в частности. Так, например, нельзя не признать, что именно благодаря юридическим средствам, происходит удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений, что как раз и выступает общеправовой целью преимущественного права. Именно из этого посыла исходили народные избранники ряда субъектов федерации, принимая постановление<sup>1</sup> либо поддерживая его<sup>2</sup>, о преимущественном праве детей-

---

<sup>1</sup> Постановление Законодательного Собрания Республики Карелия от 26 февраля 2020 г. «Об обращении Законодательного Собрания Республики Карелия к Министру просвещения Российской Федерации Кравцову С.С. по вопросу установления для детей-инвалидов преимущественного права на зачисление в первые классы общеобразовательных организаций на обучение по основным общеобразовательным программам» // Официальный сайт Законодательного Собрания Республики Карелия. URL: <http://karelia-zs.ru/appeal/1299vi> (дата обращения 14.09.2023).

<sup>2</sup> См.: Постановление Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея от 23 марта 2020 г. № 864-ГС «О законодательных инициативах и обращениях законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «Гарант»; Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 апреля 2020 г. № 2185 «О поддержке обращения Законодательного Собрания

инвалидов на зачисление в первые классы общеобразовательных организаций. Тем самым удовлетворялись законные интересы указанной категории детей и их родителей, а равно обеспечивалось достижение социально значимой цели, важность которой неоспорима.

Здесь надо отметить, что в приведенном примере, преимущественное право выступает сугубо юридическим инструментом достижения цели. Под ней правильно следует понимать непосредственное зачисление детей-инвалидов в первые классы, а значит соблюдение их гарантированного государством права на образование, что в более глобальном смысле означает господство социальной справедливости.

Речь идет именно об этих правовых целях, а не о стремлении просто нормативно закрепить преимущественное право указанной социальной страты. Преимущественное право в данном аспекте – это как раз то средство, которое и будет реализовано для выполнения соответствующей цели и достижения результата<sup>1</sup>.

Обращает на себя внимание, что репрезентуемое в качестве средства преимущественное право зафиксировано в постановлении законодательного органа Республики Карелия, а другие региональные парламенты также в своих постановлениях поддерживали его. Безусловно, постановление законодательного собрания на практике чаще всего предстает как нормативный правовой акт<sup>2</sup>, обладающий юридической силой<sup>3</sup> и находящийся

---

Республики Карелия к Министру просвещения Российской Федерации Кравцову С.С. по вопросу установления для детей-инвалидов преимущественного права на зачисление в первые классы общеобразовательных организаций на обучение по основным общеобразовательным программам» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 3.

<sup>1</sup> В данной связи можно констатировать известную идею о разделении цели как идеального и результата как реального. никоим образом не отвергая означенный концепт, позволим заметить, что в некоторых случаях цель и результат можно воспринимать и как синонимы.

<sup>2</sup> См., например: ст.ст. 63-66 Регламента Законодательного Собрания Республики Карелия (утв. Постановлением Законодательного Собрания Республики Карелия от 21 июня 2018 года № 734-VI ЗС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465419213> (дата обращения: 14.10.2023)).

<sup>3</sup> См.: Суменков С.Ю., Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен (доктрина и практика). М., 2023. С. 79.

в иерархии НПА. Между тем, и само постановление № 1299-VI ЗС было лишь обращением к руководителю органа исполнительной власти, а постановления иных парламентов выражали поддержку данного постановления. В этой связи сложно говорить о какой-либо юридической силе нормативного акта, содержащего просьбу о рассмотрении обращения, обоснования, а равно солидарности с ним. Весьма показателен и ответ Министерства просвещения РФ<sup>1</sup> на данное обращение, в котором сообщается, что посыл о преимущественном праве для детей-инвалидов коллизионен с ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 67 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»<sup>2</sup> (далее – закон ФЗ № 273). Также резюмируется, что «вопрос установления преимущественного права на зачисление в первые классы детей-инвалидов в образовательные организации республики Карелия рекомендуем рассмотреть на региональном уровне».

Проанализированная ситуация, носящая, казалось бы, частный характер, позволяет сделать несколько умозаключений как сугубо теоретического, так и практического характера.

В контексте юридической деятельности, бесспорно, вызывает интерес возможность органов публичной власти регионального уровня устанавливать преимущественные права на зачисление той или иной категории детей в образовательные организации.

Дело в том, что законы субъектов не должны противоречить федеральному законодательству, в конкретном случае ФЗ № 273. Более того, на основе последнего принят и действует Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования<sup>3</sup>. В нем предусматривается возможность

---

<sup>1</sup> См.: Ответ заместителя министра Минпросвещения России от 20 марта 2020 г. № ДГ 83/07 на обращение Законодательного Собрания Республики Карелия от 26 февраля 2020 г. // Официальный сайт Законодательного Собрания Республики Карелия. URL: <http://karelia-zs.ru/appeal/1299vi> (дата обращения 14.09.2023).

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

<sup>3</sup> Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования (утв. Приказом Министерства

преимущественного, внеочередного и первоочередного зачисления различных категорий детей. Все эти категории установлены в соответствии с ФЗ № 273 либо иных федеральных законов. Дети-инвалиды в проекции к преимущественному, внеочередному, первоочередному порядку зачисления в общеобразовательные организации не присутствуют. Соответственно, орган субъекта федерации не может принимать решения, затрагивающие в том числе и принцип правового равенства, в противоречие с федеральными предписаниями.

Непосредственное решение о зачислении детей в общеобразовательные учреждения принимают муниципальные органы власти, осуществляя, в том числе и ранжирование права на зачисление. В некоторых случаях, как например, в случае с Административным регламентом, утвержденным постановлением администрации города Тамбова, подобное ранжирование основывается и на областных законах. Однако внимательный анализ позволяет сделать вывод, что последние, как и должно быть, основываются на нормативных актах федерального уровня<sup>1</sup>.

Таким образом, рекомендация Минпросвещения РФ относительно установления преимущественного права детей-инвалидов на зачисление в первые классы не является рекомендацией в ее «классическом» представлении.

С теоретической точки зрения хотелось бы обратить внимание на наглядно демонстрируемую градацию между целью и результатом. Речь о разделении цели как идеального и результата как реального<sup>2</sup>. Чтобы цель трансформировалась в результат, необходимо появление средства. Это называется связкой «цель-средство-результат»<sup>3</sup>.

---

просвещения РФ от 2 сентября 2020 г. № 458 // Официальный интернет-портал правовой информации.URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.09.2023)).

<sup>1</sup> См., например: Приложение № 2 к Административному регламенту предоставления муниципальной услуги «Зачисление в муниципальную общеобразовательную организацию» (утв. Утвержден постановлением администрации города Тамбова Тамбовской области от 23.11.2020 № 5172 // Наш город Тамбов. 2020. № 90 (1588)).

<sup>2</sup> См. об этом, например: Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политики. Саратов, 2003. С. 79.

<sup>3</sup> См.: Там же.

В приведенном примере с детьми-инвалидами, необходимость особой защиты которых выступает предметом постоянной заботы со стороны государства и органов публичной власти, преимущественное право этих детей не было доведено до конечного результата вследствие отсутствия средства.

Таким образом, можно констатировать не только чрезвычайную важность наличия соответствующих средств, требуемых для действительного воплощения цели, но и постановку вопроса о значимости выбора надлежащего средства.

В проекции к преимущественному праву можно утверждать лишь о средствах права, иными словами нормативно объективированных средствах-инструментах.

По нашему мнению, преимущественное право становится таким средством, которое можно характеризовать как правовой инструмент, лишь при имплементации в юридическую норму, находящее свое выражение в какой-либо официально признанной форме.

Безусловно, этому способствует сама природа преимущественного права, которое, как было доказано, существует сугубо в парадигме позитивного права, олицетворяя собой государственную волю общества.

Сказанное и позволяет определять преимущественное право как средство-инструмент, фиксирующееся в юридических нормах и выражающееся прежде всего в НПА<sup>1</sup>. Преимущественное право в данном контексте соответствует признакам подобной разновидности средств, являющейся доминирующей в правовом арсенале.

В то же время преимущественное право надо не только стратифицировать от иных феноменов регулятивного характера, но и выделить его своеобразие, детерминирующее особое место в механизме правового регулирования (*далее – МПР*).

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 75.

Относительно последнего стоит заметить, что средства-инструменты предполагают их воплощение в правовую действительность не непосредственно, а благодаря и за счет так называемых средств правореализации, которыми служат различного рода акты практической реализации (документы либо деяния), олицетворяющие завершающий этап достижения целей и удовлетворения интересов<sup>1</sup>. Подобного рода парадигме подвержено подавляющее количество средств-инструментов, в том числе обладающих нетривиальной, отличающейся нестандартной природой.

В частности, С.Ю. Суменков более чем категорично утверждает о том, что исключения в праве выражаются сугубо и только как средства-инструменты и не могут быть правореализационными средствами, роль которых в принципе не следует гиперболизировать<sup>2</sup>. Вместе с тем указанный автор не отрицает значения последних, отмечая, что именно они служат средствами реализации исключений. Истинное предназначение таких средств, по мнению С.Ю. Суменкова, состоит в реальном внедрении нормативных установок.

Как представляется, подобная позиция более чем обоснована, подкрепляется как эмпирическими материалами, так и теоретическими соображениями относительно того, что нельзя уповать только на институциональную сторону правовых средств, придавая им статус автоматических, и игнорировать факторы, позволяющие достичь практического результата<sup>3</sup>.

Уникальность преимущественного права как юридического средства нормативного (инструментального) характера как раз и заключается в том, что хотя и не во всех, но во многих сегментах преимущественное право обеспечивает эффективность регулятивного воздействия права в силу самого факта его формального объективирования и закрепления в НПА. Так,

---

<sup>1</sup> См., например: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. Саратов, 2001. С. 39, 40.

<sup>2</sup> См. об этом: Суменков С.Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики // Вестник СГЮА. 2016. № 5 (112). С. 23-28.

<sup>3</sup> См.: Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 7.

например, преимущественное право родителей на воспитание и обучение собственных детей зафиксировано в нескольких нормативных актах федерального уровня. Подобного рода преимущественное право в определенной степени аксиологично, ибо исходит из конституционных положений, а равно признания семьи и традиционных ценностей в качестве векторов развития современной России.

В законодательстве достаточно четко прописан нормативный алгоритм установления происхождения ребенка (гл. 10 Семейного кодекса РФ), равно как и порядок оформления данного юридического факта<sup>1</sup>. При этом, если брать за основу общий либо даже судебный порядок признания отцовства (материнства), то надо признать, что речь идет именно о правоустанавливающем процессе.

Так, государственная регистрация рождения производится на основании соответствующих документов, предусмотренных ст. 14 ФЗ № 143, посредством записи акта о рождении ребенка, в который вносятся сведения и о родителях<sup>2</sup>. На основании записи акта о рождении ребенка, представляющей собой государственную регистрацию его рождения, в соответствии со ст. 23 ФЗ № 143 оформляется и выдается свидетельство о рождении ребенка. В нем, помимо иных сведений, содержатся также и данные о родителях ребенка.

Свидетельство о рождении представляет собой документ строго установленной формы<sup>3</sup>, в которой, по сути, воплощается регистрационно-правоустанавливающая деятельности публичной власти<sup>4</sup>. Можно сказать, что

---

<sup>1</sup> См.: гл. 2 ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – *ФЗ № 143*) (СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340).

<sup>2</sup> При этом, на основании абз. 3 п. 3 ст. 17 ФЗ № 143, запись акта об установлении отцовства вносится в запись акта о рождении ребенка, если отцовство устанавливается и регистрируется одновременно с государственной регистрацией рождения ребенка.

<sup>3</sup> См.: Приказ Минюста РФ от 13 августа 2018 г. № 167 «Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.09.2023).

<sup>4</sup> См. об этом, например: Пойминова Я.В. Регистрационно-правоустанавливающая форма государственной деятельности в России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд юрид. наук. Белгород, 2009.

именно свидетельство о рождении позволяет юридически определить родителей ребенка и, соответственно, зафиксировать их права (и обязанности) на его воспитание и обучение. В этом смысле такой правовой акт, помимо того, что он носит правоустанавливающий характер, выступает также правореализационным актом. Точка зрения о возможности подобного рода корреляции имеет место быть, и, надо признать, является достаточно обоснованной. В частности, как отмечает Я.В. Пойминова, регистрационно-правоустанавливающая деятельность основывается на нормах права и оформляется правовым актом, фиксирующим наличие либо отсутствие у заинтересованных субъектов какой-либо юридически значимой возможности<sup>1</sup>.

Преимущественное право как раз и представляет собой такого рода возможность, существование которой подтверждается правоустанавливающим документом (в приведенном примере – свидетельством о рождении ребенка). Данное свидетельство, отвечающее всем требованиям, предъявляемым к акту применения права (акту правореализации) и потому им являющимся<sup>2</sup>, обосновывает, констатирует и подтверждает нормативно закрепленное преимущественное право родителей на воспитание и обучение собственных детей.

Указанная конструкция в проекции к юридическим средствам вполне алгоритмична: нормативное средство-инструмент реально действует сквозь призму средства правореализации (средства-документа).

Реализация преимущественного права, и это доказывает анализ нормативных предписаний, должна сопровождаться вынесением правореализационных актов, которые выражаются не только в виде документов, но и актов действий<sup>3</sup>. И те, и другие являются средствами

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 8.

<sup>2</sup> См.: Вопленко Н.Н. Реализация права // // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2 «Право». С. 723-726.

<sup>3</sup> См.: § 4.2 Положения Координационного центра национального домена сети Интернет «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных

реализации преимущественного права, в которых преломляются средства-инструменты, эксплицирующие такую реализацию.

Вместе с тем, возвращаясь к специфике преимущественного права как юридического средства, необходимо отметить отсутствие жесткого сопряжения между средствами-инструментами и средствами-правореализации.

Так, исходя из приведенного выше примера о преимущественном праве родителей на воспитание и обучение своих детей, можно сделать вывод о том, что оно может быть реализовано только после совершения записи акта о рождении ребенка и получения свидетельства о рождении. С одной стороны, права (и обязанности) родителей основываются на происхождении детей, удостоверенном в предусмотренном порядке (ст. 47 Семейного кодекса РФ). С другой – как думается, вполне очевидно, что права (в том числе преимущественные), а равно и обязанности родителей<sup>1</sup> начинаются все же с момента рождения ребенка. Об этом свидетельствуют и нормы ФЗ № 143, согласно которым заявление о рождении ребенка (на его основе и делается запись о рождении) должно подаваться не позднее чем через месяц со дня рождения ребенка (п. 6. ст. 16 ФЗ № 143). Однако в течение этого месяца права и обязанности родителей не нивелируются, а родители и ребенок не находятся в вакууме. В данном аспекте необходимо отметить и ст. 21 ФЗ № 143 о государственной регистрации рождения ребенка, достигшего возраста одного года и более.

---

именах»(утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 20 сентября 2012 г. № 2012-07/47 // СПС «Гарант»).

<sup>1</sup> А также и ответственность родителей, о которой говорится в абз. 2 п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ, находящей свое отражение в некоторых региональных законах (См. об этом, например: Закон Белгородской области от 31 января 2005 г. № 167 «Об ответственности родителей за воспитание детей» // Белгородские известия. 2005. № 17. 2 февраля; Закон Республики Дагестан от 8 апреля 2013 г. № 21 «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2013. № 7. Ст. 425). Непосредственно меры юридической ответственности установлены в ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ.

Тем самым преимущественное право как юридическое средство-инструмент нормативного характера<sup>1</sup> может находиться само по себе в сфере должного, содержать значимую для правового поведения информацию, и предусматривать возможность получения определенного блага непосредственно, смягчая в какой-то степени обязательное требование о воплощении в акте правореализации.

Такая отличительная способность преимущественного права позволяет констатировать его особое место в МПР, понимаемого как совокупность юридических средств, осуществляющих правовое воздействие на регламентированные правом отношения<sup>2</sup>.

По нашему мнению, преимущественное право играет весьма важную роль именно в правовом воздействии. В первую очередь это объясняется присущей преимущественному праву как средству-инструменту информационной составляющей.

Информация о возможности получить благо закрепляется в юридически значимом тексте. Последний (в разных формах внешнего выражения) служит носителем правовой информации.

Р.А. Осипов более чем обоснованно считает, что магистральным способом правового информирования служит опубликование НПА, в которых и имплементирована правовая информация<sup>3</sup>. Признавая, что могут быть и иные источники правовой информированности (вплоть до обыденных представлений о праве и иных компонентах правовой системы), стоит солидаризоваться с высказанной позицией, наглядно подчеркивающей доминирование преимущественного права именно как средства-инструмента, материализованного в НПА.

---

<sup>1</sup> См. о характеристиках нормативного средства-инструмента: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С. 75.

<sup>2</sup> См. об этом: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

<sup>3</sup> См.: Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 11.

Информирование субъекта о наличии соответствующего преимущественного права демонстрирует информационно-правовое воздействие на его правосознание.

Именно правосознание играет ключевую роль в процессе информированности субъекта о наличии у него преимущественного права. Поэтому вполне обоснованной служит точка зрения о том, что правовая информированность детерминирует развитость правосознания, а оно оказывает влияние на правовую культуру индивида. Он сам решает, что та или иная правовая информация значима для него, представляет ценность, которую субъект желает получить и использовать для реализации принадлежащего ему права<sup>1</sup>.

По нашему мнению, стоит лишний раз акцентировать внимание на использование как главенствующей формы реализации преимущественного права. Подобное объясняется тем, что использование как непосредственная форма правореализации связана с правовыми возможностями, одной из разновидностей которых и является преимущественное право.

В законодательстве словосочетание «использование преимущественного права» не достаточно распространено, хотя его можно констатировать<sup>2</sup>; гораздо чаще встречается синтагма «пользование преимущественным правом» в различных ее вариациях. В некоторых нормативных актах встречается сочетание различного рода лексем, связанных с обозначением использования преимущественного права как формы его реализации.

На наш взгляд, в данном случае юридико-лингвистическая казуистика не столь значима. Базовым посылом служит нормативное подтверждение того, что именно использование преимущественного права, как средства достижения цели, выступает магистральной формой его реализации.

---

<sup>1</sup> См.: Там же. 11-12.

<sup>2</sup> См., например: Постановление Тверской городской Думы от 17 декабря 2002 г. № 11 (110) «О Порядке использования администрацией города Твери преимущественного права покупки доли в общей долевой собственности при продаже гражданами комнат в коммунальных квартирах» // Вся Тверь. 2003. № 1. 16 января.

В свою очередь использование права взаимодействует с диспозитивным методом правового регулирования, который, как уже отмечалось выше, носит характер доминирующего по отношению к преимущественному праву. Дело в том, что оно представляет собой правовую возможность на получение блага, олицетворяющую, по своей сути, правотворчески установленное дозволение.

Дозволение, будучи способом правового регулирования, органически связано как раз с диспозитивным методом.

К преимущественному праву дозволение имеет самое непосредственное отношение, поскольку в его структуру входят разноплановые правовые преимущества, в систему которых, как известно, включается и преимущественное право<sup>1</sup>. Равным образом диспозитивность естественно присуща преимущественному праву как нормативно закрепленной возможности.

Надо отметить, что метод и способы правового регулирования далеко не тождественны, несмотря на попытки обоснования их синонимичности<sup>2</sup>. С.С. Алексеев однозначно разграничивал метод и способ правового регулирования<sup>3</sup>, с правильностью чего нельзя не согласиться.

Также, более чем выверенной, представляется позиция о том, что способ правового регулирования – комплексная совокупность юридических средств и приемов, оказывающих воздействие на правосознание субъектов, необходимого для достижения социально полезного результата<sup>4</sup>.

Тем самым уже проиллюстрированная выше инкорпорация диспозитивного метода и дозволения позволяет сделать вывод, что дозволение как способ играет магистральную роль в диспозитивном методе.

Таким образом, и для диспозитивного метода и для дозволения как способа правового регулирования характерны активное и инициативное

---

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 34-43.

<sup>2</sup> См. в частности: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С.73-74.

<sup>3</sup> См. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 299.

<sup>4</sup> См.: Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, 2010. С. 62.

использование нормативно предоставленной субъекту возможности удовлетворения его законного интереса (в проекции к преимущественному праву – посредством получения блага, олицетворяющего ценность для данного субъекта).

По нашему мнению, в обозначении дозволения как способа правового воздействия, а не правового регулирования нет никакого противоречия. Правовое воздействие есть особый компонент социального воздействия<sup>1</sup>; правовое воздействие и правовое регулирование соотносятся между собой как целое и часть, поскольку сложно не согласиться с тем, что первое – явление более масштабное, нежели второе<sup>2</sup>.

Правовое воздействие, безусловно, обладает определенными способами осуществления. В.Л. Кулапов и Е.К. Щербакова дают им весьма широкую характеристику. Первым из таких способов они называют правовое информирование (находящееся в синтезе с правовым воспитанием и убеждением), представляющее собой способ воздействия на мотивационно-потребностную сферу физического лица<sup>3</sup>. Информирование тем самым предстает как особого рода способ воздействия на психику адресата, которая заключается в обеспечении индивида информацией, влияющей на его поведение<sup>4</sup>.

Таким образом, резюмируя, можно интегрировать диспозитивный метод в совокупности с диспозитивными нормами, дозволение как главный способ его осуществления, правовую информированность человека и преимущественное право как юридическое средство.

Диспозитивный метод вообще и дозволение в частности базируются на активности, инициативности и автономности субъекта; подобное предполагает стремление субъекта к информации и, как следствие,

---

<sup>1</sup> Щербакова Е.К., Кулапов В.Л. Механизм правового воздействия в системе социального воздействия. М., 2023. С. 16-29.

<sup>2</sup> См.: Алексеев С.С., Общая теория права. Т. 1. С. 191.

<sup>3</sup> См.: Щербакова Е.К., Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 57, 63.

<sup>4</sup> См.: Там же. С. 56.

информированности об имеющихся в праве возможностях удовлетворения своих законных интересов, получения того, что является ценным для него и, что немаловажно, имеющихся в праве средствах, благодаря использованию которых можно удовлетворить интересы и приобрести благо, олицетворяющее ценность. Правовая информированность об установленной в праве возможности о дозволении ее реализовать для обладания благом, имеющим ценность, в проекции к преимущественному праву детерминирует использование последнего.

Конечно, при этом не следует занимать позицию информационного репродукционизма. Индивид может и не знать (и в доминанте своей не обязан) о наличии у него преимущественного права, но тем не менее оно должно соблюдаться. Так, например, работник может не обладать информацией об имеющемся у него преимущественном праве на оставлении на работе при сокращении численности или штата работников в соответствии со ст. 179 Трудового кодекса РФ либо предписаний иных НПА. Однако работодатель должен учитывать и соблюдать данное преимущественное право, на что есть непосредственные указания компетентных органов<sup>1</sup> и надлежащая реакция судебной системы<sup>2</sup>.

Иллюстрируемая норма диспозитивна и служит дозволением для работника; для работодателя это императивное указание, выступающее как обязывание или запрет<sup>3</sup>.

Тем самым можно констатировать следующую общую установку: активность личности побуждает к правовой информированности, воздействуя использовать преимущественное право для удовлетворения законного интереса путем получения блага, воплощающего ценность. Правовая

---

<sup>1</sup> См.: п. 26 Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства (утв. Приказом Роструда от 11 ноября 2022 г. № 253 // СПС «Гарант).

<sup>2</sup> См. об этом подробнее: Драчук М.А. Проблемы применения судами норм трудового законодательства о преимущественном праве на оставлении работника на работе при разрешении трудовых споров // Вестник Омского университета. 2008. № 3 (49). С. 175-181.

<sup>3</sup> См., например: Слабоспицкая Н.Н. Преимущественное право работника: правовая природа и проблемы реализации // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 1 (40). С. 102-110.

информированность детерминирует воздействие на правосознание субъекта, мотивируя на использование такого юридического средства как преимущественное право.

Как думается, подобный концепт гармонично сочетается с обозначенной ранее важной ролью преимущественного права в правовом воздействии на общественные отношения. Можно предположить, что такая симфония достигается корреляцией преимущественного права с основными элементами правового воздействия.

Данное обстоятельство позволяет поместить преимущественное право как юридическое средство не просто в контент правового воздействия, а в структуру его механизма; преимущественное право здесь относится к специальным юридическим средствам. Под ними понимаются «особые юридические инструменты, с помощью которых осуществляется упорядочение общественных отношений и удовлетворяются интересы субъектов права»<sup>1</sup>. Это более чем согласуется с преимущественным правом, посредством которого и достигается регламентирование правоотношений и удовлетворение многочисленных и разнообразных законных интересов их участников.

Сложно отрицать, что сказанное относится и к правовым целям, прежде всего целям правового регулирования<sup>2</sup>. Такое совпадение свидетельствует не только об обязательности целеполагания преимущественного права, но и о неделимости правового воздействия и правового регулирования и их механизмов. «Правовое регулирование, следовательно, представляет собой основную, важнейшую часть правового воздействия на общественные отношения»<sup>3</sup>. Доказательством заявленной симфонии выступает преимущественное право, входящее и в механизм правового воздействия и в МПР.

---

<sup>1</sup> Щербакова Е.К., Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 63.

<sup>2</sup> См. об этом: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 209.

<sup>3</sup> Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3 (230). С. 13.

С определенной долей условности, преимущественное право как юридическое средство можно воспринимать и как средство, являющееся компонентом механизма правового воздействия, и как средства, неотъемлемого от МПР.

Корреляция здесь проходит по следующим основаниям: правовая информированность субъекта о закрепленном преимущественном праве, которым он может воспользоваться, означает, что речь идет о преимущественном праве как средстве правового воздействия; реальная (либо хотя бы потенциальная<sup>1</sup>) возможность оперирования преимущественным правом либо его непосредственное использование иллюстрирует трансформацию преимущественного права в средство МПР.

По сути, преимущественное право в призме правового воздействия либо правового регулирования корреспондирует с такими бинарами как, соответственно, «субъект права – субъект правоотношений», «статика и динамика права».

При этом взаимосочетаемость правового воздействия и его механизма с правовым регулированием и МПР обуславливает комплексность и эффективность существования преимущественного права как юридического средства, в частности, и права, как институционального образования, в целом. М.И. Байтин верно отмечал то, что правовое воздействие связано прежде всего с правосознанием, правовой культурой, правовым воспитанием; правовое регулирование как часть правового воздействия претворяется специально-нормативными юридическими средствами<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В данном случае речь может идти о создании комиссии, которая будет оценивать потенциальное наличие преимущественного права у конкретного работника для решения вопроса о возможности оставления его на работе, вследствие нормативного обладания им преимущественного права на такое оставление (См., например: Постановление администрации Ипатовского городского округа Ставропольского края от 15 февраля 2021 г. № 162 «О создании комиссии по оценке преимущественного права на оставление на работе при сокращении численности или штата работников аппарата администрации Ипатовского городского округа Ставропольского края» // Официальный сайт Ипатовского ГО СК. URL: <https://ipatovo26.gosuslugi.ru> (дата обращения 14.10.2023)).

<sup>2</sup> См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты. С. 12-13.

В данной связи сложно не согласится с Ю.А. Тихомировым, который верно пишет, что «для обеспечения эффективности правового регулирования нужно правильно определять наборы регуляторов»<sup>1</sup>. Без всякого сомнения, к таким регуляторам общественных отношений и поведения субъектов, оказывающим одновременно и правовое воздействие на правосознание последних, выступает преимущественное право, являющееся нормативно установленным средством-инструментом, реализуемое в форме использования.

Упоминание о комплексности преимущественного права, как думается, не случайно. Аксиоматично, что юридические средства подразделяются на первичные (простые) и комплексные (составные)<sup>2</sup>.

По нашему мнению, к последним (в проекции по отношению к разновидности юридического средства) относится и преимущественное право. Подобное объясняется тем, что, как неоднократно говорилось, квинтэссенцией преимущественного права служит интеграция им двух важнейших феноменов: права и преимущества<sup>3</sup>. Облеченность преимущества, воплощенного в дозволенной возможности получения блага в правовую норму, априори подразумевает сложную, неоднозначную, комплексную природу такого инструментария как преимущественное право.

Названные качества позволяют градировать преимущественное право в еще одной страте юридических средств: при их делении их на основные и вспомогательные. Основные юридические инструменты «"напрямую" используются субъектами права для достижения своих интересов»<sup>4</sup>; факультативные направлены на обслуживание основных<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010.С. 29.

<sup>2</sup> См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С. 84.

<sup>3</sup> См. об этом также: Дергунов А.А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения. С. 34-43.

<sup>4</sup> Шундилов К.В. Указ. соч. С. 40.

<sup>5</sup> См.: Там же.

Без всякого сомнения, преимущественное право – основное юридическое средство, которое, действительно, используется для получения блага и удовлетворения законных интересов субъектов.

Классификация юридических средств достаточна обширна. А.В. Малько и К.В. Шундилов выделяют регулятивные и охранительные; стимулирующие и ограничивающие юридические средства<sup>1</sup>. Как несложно заметить, основания такой дифференциации детерминированы функциональной ролью правового инструментария.

По отношению к преимущественному праву главным все же служит не многочисленность критериев их дифференциации как юридических средств, а выявление качеств, позволяющих не просто относить их к той или иной их разновидности, а характеризовать именно как важные и значимые юридические инструменты.

Синтезируя все проанализированное, можно кратко репрезентовать основополагающие выводы.

Преимущественное право, как и всякое юридическое средство, направлено на достижение цели. Однако целеполагание преимущественного права актуализировано непосредственной направленностью на достижение конечной цели, а именно удовлетворения законных интересов субъектов. В таком ракурсе следует рассматривать неразрывность и взаимосвязь преимущественного права с целевым вектором, сопутствующим его инструментальной природе.

Преимущественное право может выступать в качестве юридического средства исключительно как средство-инструмент. Только имплементация преимущественного права в правовую норму и дальнейшая объективация в соответствующей форме права (прежде всего, в форме НПА) позволяет утверждать о преимущественном праве как о юридическом инструментарии.

---

<sup>1</sup> См.: См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С.91, 92-93.

Преимущественное право находит свое воплощение и как средство-правореализации. Но, в отличие от многих иных юридических средств, у преимущественного права отсутствует жесткая и обязательная корреляция с актами правореализации; последние, в проекции к преимущественному праву, зачастую носят лишь правоустанавливающий характер.

Преимущественное право в инструментальном аспекте может оказывать прямое воздействие на субъекта общественных отношений, самим фактом своего наличия, точнее воплощения в государственно-властном предписании — норме права. Это позволяет включать преимущественное право не только в правовое регулирование, но и в правовое воздействие, а точнее, в механизмы обоих феноменов.

Присутствие преимущественного права как в МПР, так и в механизме правового воздействия в доминате своей объясняет и одновременно обуславливает соответствие использования права как магистральной формы его реализации, дозволения как важнейшего способа его осуществления, диспозитивного метода как основополагающего метода правового регулирования, задействованного там, где фигурирует преимущественное право, а равно диспозитивных норм, в которых оно фиксируется.

Использование, дозволение, диспозитивность детерминируют правовую активность, инициативность и информированность субъекта о нормативной возможности получения блага, олицетворяющего для него определенную ценность. Подобное не умаляет роли компетентных органов публичной власти, обязанных защищать и гарантировать правотворческим образом установленное преимущественное право.

Преимущественное право подпадает под многие критерии дифференциации юридических средств, важнейшим из которых служит функциональная роль, выполняемая данным правовым инструментом.

### 2.3. Функции преимущественного права

Слово «функция» (от лат. *Functio* – исполнение, осуществление) имеет весьма разноплановое значение. В математике функция обозначает зависимость одной переменной величины от другой; в биологии функция может подразумевать набор внутренних (биотических) активностей биологической системы (сокращения, колебания, всасывание, расщепление и т.п.)<sup>1</sup>. В социальной сфере также характерно наличие функций, которые реализуются через определенного рода деятельность и предполагают сознательную постановку цели. В кибернетике функция представляет собой определенного рода направления воздействия какой либо динамической системы, выражающееся в чувственной либо интеллектуальной форме<sup>2</sup>.

*«Функции права, - писал М.И. Байтин, - есть наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, в которых раскрываются общечеловеческая и классовая природа, а также социальное назначение права»<sup>3</sup>.*

Социальная составляющая права обуславливает целевую парадигму соответствующей функции. Одной из важнейших целей преимущественного права, как уже было отмечено выше, служит достижение оптимального баланса государственных, общественных, групповых и индивидуальных интересов.

Не менее интересным аспектом является восприятие функции права как направления правового воздействия на отношения между субъектами. Преимущественное право, как неотъемлемая производная от права в

---

<sup>1</sup> См. об этом, в частности: Шрейбер В.К. Понятие функции в биологии и социальных науках: опыт систематизации смыслов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32 (133). Вып. 9. «Философия. Социология. Культурология». С. 128.

<sup>2</sup> См., например: Воробьев Г.Г., Дмитриенко Л.Г. Анализ возможности построения теории интеллекта на основе аналитической психологии К. Г. Юнга // Проблемы управления. 2013. Вып. 4. С. 82-87; Они же. Кибернетизация функции ощущения в интеллектуальной управляющей системе // Открытое образование. 2017. Т. 21. № 3. С.4-12

<sup>3</sup> Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 168.

объективном смысле, также предстает как направление воздействия, воплощая тем самым в действительность свою функциональную роль. Последняя априори присуща преимущественному праву вследствие своеобразия его инструментальной природы; она, как известно, выражается в том, что преимущественное право как юридическое средство относится и к правовому воздействию, и к правовому регулированию.

Таким образом, можно констатировать определенное своеобразие функциональной направленности преимущественного права, заключающееся в том, что она формируется под влиянием, с одной стороны, целей, стоящих перед преимущественным правом, а, с другой, вызвано спецификой преимущественного права как юридического инструментария.

Как было продемонстрировано, преимущественное право взаимосвязано с правовым информированием, по крайней мере, в части знания о его наличии и возможности реализации. В свою очередь ценностно-ориентационная форма правового воздействия предполагает, что воплощенное в преимущественном праве благо, подразумевает собой ценность для субъекта, ориентирующее на его соответствующее поведение, а равно охрану со стороны государства. Исходя из того, что корреляция «функций права с собственно правовой материей обуславливает существование основных собственно-юридических функций: **регулятивной и охранительной**»<sup>1</sup>, можно сделать вывод об их детерминированности информационным и ценностно-ориентационным воздействием.

Вместе с тем, по нашему мнению, регулятивная и охранительная функция преимущественного права в большей степени обусловлены тем фактором, что оно является также и средством, находящимся в арсенале механизма правового регулирования. Подобное объясняется тем, что, как верно пишет А.Г. Репьев, «правовое преимущество, будучи элементом

---

<sup>1</sup> Радько Т.Н. Функции права. Функции права // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2 «Право». С. 76.

юридической системы, наряду с иными средствами регулирования отношений в обществе выполняет основную функциональную нагрузку права»<sup>1</sup>.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что основной и доминантной функцией права как раз и выступает регулятивная функция, определяющая смысл его существования<sup>2</sup>. Это объясняется самой природой права как властного регулятора общественных отношений.

Преимущественное право, будучи имплементировано в норму права тем самым однозначно выполняет регулятивную функцию, являясь средством механизма правового регулирования. Безусловно, что на данную функцию преимущественного права оказывают влияние и соответствующие факторы правового воздействия, учитывая соотношение последнего с правовым регулированием как целого и части. Однако в прагматической парадигме преимущественное право, как инструмент правового регулирования, предназначено для осуществления регулятивной функции. Подобного рода ипостась преимущественного права зачастую непосредственно отражена в нормативных актах<sup>3</sup>. Показательным, как думается, служит постановление Правительства Республики Башкортостан, регламентирующее взаимодействие органов исполнительной власти в этой республике при регулировании земельных отношений именно в части преимущественного права<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. М., 2020. С. 94.

<sup>2</sup> См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 168.

<sup>3</sup> В частности, преимущественное право субъектов федерации или (и) муниципальных образований предусмотрено некоторыми региональными законами, упорядочивающих регламентацию земельных правоотношений. См.: ст. 15 Закона Республики Калмыкия от 9 апреля 2010 г. № 177-IV-3 «О регулировании земельных отношений в Республике Калмыкия» (Хальм Унгг. 2010. 13 апреля).

<sup>4</sup> См.: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 3 февраля 2015 года № 21 «О взаимодействии исполнительных органов государственной власти Республики Башкортостан при реализации Закона Республики Башкортостан "О регулировании земельных отношений в Республике Башкортостан" в части преимущественного права покупки земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения на территории Республики Башкортостан и перевода земель или земельных участков из одной категории в другую» // Ведомости Государственного Собрания-Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2015. № 6 (480). Ст. 297.

В таком контексте регулятивная функция преимущественного права коррелирует с устоявшимся концептом о стадиях правового регулирования, первая из которых справедливо обозначается как правовая регламентация<sup>1</sup>. Именно она, по нашему мнению, является важнейшей, поскольку следующие за ней стадии (действие и реализация) относятся уже к динамике права, с присущей спецификой и имеющимися проблемами.

Можно с уверенностью заявить, что преимущественное право, с его основанностью на диспозитивном методе правового регулирования и ориентацией на дозволение, объективно выступает необходимым регулятором общественных отношений. Преимущественное право расширяет потенциал возможностей субъекта, внедряя дополнительные правомочия или (и) секвестрируя какие-либо ограничения.

Преимущественное право, регулируя соответствующие отношения, регламентирует основания, условия и порядок наделения соответствующим благом; определяет субъектов, которые могут (а иногда и должны) использовать предоставленное им дозволение на получение блага; описывает само это благо, а равно возможность и процедуру его реализации<sup>2</sup>. Указанный конгломерат компонентов регулятивной функции преимущественного права соответствует в целом сложному, многосоставному и неоднозначному содержанию регулятивной функции<sup>3</sup>.

Регулятивная функция традиционно подразделяется на регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую<sup>4</sup>.

Как думается, преимущественное право относится к последней, что объясняется воплощением в нем инструментальных качеств, свойственных

---

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Социалистическое право / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1973. С. 85-105.

<sup>2</sup> Названные компоненты были достаточно подробным образом проиллюстрированы в контексте их объективации в формах права, прежде всего в НПА.

<sup>3</sup> См. об этом подробнее: Радько Т.Н. Теория функций права. М., 2014. С.133-138.

<sup>4</sup> См. об этом, например: Янев Я. Теория на социалистического права. София, 1973. С. 46; Алексеев С.С. Общая теория права. Курс лекций в двух томах. М., 1982. Т. 2. С. 192.

юридическим регуляторам, объективно адаптированным под постоянную динамику развития общественных отношений<sup>1</sup>.

Вместе с тем можно заметить, хотя и с долей условности, что преимущественное право некоторым образом характеризуется и выполнением регулятивно-статической функции<sup>2</sup>. При этом в проекции к преимущественному праву о подобном роде дуализме можно говорить с определенной имплицативностью, поскольку его дифференциация более чем органична и взаимозависима.

То же самое можно сказать и о выполнении иной функции права, также относящейся к собственно юридическим функциям – охранительной функции. Она также детерминирована правовым регулированием, что в какой-то степени сближает ее с регулятивной функцией. «И здесь не стоит смущаться

---

<sup>1</sup> Так, например, ст. 179 Трудового кодекса РФ, фиксирующая преимущественное право оставления на работе при сокращении численности или штата работников была дополнена предписанием о предоставлении такого преимущественного права, в частности, родителю, имеющему ребенка в возрасте до восемнадцати лет, в случае, если другой родитель призван на военную службу по мобилизации (п. 4 ст. 1 ФЗ от 07 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6938)). Кроме того, можно констатировать развитие базового предписания, содержащегося в ст. 179 Трудового кодекса РФ в нормативных актах регионального и местного уровней (См. об этом: Постановление Губернатора Курской области от 24 октября 2022 г. № 307-пг «О дополнительных социально-трудовых гарантиях лицам, призванным на военную службу по мобилизации или поступившим на военную службу по контракту либо заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» // Курская правда. 2022. 3 ноября; п. 9.12 Правил внутреннего трудового распорядка Администрации Калачинского муниципального района Омской области (утв. Постановлением Главы Калачинского муниципального района Омской области от 10 февраля 2023 г. № 28-п // СПС «Гарант»). Импульсом динамики этих положений, относительно указанного преимущественного права послужил Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6590), а равно необходимость особой социальной поддержки мобилизованным гражданам и членам их семей.

<sup>2</sup> По нашему мнению, преимущественное право родителей на воспитание и образование своих детей можно оценить как регулятивно-статическую функцию. Подобное объясняется и отражением указанного права не только в Семейном кодексе РФ и иных федеральных и региональных НПА, но и Конституции РФ (ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 38, п. «ж» ч. 1 ст. 72). Важное значение имеет и провозглашение сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей, обеспечения преемственности поколений в качестве одной из задач государственной политики. Это положение выступает как цель преимущественного права, соответственно, здесь преимущественное право служит и средством достижения этой цели, чему коррелирует и функциональное предназначение.

наличием охранительных свойств в регулятивной функции и регулятивной в охранительной (а они безусловно есть, их никто не отрицает...) ...»<sup>1</sup>. Юридические средства выполняют роль регуляторов общественных отношений, выполняющих в той или иной степени и регулятивную и охранительную функции<sup>2</sup>. Безусловно, и об этом было уже сказано при характеристике преимущественного права как правового инструмента, преимущественное право относится к таким регуляторам, конечно, с учетом превалирования в нем регулятивного компонента. Преимущественное право, как и право в целом, охраняя регулирует, а, регулируя, охраняет<sup>3</sup> желаемое с точки зрения государства состояние и развитие правоотношений<sup>4</sup>. Охрана преимущественного права может быть в виде судебной защиты, осуществляемой по инициативе заинтересованного субъекта, считающего, что именно его преимущественное право было нарушено, так и в виде инициативной реакции компетентных органов государства, что свойственно для реализации данной функции вообще. В законодательстве может быть прямо установлено, что то либо иное деяние, совершенное с нарушением преимущественного права изначально ничтожно.

Тем самым регулятивная и охранительная функция преимущественного права детерминированы правовым регулированием, а равно и тем, что преимущественное право выступает средством правового регулирования и компонентом его механизма.

Право, помимо собственно-юридических функций, выполняет и общие функции, присущие ему как особому компоненту надстройки над экономическим базисом общества. Подобные функции органично коррелируют с правовым воздействием, которое осуществляет право и,

---

<sup>1</sup> Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995. С. 51-52.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 51.

<sup>3</sup> Именно о таком сочетании регулятивной и охранительной функции права пишут Т.Н. Радько и В.А. Толстик (См.: Радько Т.Н., Толстик В.А. Указ. соч. С. 52).

<sup>4</sup> В этой связи можно говорить об определенном рода сближении охранительной функции права с охранительной функцией, осуществляемой государством.

которые, как уже было сказано, предопределяются информационными и ценностно-ориентационными факторами.

Арсенал общих функций права предельно широк и более чем дискуссионен<sup>1</sup>. Как думается, можно солидаризоваться с Т.Н. Радько, считающим, что необходимо стратифицировать экономическую, политическую, идеологическую, воспитательную и иные функции<sup>2</sup>. Соглашаясь с этим, хотелось бы акцентировать внимание, что перечень общих функций (социальных, как их называет Т.Н. Радько) не является исчерпывающим. Дело в том, что такие сферы как экономика, политика, идеология, сознание, которые и продуцируют соответствующие функции предельно многогранны<sup>3</sup>; поэтому и вектор направлений правового воздействия, то есть общих функций права может быть крайне разносторонним, включать в себя и иные функции, детерминированные уже заявленными. С другой стороны, не все функции права могут и должны выполняться преимущественным правом как средством правового воздействия. К тому же, возможно сближение некоторых функций, фактически нивелирующих их различие (в частности, в проекции к преимущественному праву).

По нашему мнению, преимущественное право выполняет следующие общесоциальные функции права. В первую очередь среди них следует назвать экономическую функцию, ибо как известно, право не может никогда быть выше, чем экономический строй<sup>4</sup>. Нормы права, регламентирующие экономическую сферу, объективируются в НПА, которые составляют такую условную их совокупность как экономическое законодательство<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 168-176; Радько Т.Н. Теория функций права. С. 83-130.

<sup>2</sup> См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 114.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 115.

<sup>4</sup> См.: Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19. С. 19.

<sup>5</sup> См. об этом: Каюмова К.А. Российское экономическое законодательство: понятие, структура, основные тенденции развития : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2003.

Преимущественное право, как феномен непосредственно связанный с позитивным правом, в обязательном порядке выполняет экономическую функцию.

Экономическая функция присуща преимущественному праву вследствие многочисленной имплементации его в нормах, регламентирующих гражданско-правовые отношения. Преимущественное право исторически фигурирует в цивилистике как один из узловых ее компонентов<sup>1</sup>, является распространенным институтом гражданского права<sup>2</sup>, получающим фиксацию в гражданском законодательстве<sup>3</sup> вообще и ГК РФ, в частности.

Преимущественное право покупки выступает важнейшим институтом гражданского права<sup>4</sup>, во многом способствующим надлежащему осуществлению основополагающему договору купли-продажи весьма разноплановых объектов, в том числе смежных с иными правоотношениями (например, земельными<sup>5</sup> и жилищными<sup>6</sup>).

То же самое можно сказать о значении преимущественного права при регулировании аренды (ст. 621 ГК РФ), проката (ст. 627 ГК РФ), найма жилого помещения (ст. 684 ГК РФ), коммерческой концессии (ст. 1035 ГК РФ).

Подобного рода перечисления только положений ГК РФ (многие из которых находят свое развитие в законодательстве иного уровня)

---

<sup>1</sup> См.: Дергунов А.А. Историко-правовой анализ преимущественного права как общетеоретического феномена // Genesis: исторические исследования. 2022. № 5. С. 73-86.

<sup>2</sup> См., в частности: Пивовар Р.Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. М., 2007; Глушкова Е.А. Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

<sup>3</sup> См. об этом, например: Субботин М.В. Преимущественные права в российском гражданском законодательстве : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007.

<sup>4</sup> См.: Зубарева Н.В. Преимущественное право покупки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Кубарь И.П. Категория преимущественных прав в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Онина А.А. Преимущественное право покупки в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

<sup>5</sup> См., в частности: ст. 21 Закона Самарской области от 11 марта 2005 г. № 94-ГД «О земле» (Волжская коммуна. 2005. 12 марта).

<sup>6</sup> См.: ч. 6 ст. 42 Жилищного кодекса РФ.

свидетельствует о выполнении преимущественным правом экономической функции, предопределяющей регламентирование вопросов собственности на ресурсы и их использования.

В свою очередь принятие, официальное оформление и воплощение властных решений, в которых содержится преимущественное право, позволяет констатировать кооптирование его с политической функцией права. Политическая функция, коррелирующая с государственной властью, зависит и от динамики политических изменений. Не избежала подобного и функциональная нагрузка преимущественного права. Так, из за необходимости начала специальной военной операции (*далее – СВО*), о чем говорилось в обращении Президента РФ<sup>1</sup>, в тексте многих НПА было установлено либо уточнено преимущественное право отдельных категорий граждан, связанных с проведением СВО<sup>2</sup>.

С политической функцией тесно кооптирована идеологическая функция, которую также выполняет право<sup>3</sup>. В проекции к последнему речь идет, конечно, о правовой идеологии. Она сама по себе осуществляет в отношении индивида такое воздействие как определение и обоснование социально-экономического статуса личности, а в проекции к обществу – аргументация статусно-функциональных связей<sup>4</sup>. Преимущественное право непосредственно отражает и формирует статус субъекта, который статусно

---

<sup>1</sup> Обращение Президента РФ от 24 февраля 2022 г. // Российская газета. 2022. 25 февраля.

<sup>2</sup> См., например: п. 3 ФЗ от 29 мая 2023 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (СЗ РФ. 2023. № 23 (часть I). Ст. 4009)); п.п. 19, 20, 22, 23 Указа Главы Республики Марий Эл от 26 октября 2022 г. № 176 «Об установлении в Республике Марий Эл дополнительных мер социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей» (Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. URL: <https://mari-el.gov.ru> (дата обращения 12.10.2023)); пп. 2 п.3 Указа Главы Республики Саха (Якутия) от 23 октября 2023 г. № 80 «О мерах поддержки участников специальной военной операции и членов их семей в период проведения специальной военной операции» (Якутские ведомости. 2023. 26 октября).

<sup>3</sup> См.: Чернявский А.Г., Погребная Ю.К. Идеологическая функция права. М., 2015.

<sup>4</sup> См.: Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2019. С. 102.

становится специальным<sup>1</sup>. Поэтому нормативное обладание преимущественным правом означает реализацию идеологической функции последним. Это иллюстрирует правильность и целесообразность наделения соответствующего субъекта преимущественным правом, что свидетельствует о симфонии его предоставления с актуальной политической конъюнктурой<sup>2</sup>. В частности, утверждение главой государства основами государственной политики, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей<sup>3</sup>, объявление текущего года «Годом семьи»<sup>4</sup>, введения особой социальной поддержки многодетным семьям<sup>5</sup> позволяет спрогнозировать, что многодетные семьи должны в обязательном порядке иметь преимущественные права, дающие им законную возможность получить какие либо, необходимые для их поддержки блага<sup>6</sup>.

Идеологическая функция права соприкасается и с его воспитательной функцией, являющейся традиционной для права<sup>7</sup>. Подобное детерминирует в

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Дергунов А.А. Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 51-54.

<sup>2</sup> Надо отметить, что сама дефиниция «преимущественное право» при ее нормативной фиксации обладает определенным функционалом, имеющим, безусловно, практическое значение (См. об этом: Дергунов А.А. Легальная дефиниция «преимущественное право»: функциональность наличия и наличие функционала // История государства и права. 2023. № 12. С. 48-55).

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

<sup>4</sup> Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

<sup>5</sup> Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001> (дата обращения 25.01.2024).

<sup>6</sup> Здесь надо отметить, что такой феномен как «опережающее правотворчество» не сработал в проекции к преимущественным правам для многодетных семей. Так, на федеральном уровне непосредственно дефиниция «преимущественное право» не используется в действующих нормативных актах. Справедливости ради, стоит отметить многочисленное употребление таких его разновидностей как «внеочередное право» и «первоочередное право». В порядке юридического прогнозирования можно предположить имплементацию, как наиболее полно отражающего предоставленную возможность на получение какого либо блага, именно термина «преимущественное право» в нормативные предписания.

<sup>7</sup> См.: Фарбер И.Е. Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм. Некоторые вопросы теории государства и права в современный период: Сборник статей /

том числе стремление государства посредством права оказывать надлежащее воздействие на людей, что обусловлено традиционной воспитательной ролью права как особого социального феномена и его непосредственной взаимосвязью с нравственностью.

Такая всеобщность, сочетающаяся с целевой направленностью, объясняет наличие воспитательной функции и производных от права компонентов правового воздействия. Соответственно, преимущественное право также осуществляет данную функцию, в чем наблюдается определенный дуализм. С одной стороны, посредством предоставления преимущественного права происходит формирование воспитательных установок в отношении иных субъектов, преимущественным правом не обладающим. Правовое воздействие здесь заключается в выработке поведенческой парадигмы, осуществление которой может привести к получению преимущественного права. С другой стороны, воспитательному процессу подвергаются носители преимущественного права, так или иначе вынужденные вести себя соответствующим образом. Надо отметить, что на практике названные тенденции могут быть интегрированы. В частности, у родителей есть преимущественное право на воспитание и обучение своих детей перед всеми иными лицами (абз. 2 п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ); однако, согласно положениям этой же статьи, родители обязаны воспитывать своих детей и обеспечивать получения ими высшего образования. При этом родители, имеющие преимущественное право на обучение и воспитание своих детей, обязаны заложить в последних основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка (ч. 1 ст. 44 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»)<sup>1</sup>.

По нашему мнению, названная триада: физические, нравственные, интеллектуальные начала — имеет непосредственное отношение к

---

Под ред.: Керимов Д.А. М., 1962. С. 117-47; Его же. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 38-47.

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I).Ст. 7598.

воспитательному процессу<sup>1</sup> вообще и к воспитательной функции права, в частности, поскольку их развитие провозглашено в юридических нормах, а также, что немаловажно, к преимущественному праву, поскольку родители, им обладающие, как раз и должны развивать названные основы, имеющие ценностно-ориентирующее значение для развития личности ребенка.

Ценностно-ориентирующая составляющая правового воздействия детерминирует экономическую, политическую, идеологическую, воспитательную функции права, а значит и преимущественного права как его феномена. Именно эти функции подразумевают ценности, олицетворяющие благо для индивида, социальной группы, общества и государства, и предопределяющие ориентационную направленность поведения или (и) развития.

В свою очередь информационный компонент правового воздействия обуславливает, соответственно, информационную и сопряженную с ней коммуникативную функцию.

Наличие у права информационной функции достаточно аксиоматично и не оспаривается<sup>2</sup>, равно как и стремление государства обеспечивать ее реализацию.

Преимущественное право, безусловно, выполняет информационную функцию. Подобное объясняется, прежде всего, информационной составляющей, присущей преимущественному праву как юридическому средству инструменту нормативного характера. Выше уже было отмечено, что преимущественное право как средство-инструмент отличается

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: Белова Г.Н. Психолого-педагогические условия формирования интеллектуальных умений у младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 1998; Петухов С.И. Педагогические основы формирования здоровья и развития младших школьников в системе физического воспитания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Кемерово, 2001; Новикова В.И. Теоретические основы нравственного воспитания младших школьников в современной социокультурной ситуации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

<sup>2</sup> См.: Бутузов С.В. Информационная функция права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2004; Червяковский А.В. Информационная функция права. Омск, 2007.

институциональностью и обязательно воплощается в юридическом, а точнее нормативном тексте.

Сложная природа преимущественного права детерминирует некоторую бинарность его информационной функции. В частности, помимо уже описанной информационной функции, можно выделить информационную функцию преимущественного права в узком (специальном) смысле. Речь идет о тех нормативно закрепленных положениях, когда преимущественное право непосредственно предписывает предоставление (раскрытие) соответствующей информации либо возможность его получения напрямую связана с информированием соответствующего субъекта.

Конгломерат таких феноменов как правовая информация и информированность, юридический текст детерминируют осуществление преимущественным правом коммуникативной функции. Она основывается на коммуникативном подходе к пониманию права и представляет собой постоянное и цикличное взаимодействие, выражающееся в обмене юридически значимыми информацией, знаниями и опытом, а также деятельностью и ее результатами в каждом отдельном казусе<sup>1</sup>.

Выполнение преимущественным правом информационной и коммуникационной функций как производных от информационной составляющей правового воздействия парадоксальным образом свидетельствуют о когерентности ценностно-ориентационного и информационного компонентов последнего. Демаркация, конечно, присутствует, но она, как уже подчеркивалось, носит весьма условный характер.

Действительно, сложно реально разграничивать, например, идеологическую и воспитательную функцию с информационной; их органическое единство, как думается, очевидно, в том числе и в контексте освещения функционального предназначения преимущественного права.

---

<sup>1</sup> См.: Потемкина О.С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 9.

Представляется, что наиболее ярко интеграция функций преимущественного права, детерминированных как правовым регулированием, так и правовым воздействием, во всем их многообразии проявляется в прикладных функциях анализируемого феномена. К таким функциям, носящим сугубо прагматический характер, относятся, по нашему мнению, стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая функция.

В стимулирующей функции наиболее ярко отражается диалектическое единство и различие составляющих компонентов правового воздействия; в частности, как отмечает А.В. Малько, информационно-психологическое и воспитательное действие права в процессе стимулирования нельзя полностью разделять (а тем более противопоставлять), но нельзя не замечать их отличий<sup>1</sup>. По мнению ученого, правовой стимул олицетворяет собой побуждение к правомерному деянию, которое создает режим наибольшего благоприятствования для удовлетворения законных интересов участников правоотношений. Полностью разделяя данную точку зрения, хотелось бы в очередной раз заметить, что возможность удовлетворять собственные интересы посредством обладания преимущественным правом, не противоречит, а, напротив, предполагает их симфонию с интересами общества и государства.

Стимулирующая функция априори присуща праву, в нормах которого устанавливаются стимулы (формальное основание названной функции) и объективируется в осознанном поступке индивида (ее фактическое основание). Преимущественное право выполняет эту функцию потому, что правовой стимул предполагает предоставление какой-либо ценности; к тому же стимулирующая функция кооптирована с дозволениями, выступающими, как известно, доминантным способом получения преимущественного права.

При этом стимулирующую функцию преимущественного права можно условно поделить на два подвида. Первый – непосредственный, в котором

---

<sup>1</sup> См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 56.

стимул фиксируется напрямую в соответствующем нормативном акте (например, как отмечалось выше, как мера поощрения)<sup>1</sup> либо в акте правоприменения<sup>2</sup>. Второй подвид стимулирующей функции преимущественного права можно условно обозначить как косвенный. В нем стимулирование подразумевается, причем как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе.

Со стимулирующей функцией преимущественного права, как ни парадоксально, параллельным образом действует компенсационная функция. Она также органически присуща праву<sup>3</sup> вообще и правовым преимуществам, в частности<sup>4</sup>. Именно в правовых преимуществах находит свое воплощение интеграция различных функций<sup>5</sup>.

Вместе с тем не стоит абсолютизировать синтез различных функций, выполняемых преимущественным правом; о компенсационной функции преимущественного права можно утверждать как о самостоятельном направлении правового воздействия. Однозначной иллюстрацией компенсационной функции преимущественного права, по нашему мнению, может служить предписание, содержащееся в абз. 2 ст. 179 Трудового кодекса РФ. В соответствии с данным нормативным положением, преимущественным правом оставления на работе при сокращении имеют, в частности, инвалиды ВОВ, а также инвалиды боевых действий по защите Отечества. Важным является фиксация наличия такого преимущественного права у родителя,

---

<sup>1</sup> См.: «Дочерние общества ОАО "РЖД" вправе устанавливать иные преимущественные права (меры поощрения) для работников бухгалтерии, показавших высокий уровень знаний» (п. 6 Типового положения о порядке повышения квалификации работников, ответственных за ведение бухгалтерского и налогового учета в дочерних обществах ОАО «РЖД») (утв. Распоряжением ОАО «РЖД» от 27 декабря 2012 г. № 2711р // СПС «Гарант»).

<sup>2</sup> Предельно четко об этом сказано в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р // СЗ РФ. 2010. № 4. Ст. 421).

<sup>3</sup> См.: Кузьмина М.В. Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

<sup>4</sup> См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. М. 2020. С. 96.

<sup>5</sup> См.: Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 77.

имеющему ребенка в возрасте до восемнадцати лет, в случае, если другой родитель призван на военную службу по мобилизации или проходит военную службу по контракту, согласно законодательству<sup>1</sup>, либо заключил контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ либо войска Росгвардии.

Как думается, компенсационное начало в иллюстрируемом примере более чем очевидно и заключается в воздаянии (возмещении) посредством предоставления преимущественного права (а значит и возможности получения блага, имеющего ценность для субъекта) различного рода сложностей и трудностей, связанных с осуществлением им деятельности, в которой заинтересовано государство<sup>2</sup>.

Подобная конкретизация, подразумеваемая преимущественным правом, позволяет утверждать о выполнении им конкретизирующей функции.

Преимущественное право, как феномен воплощаемый в законодательстве, также подвержен конкретизирующему эффекту. Нормы, фиксирующие преимущественное право в объективно-субъективном порядке, уточняют и детализируют абстрактные предписания в более определенные, применимые к конкретным казусам и субъектам, которым оно предназначено. Дело в том, что преимущественное право как компонент и классификатор специального статуса, дифференцируя последний, как раз и осуществляет конкретизирующую функцию<sup>3</sup>. Как думается, можно предположить, что преимущественное право выполняет конкретизирующую функцию и в более

---

<sup>1</sup> Пункт 7 ст. 38 ФЗ от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

<sup>2</sup> При всем пиетете к позиции А.Г. Репьева, можно заметить, что компенсационная функция преимущественного права как правового преимущества распространяется не только на самих субъектов, понесших затраты соответствующих ресурсов, но и на иных лиц, например, их родственников.

<sup>3</sup> Так, например, согласно ч. 7 ст. 36 ФЗ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020), преимущественное право на замещение соответствующей должности в ОВД перед остальными сотрудниками имеет сотрудник, допущенный к государственной тайне на постоянной основе.

объемном смысле, предоставляя нормативно закреплённую возможность на получение блага определенному кругу лиц. Так, например, собственники комнат в соответствующей коммунальной квартире имеют преимущественное право покупки комнаты в данной квартире перед всеми остальными покупателями (ч. 6 ст. 42 Жилищного кодекса РФ). Здесь необходимо отметить, что межотраслевой характер преимущественного права во многом способствует реализации анализируемой функции<sup>1</sup>.

Вместе с тем преимущественное право может нести и сугубо конкретизационную нагрузку. В частности, в одном из нормативных актов Губернатора Оренбургской области содержится четкое положение о том, что дети из семей военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации, обладают преимущественным правом на зачисление в ГБОУ «Оренбургская кадетская школа-интернат имени И.И. Неплюева»<sup>2</sup>. По нашему мнению, есть все основания относить указанное предписание к так называемым конкретизационным нормам<sup>3</sup>.

Безусловно, не все преимущественные права закреплёны в подобного рода нормах, равно как и не все выполняют конкретизационную функцию. В ещё большей степени это относится к стимулирующей и компенсационной функциям. Они выполняются лишь некоторой частью преимущественных прав и поэтому во многом носят сугубо прикладной (и даже прагматический) характер, в отличие от регулятивной, охранительной, экономической, политической, идеологической, воспитательной, информационной, коммуникативной функции, которые составляют функциональную нагрузку всего спектра преимущественных прав.

---

<sup>1</sup> Решение УФАС по Белгородской области от 24 апреля 2013 г. № 132-13-А3 (Официальный сайт УФАС по Белгородской области. URL: <https://belgorod.fas.gov.ru> (дата обращения 24.09.2023)).

<sup>2</sup> См.: абз. 4 п. 1 Указа Губернатора Оренбургской области от 13 октября 2022 г. № 522-ук «О дополнительных мерах поддержки членов семей военнослужащих, призванных на военную службу по мобилизации» (Портал официального опубликования нормативных правовых актов Оренбургской области и органов исполнительной власти Оренбургской области. URL: <http://pravo.orb.ru> (дата обращения 24.09.2023)).

<sup>3</sup> См.: Переплетчикова А.И. Конкретизационные нормы российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.

Наша принципиальная позиция заключается в том, что право обладает собственным арсеналом функций, набор которых достаточно дискуссионен. Не вдаваясь в споры о наличии либо отсутствии той или иной функции как права, так и каждой отдельной нормы права, хотелось бы отметить, что преимущественное право выполняет исключительно функции, присущие праву в целом. Никаких иных, принадлежащих сугубо преимущественному праву у последнего быть не может, что, конечно, не означает отрицания специфики функций, выполняемых именно преимущественным правом.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, стоит сделать следующие выводы.

Преимущественное право выполняет некоторые функции, которые имеются в потенциале права в его нормативном понимании. Функции преимущественного права как правового преимущества отличаются спецификой, детерминированной природой преимущественного права как нормативно закреплённой возможности получения субъектом блага, олицетворяющего для него значимую ценность.

Генеральной особенностью функционала преимущественного права служит его конвергенция со следующими бинарными феноменами: целями и средствами, а равно правовым регулированием и правовым воздействием.

Функциональная направленность преимущественного права формируется под влиянием стоящих перед ним целей; это в свою очередь обуславливает восприятие преимущественного права как особого юридического средства, функционально направленного на достижение целей.

Инструментальная сущность преимущественного права вызывает дифференциацию его функций к правовому регулированию и правовому воздействию. Неразрывная взаимосвязь между ними как части и целого, тем не менее не препятствует градации функций преимущественного права, заключающейся в отнесении их правовому регулированию и правовому воздействию.

Функциями, репрезентируемыми правовым регулированием, являются регулятивная и охранительная. Данные функции считаются специально-юридическими, что распространяется и на функциональный арсенал преимущественного права.

Магистральной функцией преимущественного права следует назвать регулятивную. Преимущественное право, основанное на диспозитивном методе правового регулирования и ориентацией на дозволение, объективно выступает необходимым регулятором общественных отношений; оно расширяет потенциал возможностей субъекта, внедряя дополнительные правомочия или (и) секвестрируя какие-либо ограничения.

Преимущественное право, регулируя соответствующие отношения, регламентирует основания, условия и порядок наделения соответствующим благом; определяет субъектов, которые могут (а иногда и должны) использовать предоставленное им дозволение на получение блага; описывает само это благо, а равно возможность и процедуру его реализации.

Традиционное деление регулятивной функции на регулятивно-динамическую и регулятивно-статическую затрагивает и функции преимущественного права. Доминантой для преимущественного права служит регулятивно-динамическая функция, что объясняется воплощением в нем инструментальных качеств, свойственных юридическим регуляторам, объективно адаптированным под постоянную динамику развития общественных отношений.

Весьма условно, но можно заметить, что преимущественное право некоторым образом характеризуется и выполнением регулятивно-статической функции.

Охранительная функция детерминирована правовым регулированием, и является вторичной, по отношению к регулятивной, функцией преимущественного права. Преимущественное право, охраняя регулирует, а, регулируя, охраняет желаемое с точки зрения государства состояние и развитие правоотношений. Охрана преимущественного права может быть в

виде судебной защиты, осуществляемой как по инициативе заинтересованного субъекта, считающего, что именно его преимущественное право было нарушено, так и в виде инициативной реакции компетентных органов государства.

Общие функции права присущи и для преимущественного права и коррелированы с правовым воздействием. Сложность природы последнего порождает дуализм набора функций преимущественного права. В частности, ценностно-ориентационная составляющая правового воздействия предопределяет реализацию преимущественным правом экономической, политической, идеологической, воспитательной функций. Названные функции подразумевают ценности, олицетворяющие благо для индивида, социальной группы, общества и государства, и предопределяющие ориентационную направленность поведения или (и) развития.

Экономическая функция присуща преимущественному праву вследствие многочисленной имплементации его в нормах, регламентирующих гражданско-правовые отношения.

Политическая функция преимущественного права объясняется тем, что подразумеваемая им возможность получения блага официально оформляется и воплощается во властных решениях, обусловленных в том числе и политической конъюнктурой.

Идеологическая функция преимущественного права заключается в иллюстрировании правильности и целесообразности наделения им соответствующего субъекта, обоснования специального социально-экономического статуса последнего.

Преимущественное право осуществляет воспитательную функцию, которая в проекции к нему достаточно сложна и неоднозначна, в чем наблюдается определенный дуализм. С одной стороны, посредством предоставления преимущественного права происходит формирование воспитательных установок в отношении иных субъектов, преимущественным правом не обладающих. С другой стороны, воспитательному процессу

подвергаются носители преимущественного права, так или иначе вынужденные вести себя соответствующим образом. Разнородность данных тенденций не отрицает возможности их интегрирования на практике.

Информационный компонент правового воздействия обуславливает, соответственно, информационную и сопряженную с ней коммуникативную функцию.

Преимущественное право однозначно выполняет информационную функцию поскольку оно, как средство-инструмент отличается институциональностью и обязательно воплощается в юридическом, а точнее в нормативном тексте. Последний и содержит правовую информацию, который влияет на правосознание субъекта, коррелируя с правовой информированностью, способствует осведомленности субъекта о преимущественном праве, благе которого оно олицетворяет, возможности и порядке ее получения.

Представленный алгоритм информационного воздействия преимущественного права по большому счету тождественен информационной функции права в целом. Это позволяет трактовать такую функциональную нагрузку преимущественного права как его информационную функцию в общем (широком) смысле.

Однако можно выделить информационную функцию преимущественного права в узком (специальном) смысле. Речь идет о тех нормативно закрепленных положениях, когда преимущественное право непосредственно предписывает предоставление (раскрытие) соответствующей информации либо возможность его получения напрямую связана с информированием соответствующего субъекта.

Конгломерат таких феноменов как правовая информация и информированность, юридический текст детерминируют осуществление преимущественным правом коммуникативной функции, которая свойственна преимущественному праву потому, что оно априори предназначено и

декларирует необходимость взаимодействия различных участников правоотношений, в особенности в ходе его реализации.

Влияние ценностно-ориентационного и информационного компонентов правового воздействия на выполняемые преимущественным правом функции парадоксальным образом свидетельствует о когерентности ценностно-ориентационного и информационного компонентов последнего. Демаркация, конечно, присутствует, но имеет весьма условный характер.

Об интеграции функций преимущественного права, детерминированных как правовым регулированием, так и правовым воздействием, во всем их многообразии свидетельствуют прикладные функции анализируемого феномена. К таким функциям, носящим сугубо прагматический характер, относятся стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая функция.

Преимущественное право выполняет стимулирующую функцию потому, что стимулирование изначально предполагает предоставление какой-либо ценности; к тому же стимулирующая функция кооптирована с дозволениями, выступающими доминантным способом получения преимущественного права.

Стимулирующая функция преимущественного права условно делится на два подвида. Первый – непосредственный, в котором стимул фиксируется напрямую в соответствующем нормативном акте либо в акте правоприменения. Второй подвид стимулирующей функции преимущественного права можно условно обозначить как косвенный, в котором стимулирование подразумевается в соответствующей перспективе.

Компенсационная функция преимущественного права заключается в воздаянии (возмещении) посредством предоставления преимущественного права (а значит и возможности получения блага, имеющего ценность для субъекта) различного рода сложностей и трудностей, связанных с осуществлением им деятельности, в которой заинтересовано государство.

Конкретизационная функция преимущественного права обусловлена стратификацией специального статуса того или иного участника

правоотношений на подвиды, в зависимости от чего и происходит наделение преимущественным правом. Оно выполняет конкретизирующую функцию как в широком смысле, предоставляя нормативно закреплённую возможность на получение блага определённому кругу лиц, так и подразумевает сугубо конкретизационную нагрузку.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преимущественное право играет важную роль в юридической регламентации общественных отношений. Посредством преимущественного права акцентируется внимание на соответствующих сегментах жизнедеятельности социума, а равно выделяют субъекты, чей статус обусловлен обладанием таким правом.

Исторически преимущественное право неразрывно связано с государством и, соответственно, создаваемым либо санкционируемым им правом в нормативном понимании последнего. Парадоксально, но именно в нормах позитивного права синтагма «преимущественное право» как раз и не получала своего институционального выражения. Оно вуалировалось под различные языковые единицы, однако самостоятельная природа преимущественного права детерминировала и его собственную фразеологическую форму. Важным представляется то, что преимущественное право изначально имело комплексный характер, отражалось во многих отраслях права, и было зависимо от политической конъюнктуры. Данный аспект всегда был отличительным качеством преимущественного права, что обуславливает необходимость его дальнейшего изучения.

Своеобразие преимущественного права проявляется в системе правовых преимуществ. Его генезис противоречит синонимии с иными компонентами данной системы, в частности льготами и привилегиями. Нельзя воспринимать преимущественное право и как разновидность того или иного правового преимущества. Отличительные признаки преимущественного права как юридически закрепленной в специальных нормах эксклюзивной возможности некоторых субъектов претендовать на заранее оговоренное благо, однозначно свидетельствуют о своеобразии и самобытности природы преимущественного права как отдельной вариации правового преимущества. При этом неординарность названных признаков заставляет рассматривать различные аспекты таких неоднозначных правовых явлений как возможность в праве,

благо и ценность, специальные нормы правила и статус, эксклюзивность и предпочтительность в юридическом континууме, как в проекции к преимущественному праву, так и в отдельности.

Вопросы лексического объективирования преимущественного права интегрированы с его обозначением в качестве автономного правового преимущества. В таком аспекте требует разрешения интереснейший вопрос о соотношении понятия и термина. Правовое преимущество трактуется сугубо как понятие, а точнее относится к понятиям науки права. Преимущественное право выступает как юридический термин, который фигурирует в правовом, прежде всего нормативном тексте. Преимущественное право как термин отличается строгой формальной определенностью. Последнее обуславливает вопрос о наличии легальной дефиниции преимущественного права, а также о возможности его обозначения как правовой категории или категории права. Несмотря на то, что преимущественное право в доминанте своей корреспондирует к признакам категории права, преимущественное право нельзя считать таковым, поскольку у него отсутствует эволюционная взаимосвязь с правовой категорией. Заслуживает внимание неоднозначный и перспективный вопрос о соотношении преимущественного права и субъективного права.

Разноплановость и многоаспектность преимущественного права наглядно иллюстрируется множеством критериев его классификации. Она не носит сугубо описательного характера, а в очередной раз доказывает присутствие исключительного права в нормах различных отраслей, подтверждает необходимость формальной определенности права и фиксации в различных его источниках, прежде всего в нормативных правовых актах и нормативных договорах и правовых обычаях. Имплементированность преимущественного права в юридическую норму допускает его деление в зависимости от прямого, отсылочного либо бланкетного способа изложения данной нормы в той форме права, в которой она находит свое выражение. Подобное детерминирует весьма важную как для науки, так и для практики

дилемму об относимости преимущественного права к системе права либо к системе законодательства. Телеологическая направленность присуща стратификации преимущественного права на такие подвиды как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право.

Целевое предназначение преимущественного права отражается прямо или косвенно в нормативных предписаниях. Важным является соответствие целей преимущественного права идеалам справедливости и гуманизма, а также возможности преимущественного права обеспечивать удовлетворение различных интересов и аккумулировать их. Более чем значимым служит деление целей преимущественного права на различные подвиды и тщательное их изучение.

С целеполаганием преимущественного права взаимозависимо восприятие его как юридического средства. Преимущественное право следует рассматривать как средство-инструмент и как средство правореализации при бесспорном доминировании первого. Особенностью преимущественного права как средства выступает то, что оно входит как в механизм правового регулирования, так и в механизм правового воздействия.

Подобного рода дуализм характерен и для функционального арсенала, имеющегося у преимущественного права. Исследование функций, обусловленных как правовым регулированием, так и правовым воздействием требует дальнейших изысканий.

Таким образом, тематика преимущественного права более чем перспективна как в теоретическом, так и практическом плане, концентрирует в себе научный потенциал, способный нивелировать существующие проблемы преимущественного права и привести к его оптимизации.

## **СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ**

### **Нормативные правовые акты**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
3. ФКЗ от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6931.
4. ФКЗ от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» // Российская газета. 2022. 6 окт.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
11. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
16. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
17. Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
18. Лесной кодекс Российской Федерации от 04 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
20. Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-XI «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 22. – Ст. 355.

21. Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-I «Об изобретениях в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 25. – Ст. 7030.

22. Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 года «О реквизиции и конфискации имущества» // Собрание узаконений РСФСР. – 1927. – № 38. – Ст. 248.

23. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1990. № 6. Ст. 492.

24. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов РСФСР. – 1992. – № 1. – С. 4-18.

25. Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1991. – № 21. – Ст. 699 .

26. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366

27. Основы законодательства Российской Федерации о культуре // Российская газета. – 1992. – 17 ноября.

28. Закон РФ от 15 января 1993 г. № 4301-I «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» // Российская газета. – 1993. – 10 февр.

29. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-I «О государственной тайне» // Российская газета. – 1993. – 21 сент.

30. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 2.

31. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168.
32. Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.
33. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
34. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2591.
35. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
36. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1463.
37. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.
38. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.
39. Федеральный закон от 29 декабря 1998 г. № 192-ФЗ «О первоочередных мерах в области бюджетной и налоговой политики» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 1. – Ст. 1.
40. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.

41. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1667.

42. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

43. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.

44. Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.

45. Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

46. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 128.

47. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.

48. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

49. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

50. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

51. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.

52. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

53. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755

54. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 30 (часть I). – Ст. 3615.

55. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

56. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

57. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (часть I). – Ст. 7020.

58. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (часть V). – Ст. 7058.

59. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7608.

60. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

61. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7608.

62. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

63. Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 22. – Ст. 3089.

64. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в 64. Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»// Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4532.

65. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5082.

66. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фонда» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5083.

67. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.

68. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

69. Федеральный закон от 07 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6938.

70. Федеральный закон от 29 мая 2023 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в 71. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 23 (часть I). – Ст. 4009.

71. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Финляндской Республики о продаже Правительству Финляндской Республики помещений в г. Санкт-Петербурге (Москва, 4 июля 2017 г.; ратифицировано Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. № 5-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о продаже Правительству Финляндской Республики помещений в г. Санкт-Петербурге» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 7. – Ст. 965).

72. Указ Президента РФ от 22 апреля 1992 г. № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности

малочисленных народов Севера» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 18. – Ст. 1009.

73. Указ Президента РФ от 22 июня 2016 г. № 293 «Вопросы Федерального архивного агентства» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 4034.

74. Указ Президента РФ от 13 ноября 2020 г. № 701 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации "Ассамблея народов России"» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7267.

75. Указ Президента от 9 мая 2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов» // Российская газета. – 2022. – 11 мая.

76. Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6590.

77. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

78. Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 48. – Ст. 8560.

79. Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// publication. pravo.gov.ru/ document/ 0001202401230001](http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001) (дата обращения 25.01.2024).

80. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477).

81. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 10. – Ст. 1317).

82. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // Сборник законов СССР. – 1968. – № 2.

83. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г. № 59-27 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям» // Свод законов СССР. – 1989. – Т. 2, I полугодие. – С. 754-3 (без п.9).

84. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2006 г. № 74 «Об утверждении перечня должностных лиц, за подписью которых телеграммы категорий "Президент Российской Федерации", "Председатель Правительства Российской Федерации", "высшая правительственная" и "правительственная" передаются в приоритетном порядке» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 7. – Ст. 785.

85. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 649 «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемых ими цены контракта, суммы цен единиц товара, работы, услуги» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 29. – Ст. 4153.

86. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 341 «О предоставлении преимуществ организациям инвалидов при определении поставщика (подрядчика, исполнителя) в отношении предлагаемых ими цены контракта, суммы цен единиц товара, работы, услуги» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (Ч. IV). – Ст. 2184.

87. Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1488 «Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям

коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 39. – Ст. 6065.

88. Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 3. – Ст. 430.

89. Приказ Министерства юстиции РФ от 13 августа 2018 г. № 167 «Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.09.2023).

90. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 1 июля 2021 г. № 698н «Об утверждении Порядка направления граждан на прохождение углубленной диспансеризации, включая категории граждан, проходящих углубленную диспансеризацию в первоочередном порядке» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2022).

91. Административный регламент Министерства образования и науки Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным и российским заявителям разрешений на проведение морских научных исследований во внутренних морских водах и территориальном море Российской Федерации, в ее исключительной экономической зоне и на ее

континентальном шельфе (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 28 декабря 2011 г. № 2900 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 24).

92. Инструкция об организации санаторно-курортного обеспечения в органах федеральной службы безопасности (утв. Приказом ФСБ РФ от 22 ноября 2012 г. № 589 // Российская газета. – 2012. – 24 дек.).

93. Профессиональный стандарт «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 ноября 2013 г. № 680н // Российская газета. – 2014. – 17 янв.).

94. Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 // официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201712060038>) (дата обращения 01.06.2023 г.).

95. Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования (утв. Приказом Министерства просвещения РФ от 2 сентября 2020 г. № 458 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru>) (дата обращения 15.09.2023).

96. Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом (утв. Приказом Министерства транспорта РФ от 5 сентября 2022 г. № 352 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.10.2022).

97. Руководство по соблюдению обязательных требований трудового законодательства (утв. Приказом Федеральной службы по труду и занятости от 11 ноября 2022 г. № 253 // СПС «Гарант (документ официально опубликован не был)).

98. Закон Московской области от 7 июня 1996 г. № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области» // Народная газета. – 1996. – 9 июля.
99. Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 г. 3 № 179-І «О северном домашнем оленеводстве» // Якутские ведомости. – 1997. – 26 июля.
100. Закон г. Москвы от 16 июня 1999 г. № 25 «О ремесленной деятельности в городе Москве» // Ведомости Московской городской Думы. – 1999. – № 8.
101. Областной закон Ростовской области от 22 июля 2003 г. № 19-ЗС «О регулировании земельных отношений в Ростовской области» // Наше время. – 2003. – 30 июля.
102. Закон Республики Дагестан от 13 марта 2000 г. № 10 «О культуре» // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 2000. – № 3. – Ст. 194.
103. Закон Красноярского края от 31 октября 2002 г. № 4-608 «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Красноярский рабочий. – 2002. – 28 ноября.
104. Закон Мурманской области от 14 января 2003 года № 380-01-ЗМО «О северном оленеводстве Мурманской области» // Мурманский вестник. – 2003. – 17 января.
105. Закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 г. 82-3 № 175-ІІІ «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» // Якутские ведомости. – 2003. – № 43.
106. Закон Республики Тыва от 29 декабря 2004 года № 1058 ВХ-1 «О социальных гарантиях органов государственной власти, и гражданам, допущенным к государственной тайне» // Тувинская правда. – 2004. – 31 дек.
107. Закон Белгородской области от 31 января 2005 г. № 167 «Об ответственности родителей за воспитание детей» // Белгородские известия. – 2005. – № 17. – 2 февраля.

108. Закон Самарской области от 11 марта 2005 г. № 94-ГД «О земле» // Волжская Коммуна. – 2005. – 12 марта.
109. Закон Тамбовской области от 5 декабря 2007 г. № 316-З «О регулировании земельных отношений в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. – 2007. – 11 декабря.
110. Закон Красноярского края от 4 декабря 2008 г. № 7-2542 «О регулировании земельных отношений в Красноярском крае» // Наш Красноярский край. – 2008. – 23 декабря.
111. Закон Республики Калмыкия от 9 апреля 2010 г. № 177-IV-З «О регулировании земельных отношений в Республике Калмыкия» // Хальм Унгт. – 2010. – 13 апреля.
112. Закон Краснодарского края от 26 декабря 2012 г. № 2643-КЗ «О преимущественном праве муниципальных образований Краснодарского края на покупку земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения» // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. – 2013. – № 3 (192). – Стр. 295.
113. Закон Республики Дагестан от 8 апреля 2013 г. № 21 «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 2013. – № 7. – Ст. 425.
114. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 13 декабря 2013 г. № 86-РЗ «О регулировании отдельных вопросов в сфере организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Карачаево-Черкесской Республики» // ДР. Официальная среда. – 2013. – 21 дек.
115. Указ Губернатора Оренбургской области от 13 октября 2022 г. № 522-ук «О дополнительных мерах поддержки членов семей военнослужащих, призванных на военную службу по мобилизации» // Портал официального опубликования нормативных правовых актов Оренбургской области и органов исполнительной власти Оренбургской области. – URL: <http://pravo.orb.ru> (дата обращения 15.09.2023).

116. Указ Главы Республики Марий Эл от 26 октября 2022 г. № 176 «Об установлении в Республике Марий Эл дополнительных мер социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей» (Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. – URL: <https://mari-el.gov.ru> (дата обращения 12.10.2023)).

117. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 23 октября 2023 г. № 80 «О мерах поддержки участников специальной военной операции и членов их семей в период проведения специальной военной операции» // Якутские ведомости. – 2023. – 26 октября.

118. Постановление администрации Костромской области от 7 сентября 2010 г. № 312-а «Об утверждении Порядка реализации преимущественного права покупки земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения Костромской областью и взаимодействия администрации Костромской области с органами местного самоуправления муниципальных образований в случае отказа Костромской области от преимущественного права покупки земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения» // СП-нормативные документы. – 2010. – 17 сентября.

119. Постановление Правительства Ростовской области от 6 ноября 2014 г. № 736 «О порядке и сроках предоставления исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления поселения информации о реализации преимущественного права покупки земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание правовых актов Ростовской области. – 2014. – № 11.

120. Постановление Тверской городской Думы от 17 декабря 2002 г. № 11 (110) «О Порядке использования администрацией города Твери преимущественного права покупки доли в общей долевой собственности при продаже гражданами комнат в коммунальных квартирах» // Вся Тверь. – 2003. – № 1. – 16 января.

121. Постановление администрации Сампурского района Тамбовской области от 14 октября 2014 г. № 595 «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги "Прием детей в дошкольные учреждения в первую очередь (для многодетных семей)"» // Официальный сайт Администрация Сампурского района. – URL: <https://r56.tmbreg.ru> (дата обращения 01.06.2023 г.).

122. Постановление администрации г. Кузнецка Пензенской области от 1 апреля 2016 г. № 489 «Об утверждении порядка предоставления муниципальной преференции субъектам бизнеса, осуществляющим деятельность на территории города Кузнецка, в форме преимущественного права на заключение договора на размещение нестационарного торгового объекта» // Вестник администрации города Кузнецка Пензенской области. – 2016. – № 7 (80).

123. Решение Грозненской городской Думы Чеченской Республики от 2 октября 2018 г. № 66 // Официальный сайт Грозненской Городской Думы. – URL:<http://grozgorduma.ru> (дата обращения 01.06.2023 г.).

124. Приказ Органа местного самоуправления «Управление образования города Каменска-Уральского» Свердловской области от 16 июля 2018 г. № 164 «О внесении изменений в некоторые приказы начальника Управления образования» // Каменский рабочий. – 2018. – 17 июля.

125. Приложение № 2 «Перечень организаций, пользующихся приоритетным правом участия в общественных работах» к Постановлению Главы муниципального образования «Луховицкий район» Московской области от 12 марта 2004 г. № 285 // Луховицкие вести. – 2004. – 20 марта.

126. Приложение № 2 к Административному регламенту предоставления муниципальной услуги «Зачисление в муниципальную общеобразовательную организацию» (утв. Утвержден постановлением администрации города Тамбова Тамбовской области от 23 ноября 2020 г. № 5172 // Наш город Тамбов. – 2020. – № 90 (1588).

127. Приложение № 1 к Порядку приема в первый класс общеобразовательных учреждений городского округа Краснотурьинск «Перечень льготных категорий граждан, имеющих преимущественное право при зачислении в первый класс общеобразовательных учреждений» (утв. Приказом Управления образования городского округа Краснотурьинск от 11 марта 2021 г. № 54-Д // Официальный сайт Муниципального органа «Управление образования городского округа». – URL: <http://edu.krasnoturinsk.org> (дата обращения 07.10.2022)).

128. Положение о Благодарственном письме Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края (Приложение № 2 к Решению Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края от 16 июня 2022 г. № 831 «О наградах Рубцовского городского Совета депутатов Алтайского края» // Местное время. – 2022. – 28 июня)

129. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904. (*утратил силу*).

130. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406. (*утратил силу*).

131. Закон СССР от 15 июля 1970 г. № 2-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1970. – № 29. – Ст. 265. (*утратил силу*).

132. Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 26. – Ст. 385. (*утратил силу*).

### **Официальные документы**

133. Государственный стандарт СССР ГОСТ 8032-84 «Предпочтительные числа и ряды предпочтительных чисел» (утв. постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 9 августа 1984 г. № 2828 // База нормативной документации. – URL: [www.complexdoc.ru](http://www.complexdoc.ru) (дата обращения: 12.06.2022)).

134. Протокол о принципах обмена информацией между Международным центром по информатике и электронике (ИнтерЭВМ) и национальными организациями (Варна, 18 ноября 1988 г.) // СПС «Гарант» (документ официально опубликован не был).

135. Приложение № 1 к Рекомендациям по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних в субъекте Российской Федерации // Письмо Министерства образования и науки РФ от 25 июня 2007 г. № АФ-226/06 «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» // Вестник образования. – 2007. – № 16.

136. Письмо Министерства экономического развития РФ от 28 июля 2009 г. № Д05-3732 «О реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества» // СПС «Гарант» (документ официально опубликован не был).

137. Письмо Министерства экономического развития РФ от 13 декабря 2011 г. № Д23-5132 «По вопросу о преимущественном праве субъекта Российской Федерации или муниципального образования на покупку земельного участка» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

138. Решение Управления ФАС России по Белгородской области от 24 апреля 2013 г. № 132-13-А3 // Официальный сайт УФАС по Белгородской области. – URL: <https://belgorod.fas.gov.ru> (дата обращения 24.09.2023).

139. Постановление администрации Ипатовского городского округа Ставропольского края от 15 февраля 2021 г. № 162 «О создании комиссии по оценке преимущественного права на оставление на работе при сокращении численности или штата работников аппарата администрации Ипатовского городского округа Ставропольского края» // Официальный сайт администрации Ипатовского городского округа Ставропольского края. – URL: <http://www.ipatovo.org> (дата обращения 08.03.2023 г.).

140. Обращение Президента РФ от 24 февраля 2022 г. // Российская газета. – 2022. – 25 февраля.

141. Коллективный договор на 2022-2024 годы между работодателем и работниками университета, действующий в ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» // Официальный сайт ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». – URL: [https://www.syktu.ru/sveden/document/Kol\\_dorovor\\_29.12.2021.pdf](https://www.syktu.ru/sveden/document/Kol_dorovor_29.12.2021.pdf) (дата обращения 09.03.2023 г.)

142. Разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР от 07 мая 1928 г. «О разъяснении преимущественных прав лиц начальствующего состава РККА при сокращении штата и рационализации аппарата» (Протокол № 8, п. 8) // Известия НКТ СССР. – 1928. – № 28-29. (*утратил силу*).

143. Постановление Всесоюзного Совета физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР от 11 марта 1931 г. «Об утверждении Комплекса "Готов к труду и обороне СССР"» // Физкультура и спорт. – 1931. – № 8. (*утратил силу*).

### Научные издания

163. *Алексеев, С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 286 с.

164. *Апт, Л.Ф.* Дефиниции и право / Л.Ф. Апт. – М.: Академия, 2008. – 142 с.

165. *Апт, Л.Ф.* Легальные определения в законодательстве и судебной практике / Л.Ф. Апт. – М.: Российская академия правосудия, 2010. – 232 с.

166. *Архипова, Е.Ю.* Интеграционный процесс как проявление частного права / Е.Ю. Архипова. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2022. – 167 с.

167. *Байтин, М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – М.: Право и государство, 2005. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – 544 с.

168. *Байтин, М.И.* Вопросы общей теории государства и права / М.И. Байтин. – Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. – 400 с.
169. *Белоусов, С.А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / С.А. Белоусов. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. – 472 с.
170. *Васильев, А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
171. *Вернадский, Г.В.* Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь: Леан; Москва: Агран, – 1997. – 476 с.
172. *Виппер, Р.Ю.* Рим и раннее христианство / Р.Ю. Виппер. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 268 с.
173. *Витрук, Н.В.* Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990 / Н.В. Витрук. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 644 с.
174. *Ветютнев, Ю.Ю.* Государственно-правовые закономерности (Введение в теорию) / Ю.Ю. Ветютнев. – Элиста: ЗАО «НПП "ДЖАНГАР"», 2006. – 204 с.
175. *Ветютнев, Ю.Ю.* Аксиология правовой формы / Ю.Ю. Ветютнев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 197 с.
176. *Власенко, Н.А.* Избранное / Н.А. Власенко. – М.: Норма, 2015. – 671 с.
177. *Власенко, Н.А.* Методологические основания исследования правовых ценностей / Н.А. Власенко. – М.: Норма, 2023. – 200 с.
178. *Гегель, Г.В. Ф.* Философия права / Г.В. Ф. Гегель. [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсисянц]. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
179. *Гегель, Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики / Г.В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
180. *Горланов, Г.В.* Экономические привилегии: источники и формы проявления / Г.В. Горланов. – М.: Экономика, 1990. – 112 с.

181. *Горовцев, А.М.* Некоторые основные вопросы учения о праве / А.М. Горовцев. – Петроград: Скл. изд. кн. маг. «Право», 1917. – 303 с.
182. *Давыдова, М.Л.* Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление / М.Л. Давыдова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. – 213 с.
183. *Давыдова, М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М.Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
184. *Денисенко, В.В.* Легитимность права (теоретико-правовое исследование) / В.В. Денисенко. – М.: Проспект, 2022. – 240 с.
185. *Дудина, А.Н.* Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование) / А.Н. Дудина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.
186. *Иеринг, Р.-ф.* Цфль в правф / Р.-ф. Иеринг / переводъ В.Р. Лицкаго, Н.В. Муравьева, Н.Ф. Дерюжинскаго, подъ редакц. В.Р. Лицкаго. – Первый томъ. – Санкт-Петербургъ: Н. В. Муравьев, 1881. – 412 с.
187. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант. – Симферополь: Реноме, 2003. – 528 с.
188. *Керимов, Д.А.* Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 471 с.
189. *Клименко, А.И.* Правовая идеология современного политически организованного общества / А.И. Клименко. – М.: ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – 384 с.
190. *Кудрявцев, В.Н.* Нормы права как социальная информация / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит-ра, 1981. – 144 с.
191. *Лазарева, О.В.* Правовая процедура / О.В. Лазарева. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2004. – 150 с.
192. *Лейст, О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М.: Зерцало, 2008. – 339 с.
193. *Ленин, В.И.* Очередные задачи советской власти / В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 36. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – 741 с. – С. 165-208.

194. *Лукашевич, В.К.* Модели и метод моделирования в человеческой деятельности / В.К. Лукашевич. – Минск: Наука и техника, 1983. – 120 с.
195. *Макаров, М.Г.* Сложность и вариативность категорий диалектики / М.Г. Макаров. – Л.: Наука, 1988. – 179 с.
196. *Малько, А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. / А.В. Малько. – М.: Юрист, 2003. – 250 с.
197. *Малько, А.В., Шундилов, К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике / А.В. Малько, К.В. Шундилов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права», 2003. – 293 с.
198. *Малько, А.В., Суменков, С.Ю.* Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А.В. Малько, С.Ю. Суменков. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. – 179 с.
199. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд. Т. 23: Капитал. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.
200. *Матузов, Н.И.* Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 510 с.
201. *Матузов, Н.И., Ушанова, Н.В.* Возможность и действительность в российской правовой системе / Н.И. Матузов, Н.В. Ушанова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – 392 с.
202. *Морозова, И.С.* Основы теории правовых льгот / И.С. Морозова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2007. – 257 с.
203. *Никитин, А.А.* Феномен усмотрения в праве / А.А. Никитин. – Саратов: Наука, 2021. – 457 с.
204. *Нормы советского права (проблемы теории)* / Бабаев В.К., Байтин М.И., Баранов В.М., Вопленко Н.Н., и др.; / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др.; Под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 248 с.
205. *Петров, Д.Е.* Отрасль права / Д.Е. Петров. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2004. – 190 с.

206. *Радько Т.Н.* Теория функций права / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2014. – 268 с.
207. *Радько, Т.Н., Толстик, В.А.* / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. Функции права. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 106 с.
208. *Ранович, А.* Восточные провинции Римской Империи в I–III вв. / А. Ранович. – Москва; – Ленинград: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, – 1949. – 264 с.
209. *Репьев, А.Г.* Преимущества в праве и законодательстве / А.Г. Репьев. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 392 с.
210. *Сапун, В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права / В.А. Сапун. – СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2002. – 156 с.
211. *Сенякин, И. Н.* Специальные нормы советского права / И.Н. Сенякин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 97 с.
212. *Субочев, В.В.* Законные интересы / В.В. Субочев. – М.: Норма, 2008. – 495 с.
213. *Суменков, С.Ю.* Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ / С.Ю. Суменков. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2012. – 345 с.
214. *Суменков, С.Ю.* Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ / С.Ю. Суменков. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 372 с.
215. *Сырых, В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав / В.М. Сырых. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. – 2-е изд., стер. – 528 с.
216. *Тихомиров, Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 398 с.
217. *Трофимов, В.В.* Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / В.В. Трофимов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2009. – 308 с.

218. *Туранин, В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования / В.Ю. Туранин. – М.: Изд-во СГУ, 2010. – 259 с.

219. *Черданцев, А.Ф.* Толкование советского права: (теория и практика) / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрид. лит., 1979. – 166 с.

220. *Чернявский, А.Г., Погребная Ю.К.* Идеологическая функция права / А.Г. Чернявский, Ю.К. Погребная. – М.: Альфа-М, 2015. – 304 с.

221. *Шебанов, А.Ф.* Форма советского права / А.Ф. Шебанов. – М.: Юрид. лит., 1968. – 216 с.

222. *Щербакова, Е.К., Кулапов, В.Л.* Механизм правового воздействия в системе социального воздействия / Е.К. Щербакова, В.Л. Кулапов. – М.: Проспект, 2023. – 183 с.

**Публикации в периодических изданиях,  
материалах конференций, сборниках научных трудов**

223. *Алексеев, С.С.* Право - институциональное социальное образование / С.С. Алексеев // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. – Саратов, 1983. – С. 3-10.

224. *Байдарова, М.А.* Исключения в праве и формы их выражения (на примере объективизации исключений в правовом обычае и судебном прецеденте) / М.А. Байдарова // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 4 (28). – С. 13-18.

225. *Байдарова, М.А.* Конкуренция общей, специальной и исключительной нормы: вопросы теории и практики / М.А. Байдарова // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – № 3. – С. 57-64.

226. *Байтин М.И.* О принципах и функциях права: новые моменты / М.И. Байтин // Правоведение. – 2000. – № 3 (230). – С. 4-16.

227. *Беденков, В.В., Сорокин, В.В.* Алгоритм воспитания обыденного правосознания современного российского общества / В.В. Беденков,

В.В. Сорокин // Известия Алтайского государственного университета. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 19-22.

228. Белоножкин, А.Ю. Преимущественное правовое положение субъектов гражданских правоотношений / А.Ю. Белоножкин // Гражданское право. – 2010. – № 4. – С. 13-16.

229. Белоусов, С.А., Суменков, С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ / С.А. Белоусов, С.Ю. Суменков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 3-7.

230. Богданова, Е.Е. Преимущественное право на заключение гражданско-правового договора / Е.Е. Богданова // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2 (30). – С. 208-211.

231. Бондарева, Е.В., Хрущев, Е.Г. Преимущественные права в российском гражданском праве XIV- нач. XXI вв: историко-правовой анализ / Е.В. Бондарева, Е.Г. Хрущев // Ценности и нормы правовой культуры в новой правовой реальности: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященная 55-летию ЮЗГУ (Курск, 24 мая 2019 года). – Курск, 2019. – С. 17-22.

232. Бордакова, А.Г. Нормы-изъятия и исключения в праве: проблемы разграничения / А.Г. Бордакова // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 59-61.

233. Васильева, И.В. К вопросу об авторстве текста и значении Манифеста Петра III о вольности дворянской / И.В. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2004. – № 1. – С. 3-9.

234. Власенко, Н.А. Ограничения в праве: природа и пути исследования / Н.А. Власенко // Юридическая техника. Ежегодник. – 2018. – № 12 : «Ограничения в праве: теория, практика, техника». – С. 53-55.

235. *Власенко, Н.А.* Антиинновационные тенденции в современной юридической науке / Н.А. Власенко // Юридическая техника. – 2021. – № 15 : «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». – С. 53-54.

236. *Ворошилова, С.В.* Законодательство императрицы Елизаветы Петровны в контексте отечественных правовых традиций / С.В. Ворошилова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. – С. 214-222.

237. *Вьенно, Э.* Преимущественное право мужчины и французский дух монарха лилии: обсуждение Салической правды и создание национального консенсуса во время последней религиозной войны XVI столетия / Э. Вьенно // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2016. – Т. 1. – С. 212-229.

238. *Герасимов, А.Н.* У кого есть преимущественное право остаться на работе / А.Н. Герасимова // Трудовое право. – 2012. – № 5. – С. 39-45.

239. *Глушкова, Е.А.* Преимущественное гражданское право и правовая льгота: проблемы соотношения / Е.А. Глушкова // Современное право. – 2016. – № 11. – С. 22-26.

240. *Давыдова, М.Л.* Правовая норма, нормативное предписание, законодательное исключение – разнопорядковые категории / М.Л. Давыдова // Юридические исследования. – 2016. – № 4. – С. 37-44.

241. *Денисова, Л.Н.* Становление российского горного законодательства в эпоху Петра Великого / Л.Н. Денисова // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 16-19.

242. *Долженкова Е.В., Емельянов А.С.* Исключительные права советской номенклатуры (1920-е гг.): историографический обзор / Е.В. Долженкова, А.С. Емельянов // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 106-112.

243. *Драчук, М.А.* Проблемы применения судами норм трудового законодательства о преимущественном праве на оставлении работника на работе при разрешении трудовых споров / М.А. Драчук // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3 (49). – С. 175-181.

244. *Заливин, К.Ю.* К вопросу о преимущественных правах в корпоративном праве / К.Ю. Заливин // Актуальные вопросы современной науки. – 2016. – № 45. – С. 23-28.

245. *Зубарева, Н.В.* История возникновения преимущественного права покупки / Н.В. Зубарева // Журнал российского права. – 2006. – № 9 (117). – С. 72-80.

246. *Карташов, С.С.* Преимущественные права на примере Статута Великого Княжества Литовского 1529 года в государственно-правовой истории народов Центральной и Восточной Европы / С.С. Карташов // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне: матэрыялы міжнароднага навуковапрактычнага круглага стала, прысвечанага юбілею гісторыка права, доктара юрыдычных навук, прафесара Таісіі Іванаўны Доўнар. Мінск, 11 кастр. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2019. – С. 338-342.

247. *Кони́на, Е.Н.* К вопросу о причинности в праве / Е.Н. Кони́на // E-Scio. – 2021. – № 3 (54). – С. 406-412.

248. *Корнев, А.В.* Конкретизация права: постановка проблемы / А.В. Корнев // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 143-145.

249. *Кудрявцев, В.Н.* Юридические нормы и фактическое поведение / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 12-20.

250. *Кузнецова, Л.В.* Преимущественное право: понятие и правовая природа / Л.В. Кузнецова // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 46-54.

251. *Ланг, П.П.* Идеи блага в праве / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2020. – № 142. – С. 15-19.

252. *Леонова, Л.Ю.* Преимущественное право покупки: история возникновения, осуществление и защита / Л.Ю. Леонова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 18-19.
253. *Малинин, Ю.П.* Салический закон о престолонаследии и концепция королевской власти во Франции XIV–XV вв. / Ю.П. Малинин // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 1996. – С. 130-139.
254. *Малько, А.В.* Правовые средства как общетеоретическая проблема / А.В. Малько // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4-16.
255. *Малько, А.В., Морозова, И.С.* Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот / А.В. Малько, И.С. Морозова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 4 (227). – С. 143-156.
256. *Морозова, И.С.* Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы / И.С. Морозова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3 (266). – С. 190-199.
257. *Никольский, Н.* История возникновения и развития правового регулирования преимущественных прав в имущественном обороте / Н. Никольский // История государства и права. – 2006. – № 11. – С. 15-17.
258. *Онина, А.А.* Категории преимущественных прав: толкование и сравнительный анализ законодательства Латвии, Грузии, Украины и Белоруссии / А.А. Онина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 6. – С. 88-91.
259. *Осипов, Р.А.* Роль правовой информированности в формировании и развитии правосознания личности / Р.А. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 3. – С. 106-110.
260. *Оспичев, И.М.* Преимущественное право на оставлении на работе при сокращении: законодательное регулирование нуждается в доработке / И.М. Оспичев // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 41. – С. 118-120.

261. *Петров, Д.Е.* К вопросу о понятии и функциях дифференциации в праве / Д.Е. Петров // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 1. – С. 80-85.

262. *Петров, Д.Е.* К вопросу о причинах и предпосылках дифференциации структурных элементов системы права / Д.Е. Петров // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4 (38). – С. 119-127.

263. *Петров, Д.Е.* Единство и различие метода и способа правового регулирования / Д.Е. Петров // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 3 (60). – С. 18-22.

264. *Плахтий, Н.А.* Исключительный случай и нормативно-правовой термин / Н.А. Плахтий // Евразийский юридический журнал. 2021. – № 10 (161). – С. 74-77.

265. *Репьев, А.Г.* К вопросу о некоторых видах правовых преимуществ субъектов со специальным правовым статусом / А.Г. Репьев // Научные труды. Российская Академия юридических наук. – Выпуск 16. – Том 1. – 2016. – С. 134-140.

266. *Репьев, А.Г.* Правовые преимущества и законодательные исключения / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 392-402.

267. *Репьев, А.Г.* Ограничения, преимущества и исключения в праве: новый взгляд на теорию, практику, технику / А.Г. Репьев // Юридическая техника. – 2018. – № 12: «Ограничения в праве: теория, практика, техника». – С. 294-300.

268. *Репьев, А.Г.* Дефиниция «приоритет» в законодательствах и ее место в системе правовых преимуществ / А.Г. Репьев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2019. – № 19-2. – С. 113-114.

269. *Репьев, А.Г.* Иммунитет как правовое преимущество: дефинитивный аспект / А.Г. Репьев // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 1 (25). – С. 23-27.

270. *Репьев, А.Г.* Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ / А.Г. Репьев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 34. – С. 21-28.

271. *Репьев, А.Г.* Правовой обычай как источник закрепления преимуществ отдельных субъектов / А.Г. Репьев // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 97-102.

272. *Репьев, А.Г.* «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве / А.Г. Репьев // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 14-20.

273. *Репьев, А.Г.* Социальные и правовые нормы, содержащие преимущества: от обычного права к формально-определенному / А.Г. Репьев // История государства и права. – 2019. – № 5. – С. 17-22.

274. *Репьев, А.Г.* Правовые обычаи и традиции, предусматривающие отступление от равенства и являющиеся источниками закрепления правовых преимуществ / А.Г. Репьев // Государственно-правовые исследования. – 2020. – Вып. 3. – 2020. – С. 231-234.

275. *Репьев, А.Г.* «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование содержательных и технико-юридических позиций) / А.Г. Репьев // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 1. – С. 7-15.

276. *Репьев, А.Г., Сенякин, И.Н.* Законодательная категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика / А.Г. Репьев, И.Н. Сенякин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 1. – С. 164-179.

277. *Склавский, К.И., Смирнова, М.Б.* Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве / К.И. Склавский, М.Б. Смирнова // Хозяйство и право. – 2003. – № 10. – С. 88-98.

278. *Слабоспицкая, Н.Н.* Преимущественное право работника: правовая природа и проблемы реализации / Н.Н. Слабоспицкая // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 1 (40). – С. 102-110.

279. *Суменков, С.Ю.* Целевое предназначение исключений в праве / С.Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 5 (69). – С. 30-33.

280. *Суменков, С.Ю.* Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 1. – С. 71-83.

281. *Суменков, С.Ю.* Проблемы фиксации исключений из правил в тестах нормативно-правовых актов / С.Ю. Суменков // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 4 (21). – С. 104-113.

282. *Суменков, С.Ю.* Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики / С.Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112). – С. 23-28.

283. *Суменков, С.Ю.* Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве / С.Ю. Суменков // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 7 (116). – С. 59-69.

284. *Суменков, С.Ю.* Привилегия как правовое преимущество / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 88-96.

285. *Суменков, С.Ю.* Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения / С.Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 27-38.

286. *Суменков, С.Ю.* Способность права к абстракции и конкретности как его важнейшая функциональная характеристика / С.Ю. Суменков // История государства и права. – 2023. – № 1. – С. 14-19.

287. *Туранин, В.Ю.* Структурирование юридической терминологической системы / В.Ю. Туранин // Современное право. – 2013. № 2. – С. 20-25.

288. *Туранин, В.Ю., Нестеренко, В.В.* Полиаспектное дефинирование понятия «преимущественное право» / В.Ю. Туранин, В.В. Нестеренко // Проблемы научной мысли. – 2022. – № 8. – С. 92-95.
289. *Фарбер, И.Е.* О воспитательной функции общенародного права / И.Е. Фарбер // Советское государство и право. – 1963. – № 7. – С. 38-47.
290. *Хрони, Н.Н.* Приоритетные обязанности субъектов общественных отношений по законодательству Республики Казахстан / Н.Н. Хрони // Академическая мысль. – 2021. – № 3 (16). – С. 113-118.
291. *Чернобель Г.Т.* Формализация норм права / Г.Т. Чернобель // Советское государство и право. – 1979. – № 4. – С. 29-36.
292. *Чиркаев С.А.* Приоритет как средство правового регулирования наследственных отношений / С.А. Чиркаев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 169-172.
293. *Чиркаев С. А.* Приоритет в праве: вопросы дефинирования и смыслового восприятия / С.А. Чиркаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 108-117.

### **Учебная и справочная литература**

294. *Алексеев, С.С.* Общая теория права: курс в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
295. *Вопленко, Н.Н.* Реализация права / Н.Н. Вопленко // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – Т. 2 «Право». – С. 710-730. 816 с.
296. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. и авт. вступ. ст. : В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2009. – 257 с.
297. *Мицкевич, А.В.* Формы выражения, или источники, права / А.В. Мицкевич // Общая теория государства и права: академический курс :

в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 2. «Право». – С. 263-289. – 816 с.

298. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. 1987. – М.: Рус. яз. – 750 с.

299. *Покровский, И.А.* Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 2001. – 354 с.

300. *Радько, Т.Н.* Функции права / Т.Н. Радько // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 2 «Право». – С. 59-94. – 816 с.

301. *Сенякин, И.Н.* Система права / И.Н. Сенякин // Общая теория государства и права. Академический курс в трех т. / под ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 2 «Право» – С. 572-591. – 816 с.

302. *Шундиков К.В.* Механизм правового регулирования : Учебное пособие / К.В. Шундиков. – Саратов: СГАП, 2001. – 104 с.

### **Диссертации и авторефераты диссертаций**

303. *Байдарова, М.А.* Механизм реализации исключений в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.А. Байдарова. – Саратов, 2020. – 30 с.

304. *Бутузов, С.В.* Информационная функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.В. Бутузов. – СПб., 2004. – 23 с.

305. *Васильев, А.А.* Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Васильев. – Красноярск, 2007. – 28 с.

306. *Васильев, А.М.* Категории теории права (К разраб. понятийной системы) : автореф. дис. ... д-ра юрид наук: 12.00.01 / А.М. Васильев. – М., 1975. – 28 с.

307. *Васев, И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория : автореф. дис. ... канд юрид. наук: 12.00.01 / И.Н. Васев. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.
308. *Глушкова, Е.А.* Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.А. Глушкова. – М., 2016. – 31 с.
309. *Гребенкина, И.А.* Институт преимущественной покупки чужой недвижимости в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.А. Гребенкина. – М., 2013. – 30 с.
310. *Карабанова, О.А.* Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / О.А. Карабанова. – М., 2002. – 63 с.
311. *Ковалева, М.Л.* Преимущественные права в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Л. Ковалева. – М., 2011. – 29 с.
312. *Крузе, А.В.* Рабочее место как категория трудового права : автореф. дис. ... канд юрид. наук: 12.00.05 / А.В. Крузе. – Екатеринбург, 2015. – 28 с.
313. *Кузнецова, Л.В.* Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Л.В. Кузнецова. – М., 2006. – 50 с.
314. *Ланг, П.П.* Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.П. Ланг. – Казань, 2017. – 38 с.
315. *Левит, В.О.* Дефиниции в актах официального толкования норм права (доктрина, практика, техника) : автореф. дис. ... канд юрид. наук: 12.00.01 / В.О. Левит. – Владимир, 2012. – 36 с.
316. *Малова, О.В.* Правовой обычай как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.В. Малова. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

317. *Марич, Е.М.* Воспитательные стратегии родителей как детерминанта эмоционального самочувствия дошкольников в семье : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Е.М. Марич. – М., 2003. – 24 с.

318. *Мухина, Т.А.* Проблема соотношения естественного и позитивного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.А. Мухина. – Челябинск, 2005. – 25 с.

319. *Наритс, Р.Х.* Принцип единства прав, свобод и обязанностей граждан в условиях совершенствования социалистического общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р.Х. Наритс. – М., 1987. – 18 с.

320. *Осипов, Р.А.* Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р.А. Осипов. – Саратов, 2018. – 34 с.

321. *Переpletчикова, А.И.* Конкретизационные нормы российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.И. Переpletчикова. – Саратов, 2020. – 28 с.

322. *Петров, Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Д.Е. Петров. – Саратов, 2015. – 60 с.

323. *Побегайлов, Р.Г.* Социально-философский анализ дифференциации офицерского корпуса российских вооруженных сил : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Р.Г. Побегайлов. – Ростов-на-Дону, 2009. – 35 с.

324. *Потемкина, О.С.* Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.С. Потемкина. – Саратов, 2023. – 30 с.

325. *Репьев, А.Г.* Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.Г. Репьев. – Саратов, 2020. – 50 с.

326. *Сенников, И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.Е. Сенников. – Н. Новгород, 2003. – 21 с.

327. *Скачкова, Г.С.* Расширение сферы действия трудового права и дифференциации его норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Г.С. Скачкова. – М., 2003. – 62 с.

328. *Субботин, М.В.* Преимущественные права в российском гражданском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Субботин. – М., 2007. – 28 с.

329. *Суменков, С.Ю.* Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.Ю. Суменков. – Саратов, 2002. – 26 с.

330. *Суменков, С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / С.Ю. Суменков. – Саратов, 2016. – 58 с.

331. *Сыроватский, Д.И.* Научные основы организации и проблемы развития северного оленеводства : автореф. дис. ... д-ра экон. наук в форме науч. доклада: 08.00.05 / Д.И. Сыроватский. – СПб., 2003. – 63 с.

332. *Толстик, В.А.* Иерархия источников российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.А. Толстик. – Н. Новгород, 2002. – 54 с.

333. *Туранин, В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.Ю. Туранин. – Белгород, 2017. – 45 с.

334. *Хрони, Н.Н.* Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса : автореф. дис. канд. юрид. наук: 5.1.1. / Н.Н. Хрони. – М., 2023. – 24 с.

335. *Чернявский, А.Г.* Экономическая функция права в условиях формирования рыночных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Г. Чернявский. – М., 1999. – 21 с.

336. *Чупрунов, И.С.* Преимущественное право покупки доли (акций) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.С. Чупрунов. – М., 2021. – 27 с.

337. *Экимов, А.И.* Категория «цель» в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.И. Экимов. – Л., 1970. – 16 с.

338. *Юшкова, Ю.А.* Иммунитет как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.А. Юшкова. – М., 2008. – 24 с.

### **Интернет-ресурсы**

492. Грибов Д.Е. Ответ заместителя министра Минпросвещения России от 20 марта 2020 г. № ДГ 83/07 на обращение Законодательного Собрания Республики Карелия от 26 февраля 2020 г. // Официальный сайт Законодательного Собрания Республики Карелия. – URL: <http://karelia-zs.ru/appeal/1299vi> (дата обращения 14.09.2023).

493. Субочев В.В. Отзыв на автореферат докторской диссертации С.Ю. Суменкова / В.В. Субочев // Официальный сайт «ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/review/26-10-2016-1o1.pdf> (дата обращения 25.09.2022).